

ВЕСТНИК

МГИМО-УНИВЕРСИТЕТА

MGIMO Review of International
Relations
№ 6 (57) 2017

Журнал индексируется в следующих
системах и каталогах: Web of Science, РИНЦ,
Google scholar, список ВАК, ERIH PLUS, EBSCO.

Вестник МГИМО-Университета

Научный рецензируемый журнал

<http://www.vestnik.mgimo.ru/>

Главный редактор

Торкунов А.В. – академик РАН, ректор МГИМО МИД России.

Заместитель главного редактора

Кожокин Е.М. – доктор исторических наук, профессор, проректор по научной работе МГИМО МИД России.

Шеф-редактор

Харкевич М.В. – кандидат политических наук, доцент кафедры мировых политических процессов МГИМО МИД России, заместитель начальника Управления научной политики МГИМО МИД России.

Редакционный совет

Торкунов А.В. – ректор МГИМО МИД России, председатель Редакционного совета, академик РАН (Россия).

Артизов А.Н. – руководитель Федерального архивного агентства Российской Федерации, доктор исторических наук (Россия).

Волджи Т. – профессор политических наук университета Аризоны (США).

Грум Дж. – профессор международных отношений Кентского университета (Великобритания).

Давид Д. – исполнительный вице-президент Французского института международных отношений (Франция).

Де Танги А. – главный научный сотрудник Центра международных исследований (СЕРИ)/Сьянс По, профессор (Франция).

Дынкин А.А. – директор ИМЭМО РАН, академик РАН (Россия).

Кожокин Е.М. – проректор по научной работе МГИМО МИД России, заместитель председателя Редакционного совета, доктор исторических наук, профессор (Россия).

Кокошин А.А. – академик РАН (Россия).

Коробков А.В. – профессор политологии Университета штата Теннесси (США).

Лавров С.В. – министр иностранных дел Российской Федерации (Россия).

Мальгин А.В. – кандидат политических наук, проректор по общим вопросам МГИМО МИД России.

Михнева Р. – доктор исторических наук, исполнительный директор Национальной ассоциации Болгарское наследие (Болгария).

Нарышкин С.Е. – Директор Службы внешней разведки Российской Федерации.

Пивоваров Ю.С. – научный руководитель ИНИОН РАН, академик РАН (Россия).

Приходько С.Э. – заместитель председателя правительства Российской Федерации - Руководитель аппарата правительства Российской Федерации (Россия).

Рогов С.М. – научный руководитель Института США и Канады РАН, академик РАН (Россия).

Саква Р. – декан Школы политики и международных отношений Кентского университета (Великобритания).

Терзич С. – главный научный сотрудник Института Истории Сербской академии наук и искусств (Сербия).

Чубарьян А.О. – научный руководитель Института всеобщей истории РАН, академик РАН (Россия).

Редколлегия

Харкевич М.В. – кандидат политических наук, шеф-редактор журнала «Вестник МГИМО-Университета», доцент кафедры мировых политических процессов МГИМО МИД России, заместитель начальника Управления научной политики МГИМО МИД России.

Мягков М.Ю. – доктор исторических наук, профессор кафедры всемирной и отечественной истории МГИМО МИД России.

Меден Н.К. – редактор отдела научных изданий МГИМО МИД России.

MGIMO Review of International Relations

Scientific Peer-Reviewed Journal

<http://www.vestnik.mgimo.ru/>

Editor-in-Chief:

Torkunov A.V. – Rector of MGIMO University, Chairman of the Editorial Council, Academician of the Russian Academy of Sciences (RAS).

Deputy Editor-in-Chief:

Kozhokin E.M. – Vice-Rector for Research Work at MGIMO-University, Doctor of Historical Sciences, Professor.

Editor-in-Charge:

Kharkevich M.V. – PhD in Political Sciences, Associate professor, World Politics Department, MGIMO-University.

Editorial Council:

Torkunov A.V. – Rector of MGIMO University, Chairman of the Editorial Council, Academician of the RAS (Russia).

Artizov A.N. – Director of the Federal Archive Agency, Doctor of Historical Sciences (Russia).

Volgy Th. – Professor of Political Sciences at the University of Arizona (USA).

Groom J. – Professor Emeritus of International Relations, University of Kent (UK).

David D. – Executive Vice-President of French Institute of International Relations, IFRI (France).

De Tinguy A. – Senior Research Fellow of the Center for International Studies/Science Po, Professor (France).

Dynkin A.A. – Director of the Institute of World Economy and International Relations of the RAS, Academician of the RAS (Russia).

Kozhokin E.M. – Pro-Rector for Research Work of MGIMO University,

Deputy Editor-in-Chief, Doctor of Historical Sciences, Professor (Russia).

Kokoshin A.A. – Academician of the RAS (Russia).

Korobkov A.V. – Professor of Political Science and International Relations' at Middle Tennessee State University (USA).

Lavrov S.V. – Minister of Foreign Affairs of the Russian Federation (Russia).

Malghin A.V. – PhD of Political Sciences, Vice-Rector for General Issues of MGIMO University (Russia).

Mihneva R. – Executive Director of Bulgarian Heritage National Association, Doctor of Historical Sciences (Bulgaria).

Naryshkin S.E. – Director of Foreign Intelligence Service (Russia).

Pivovarov S.U. – Research Director of the Institute of Scientific Information for Social Sciences of RAS, Academician of the RAS (Russia).

Prikhod'ko S.E. – First Deputy Prime Minister of the Russian Federation - Chief of the Government Staff (Russia).

Rogov S.M. – Director of the Institute for US and Canadian Studies of the RAS, Academician of the RAS (Russia).

Sakwa S. – Dean of the School of Politics and International Relations of the University of Kent (UK).

Terzic' S. – Chief Research Fellow of the Serbian Academy of Sciences and Arts (Serbia).

Tchubar'yan A.O. – Research Director of the Institute of World History of the RAS, Academician of the RAS (Russia).

Editorial Staff:

Kharkevich M.V. – PhD in Political Sciences, Editor-in-Charge of «the Journal of MGIMO-University», Associate professor, World Politics Department, MGIMO-University.

Myagkov M.U. – Doctor of Historical Sciences, Professor of World and Russian History Department, MGIMO-University.

Meden N.K. – editor of MGIMO-University.

© МГИМО МИД России.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации».

Зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия Российской Федерации.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-29004 от 3 августа 2007 г. Перерегистрировано ПИ № ФС77-69112 от 14 марта 2017 г.

Адрес редакции: 119454, Москва, проспект Вернадского, д. 76, комн. 14. Тел./факс: 8 (495) 234-84-41;

веб-сайт: www.vestnik.mgimo.ru

e-mail: vestnik@mgimo.ru

ISSN-Print 2071 – 8160. Выходит 6 раз в год.

ISSN-Online 2541-9099.

Дизайн – Волков Д.Е., редакторы – Меден Н.К., Крупнов А.А., вёрстка – Волков Д.Е.

Отпечатано в отделе оперативной полиграфии и множительной техники МГИМО МИД России.

119454, Москва, проспект Вернадского, д. 76.

Тираж 2000 экз. Объём 17,55 усл. п.л. Заказ № 1692.

© Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation.

The Founder: Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation.

The Federal Service for Supervision of Communications, Information Technologies and Mass Media.

Certificate of registry ПИ № ФС77-29004, 3 August 2007. Reregistered ПИ № ФС77-69112 14 March 2017.

The Publisher Address : 119454, Moscow, Prospect Vernadskogo, 76, room. 14. Phone/fax: +7 495 433 2774.

URL: www.vestnik.mgimo.ru;

e-mail: vestnik@mgimo.ru.

ISSN-Print 2071 – 8160.

ISSN-Online 2541-9099.

Published by MGIMO University Press. Number of printed copies: 2000.

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ СТАТЬИ

Историческое измерение международных отношений

- 7 Кудрявцева Е.П. Российские посольские церкви и священнослужители при Николае I
- 20 Сардарян Г.Т. Католическая политическая доктрина в эпоху мировых войн
- 40 Максимова Л.Ю. Эволюция феномена гражданства в контексте исторического развития Западной Европы
- 64 Маркелов Н.А. «Полонизация» и «советизация» Западной Белоруссии: сравнительный анализ политики ассимиляции и интеграции
- 75 Шевцов Н.В. «Быховское сидение» генерала Корнилова

Центральная Азия

- 87 Нурулла-Ходжаева Н.Т. Деколонизация политических границ в Центральной Азии
- 102 Блохина А.О. Институциональные изменения и политическая стабильность в Киргизской Республике

Ближний Восток

- 116 Лорд Дэвид Оуэн Россия и Запад: «Дорожная карта» сотрудничества через увязку внешнеполитических интересов на Ближнем востоке и в Восточной европе
- 132 Беккин Р.И. Исламская экономика в «Исламском государстве»?
- 143 Филоник А.О., Исаев В.А., Морозов В.М. Возобновляемые источники энергии в развитии Арабского Востока (на примере становления гелиоэнергетики)

Международные организации и институты

- 161 Ходынская-Голенищева М.С. Работа Совета Безопасности ООН по сирийскому кризису в условиях трансформации системы международных отношений
- 174 Boyashov A. From High Aspirations to Harsh Reality: EU Human Rights Promotion at the UN Human Rights Council

Глобальные города

- 196 Пилька М.Э., Слука Н.А. Глобальные города США как хабы зарубежных ТНК

РЕЦЕНЗИИ

- 207 Капица Л.М. Международные конкурсные торги как эффективная форма мировой торговли
- 212 Горбанёв В.А. Мировое хозяйство с позиции географии, экономики и политики

Table of Contents 6 • 2017

RESEARCH ARTICLES

Historical Issues of International Relations

- 7 Koudryavtseva E.P. Russian Embassy Churches and Priest During the Reign of Nicholas I
- 20 Sardaryan G.T. Catholic Political Doctrine During the World Wars
- 40 Maximova L.Y. Evolution of The Phenomenon of Citizenship in The Context of Historical Development of The Western Europe
- 64 Markelov N.A. "Sovietization" of Western Belorussia: A Comparative Study of Assimilation and Integration Policies
- 75 Shevtsov N.V. "Bykhov Period" of Russian General Kornilov

Central Asia

- 87 Nurulla-Khodzhaeva N.T. De-Colonizing the Boundaries of The Central Asia
- 102 Blokhina A.O. Institutional Changes and Political Stability in the Kyrgyz Republic

Middle East

- 116 Owen D. Russia And the West: A Roadmap to Cooperation Through Foreign Policy Linkage of Middle East and Eastern Europe
- 132 Bekkin R.I. Islamic Economy In "Islamic State": Is It Possible?
- 143 Filonik A.O., Isaev V.A., Morozov V.M. Renewables in Development of The Arab East (Case of Solar Energy)

International Organizations and Institutions

- 161 Khodynskaya-Golenischeva M.S. The UN Security Council Acting on Syria In the Context of Emerging Multipolarity of International Relations
- 174 Boyashov A. From High Aspirations to Harsh Reality: EU Human Rights Promotion at The UN Human Rights Council

Global Cities

- 196 Pilka M.E., Sluka N.A. US Global Cities as Hubs for Foreign Transnational Corporations

BOOK REVIEWS

- 207 Kapitsa L. M. International Competitive Bidding as An Effective Form of World Trade
- 212 Gorbanyov V.A. World Economy from Geographic, Economic and Political Point of View

РОССИЙСКИЕ ПОСОЛЬСКИЕ ЦЕРКВИ И СВЯЩЕННОСЛУЖИТЕЛИ ПРИ НИКОЛАЕ I

Е.П. Кудрявцева

Институт российской истории РАН

Статья посвящена деятельности православных священников, несших службу при зарубежных миссиях и посольствах России. Штат священнослужителей был во всех дипломатических представительствах в странах Европы, где имелись православные церкви или устраивались специальные домовые церкви. Священники подчинялись послу или посланнику дипломатического представительства России, получали жалование от российского МИД и были ему подотчётны. Одновременно надзор над священнослужителями осуществлял Святейший Синод. В правление императора Николая I священники назначались и в некоторые страны Востока, с которыми Россия устанавливала дипломатические отношения. Самыми многочисленными штатами священнослужителей располагали миссии в Османской империи и Греции. Устройство церквей и сам обряд церковной службы в этих странах должны были служить примером для местных православных общин, в которых православные службы зачастую проводились не по принятому в русской церкви канону. Особо следует сказать о духовной миссии в Китае, с которым ещё не были установлены дипломатические отношения. На протяжении второй четверти XIX в. эти духовные миссии выполняли функцию дипломатических представительств России в этой стране.

Статья основана на документах из Архива внешней политики Российской империи МИД России, которые ещё не были вовлечены в научный оборот. Сама тема присутствия «духовных чинов» при дипломатических миссиях России не разрабатывалась в научной литературе (за исключением некоторых сюжетов, касающихся русского духовенства в Святой Земле). Между тем, обширность имеющихся материалов, свидетельствующих о важной роли посольских священников, позволяет существенно расширить рамки изучения деятельности российских представительств за рубежом.

Ключевые слова: российский МИД, посольства, миссии, зарубежные церкви, православные священнослужители.

УДК 322, 93, 327.39

Поступила в редакцию 10.10.2017 г.

Принята к публикации 13.12.2017 г.

10 (22) апреля 1832 г. Николай I подписал указ «Об образовании Министерства иностранных дел». Он гласил: «Признав за нужное дать Министерству иностранных дел образование, соответствующее более существу производимых в нём дел и применённое к устройству других главных в империи нашей управлений, повелеваем: 1. Учредить при сём Министерстве Совет, в котором присутствовать директорам департаментов и трём или более непременным членам, под председательством министра иностранных дел или заступающего его место, или же одного из членов Совета, по усмотрению министра; 2. Сверх существующего уже при Министерстве Азиатского департамента учредить: 1) Департамент внешних сношений, 2) Департамент внутренних сношений и 3) Департамент хозяйственных и счётных дел»¹. Именно департамент хозяйственных и счётных дел ведал делами личного состава Министерства, а также русскими церквями при посольствах и миссиях за границей. Второй стол первого отделения департамента занимался делами личного состава церковнослужителей русских церквей за границей. Во втором – счётном – отделении велись все финансовые и счётные дела согласно отчётам, поступавшим от посольских церквей в центральный аппарат МИД.

Ещё в 1828 г. Министерство получило восточную часть здания Главного штаба, построенного К.И. Росси на Дворцовой площади и выходящую на Певческий мост на Мойке. Сюда Министерство переехало с Английской набережной, и с этих пор само выражение «Певческий мост» (или «Pont aux Chantres») стало нарицательным, подобно принятому названию французского Министерства иностранных дел, в официальных бумагах обозначавшемся по месту расположения «Ке Д'Орсе» [3, с. 73].

В здании располагалась квартира министра иностранных дел и министерская церковь Св. Александра Невского, освящённая 2 сентября 1828 г. За место священника новой церкви разгорелась борьба: министр финансов Е.Ф. Канкрин лично предложил кандидатуру священника Александра Егорова, дьякона Сергиевского собора, о назначении которого просил К.В. Нессельроде в письме от 15 ноября 1828 г.² Однако обер-прокурор Святейшего Синода князь П.С. Мещерский усомнился в надлежащем образовании Егорова и предложил «к церкви» бакалавра С.-Петербургской духовной академии магистра Ксенофонта Делекторского, который и был назначен священником министерской церкви, а ему в помощь двух дьячков – Григория Иванова и Фёдора Семёнова³. Новая церковь стала получать содержание в 833 руб. за каждую треть года, а вскоре последовало повеление императора обновить всё церковное облачение, заменив его на праздничные одежды «зелёной шёлковой материи с серебряными крестами, а всedневное той же материи с шёлковыми белыми крестами»⁴.

¹ ПСЗРИ. Собр. 2-е. Т. VII. 1832.

² Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф. Административные дела. Оп. IV-41. 1828. Д. 4. Л. 1.

³ Там же. Л. 1 об.

⁴ Там же. Д. 10. Л. 82.

Министерство иностранных дел уделяло большое внимание устройству и функционированию при зарубежных миссиях России православных посольских церквей. Церковнослужители были при всех миссиях и посольствах Российской империи за границей. Ober-прокурор А.П. Толстой направил 17 июля 1857 г. циркулярное письмо к настоятелям заграничных православных храмов, находившихся, в том числе, и в ведении МИД. В письме говорилось: «По обычаю, заведённому предместником моим графом Н.А. Протасовым, настоятели православных церквей при всех русских миссиях сообщали ему (непосредственно или через директора Канцелярии) свои различные наблюдения над духовною жизнью тех стран, где им приходилось жить и действовать. Для точнейшего обозначения того, что в этом деле начальством почиталось особенно важным и любопытным, каждому настоятелю доставлена была в своё время программа, в которой изложены главные предметы, поручавшиеся их наблюдению. Получаемые таким образом сведения давали возможность судить о состоянии христианских исповеданий во всех странах Западной Европы» [3, с. 298–299].

«Духовные чины» были важной составляющей посольского штата. Члены российских представительств, надолго оторванные от родины и жившие в чуждой среде западно-христианской или мусульманской религии, остро нуждались в возможности отправлять религиозные обряды по православному канону. Обычно штат посольских церквей включал в себя протоиерея, священника, двух причетников и нескольких певчих. Число священнослужителей при константинопольской и афинской миссиях превышало соответствующие штаты в европейских державах. Это объяснялось в первом случае тем, что объём обязанностей священников в турецкой столице существенно превышал служебную «нагрузку» коллег в Европе, а во втором – тем, что, по мысли деятелей Святейшего Синода, греческая церковь должна была стать образцом для проведения православных служб на всех территориях, где проживали балканские православные славяне.

Церковный штат зарубежных посольских церквей, назначаемый Святейшим Синодом, подчинялся и получал жалование от Министерства иностранных дел. На местах священнослужители были подчинены главе миссии или посольства, который был обязан отчитываться за материальные траты на содержание местных церквей, починку и покупку для них принадлежностей. Как правило, церковный причт не испытывал нужды в необходимой для служения утвари и облачениях. Обычно протоиереи и священники, возглавлявшие штат служителей при миссии, получали от министерства жалование в 1200 руб. «в 250 голландских ценсов» за 1 руб., (как и все служащие в российских зарубежных представительствах), что существенно повышало реальную сумму жалования)⁵.

К концу николаевского царствования за границей при российских посольствах и миссиях числились 15 церквей: в Париже (протоиерей Д. Вергинский),

⁵ АВПРИ. Ф. СПб ГА IV-16. Оп. 158. Д. 16 (1839). Л. 3 с об.

Берлине (священник Д. Соколов), Лондоне (протоиерей Я. Смирнов), Вене (священник Г. Меглицкий), Константинополе (иеромонах Амвросий), Франкфурте-на-Майне, Роттенберге (священник Пивницкий), Стокгольме (священник М. Раевский), Штутгарде, Риме (иеромонах Герасим), Пекине, Афинах (архимандрит Анатолий), Неаполе, Швейцарии (священник Л. Каченовский), Копенгагене (священник Е. Попов), Венгрии (в селе Ироме, иеромонах Амфилохий), при дворе вел. княгини Марии Павловны (протоиерей Сабинин) и при дворе королевы Нидерландской Анны Павловны в Гааге⁶.

В списке православных церквей и священнослужителей в штатах миссий и посольств, относящемся ко времени правления Александра I, указывалось, что посольские церкви не были учреждены при миссиях в Неаполе, Лиссабоне, Мадриде, Париже и Флоренции⁷. Всего по данному списку зарубежным посольским церквям полагалось 17 200 руб. и 9 600 руб. сверх штата из общего бюджета МИД. По представленным в МИД бухгалтерским документам за 1841 г. из 20 зарубежных посольств и миссий за суммы, полученные на содержание православной церкви, не отчитались только пять представительств: миссии в Неаполе, при Германском союзе и дворах Саксонском, Ганноверском и Веймарском в Дрездене, Гессен-Дармштадском в Штутгарте, короля Сардинского и дворе Ольденбургском⁸. Православная церковь во Франкфурте-на-Майне была учреждена указом от 29 января 1844 г., а в августе того же года посланник П. Убри уведомил руководство МИД о прибытии к миссии священнослужителей. В Неаполе устройство церкви началось по указу от 3 апреля 1843 г., а её освящение произошло 6 декабря 1844 г., о чём посланник М.И. Хрептович докладывал в Петербург 12 декабря⁹.

Нередко в столицах западных держав уже имелся городской православный храм; в странах Востока службу обычно отправляли в посольской церкви. Кроме соблюдения регулярных и праздничных служб посольские церковники имели предписание о проведении особых служений православной церкви за границей. В 1831 г. обер-прокурор Святейшего Синода князь П.С. Мещерский разослал заграничным посольским церквям утверждённую Синодом форму «возношений на ектениях», т.е. провозглашений «многия лета» наследнику престола цесаревичу Александру¹⁰. По табели о высокаторжественных днях следовало служить молебны в дни рождения и тезоименитства членов императорской семьи. Повелено было праздновать также «победу под Полтавой, Кучук-Кайнарджийский мир, присоединение Таврического царства, победу при Гангуте и Гренгаме, взятие Шлиссельбурга»¹¹. В том же году С.-Петербургская консистория обратилась в Коллегию иностранных дел с предписанием всем священникам миссий и посольств за границей вести метрические книги обо всех отправляемых требах.

⁶ Там же. Ф. Административные дела. Оп.725/2. Д. 51. Л. 3 с об.

⁷ Там же. Ф. ГА IV-53. Д.1. Л. 140. Б/д.

⁸ Там же. Лл. 56-103.

⁹ Там же. Ф. Административные дела. Оп. 725/2. Д. 51. Л. 19, 25.

¹⁰ Там же. Ф. СПб ГА II-9. Оп. 46. Д. 3. Л. 4.

¹¹ Там же. Л. 13-14.

По своему устройству православные церкви за границей были разными. Прежде всего, это были собственно «посольские церкви» при миссиях и посольствах, находившиеся в здании российских представительств. Таковыми были церковь Св. равноапостольного кн. Владимира в Берлине, церковь во имя Святителя и чудотворца Николая в Вене, церковь Св. Елизаветы во Франкфурте-на-Майне, церковь во имя Святителя и чудотворца Николая в Риме. Другой вид посольских церквей подразумевал наличие отдельно от посольства стоящего здания церкви, как церковь Живоначальной Троицы в Афинах, которая, будучи «весьма древней», была подарена России греческим правительством. В отдельном каменном здании находилась также Петропавловская церковь в Париже. Некоторые церкви перемещались вслед за посольствами и имели статус «походных». В этом случае в них находился разборный перемещаемый иконостас. Таковой была церковь во имя Успения Божией Матери в Лондоне (записи в которой сохранились с 1749 г.), церковь во имя Св. Апостола Павла в Копенгагене. В столицу Дании эта походная церковь попала из Флоренции, куда в свою очередь была перемещена из Турина. Зачастую походные церкви следовали за путешествующими царственными особами русского двора или за великими князьями, выходящими замуж за немецких наследственных принцев. Так, после замужества великой княжны Ольги Николаевны в Штутгарте кроме походной церкви во имя Святителя и чудотворца Николая была устроена одноименная церковь во дворце наследного принца Вюртембергского. В Гааге при дворе королевы Нидерландской Анны Павловны находилась церковь Св. равноапостольной Марии Магдалины, а в Веймаре – одноименная церковь при дворе великой герцогини Марии Павловны. Существовали также т.н. «надгробные» церкви, как в венгерском селе Ироме церковь Св. мученицы царицы Александры и Св. праведного Иосифа. Эта святыня была построена протоиереем А. Самборским, духовником великой княжны Александры Павловны, вышедшей замуж за эрцгерцога Иосифа и скончавшейся в 1801 г. в Венгрии¹².

Отсутствие упоминания о церковнослужителях при миссиях в посольских документах могло означать, что они не получали специальных денег на содержание «домашних» при наличии в городах, подведомых данным миссиям, самостоятельных православных приходов. Так, российский посланник в Баварии Северин докладывал в 1842 г. в МИД о том, что приход православной церкви в Мюнхене находится на иждивении Баварского правительства, из чего следует, что посольской церкви при миссии не было. Северин жаловался на бедность священников, не имевших нужного облачения, и сообщал об их желании иметь сведения о чине службы и тех новостях, касавшихся «умножения императорской фамилии», которые рассылались российским посольским церквям за границей¹³. В ведении берлинской миссии состояли сразу две православные церкви:

¹² АВПРИ. Ф. ДЛС и ХД. Оп. 725/2. Д. 51.

¹³ Там же. Оп. 337/2. Д. 22. Л. 1 с об.

при самом посольстве и в Потсдаме. Прибывший в 1834 г. в Берлин священник Дормидонт Соколов, как и его предшественник протоиерей И. Чудовский, получали дополнительные деньги в 500 руб. на проезд в Потсдам, где проводили службу во второй православной церкви. Дело в том, что после завершения заграничных походов русской армии в 1814 г. здесь была основана русская колония Александровка, населённая бывшими военнопленными, получившими разрешение прусского короля остаться на поселение¹⁴.

В странах Востока, с которыми только устанавливались дипломатические отношения, православных церквей при миссиях не было. Исключение составляла турецкая столица. Здесь велась служба в двух православных посольских церквях – в Буюк-Дере на берегу Босфора, где располагалась дача российского посольства, на территории которой была построена церковь во имя Св. Елены и Константина, и в Пере (христианском квартале Константинополя), в здании российской миссии [4, с. 132–136]. Штат церковнослужителей при константинопольской миссии превышал аналогичные штаты российских миссий и посольств в европейских державах, как следует из «Примерного штата министерским церквам» за 1800 г. [6, с. 594–595]. Известно, что до 1818 г. российская миссия не имела посольской церкви. Её начал обустроить в Буюк-Дере посланник Г.А. Строганов, для чего из Одессы были выписаны церковная утварь и иконостас. В Константинополе роль посольской церкви вплоть до постройки собственного здания миссии исполняла одна из православных городских церквей. Российский посланник в Константинополе А.П. Бутенев отмечал, что она «часто посещается здешними нашими единоверцами, на коих согласные хоры русских певчих производят весьма благоприятное впечатление»¹⁵.

Ещё при посланнике А.Я. Италинском в буюкдерской церкви служили архимандрит Вениамин, иеродиакон Епифаний и четыре «церковника». При Строганове иеродиаконом стал о. Геннадий с жалованием 800 руб. серебром. Весь расход церкви составлял тогда 6670 пиастров¹⁶. В 1832 г. Бутенев просил директора Азиатского департамента МИД К.К. Родофиникина утвердить священником в Буюк-Дере о. Иеронима с жалованием в 600 пиастров (400 руб. и ещё 200 руб. на церковные расходы)¹⁷. В 1834 г. по повелению императора Николая I в константинопольской посольской церкви были утверждены в должностях иеромонах Амвросий, иеродиакон Григорий (Апостолов) и два причетника – Яковлев и Алексей Соколовский¹⁸.

Иеродиакон Григорий приходился племянником греческому Нисонисавскому митрополиту Даниилу. В 1821 г., когда в Турции начались гонения на христиан и в Константинополе был повешен патриарх Григорий, митрополит с племянником бежали в Россию¹⁹. Ещё до своего утверждения в должности иеромонах

¹⁴ Там же. Оп. 336. Д. 16. Т. 1. Л. 17.

¹⁵ АВПРИ. Ф. СПб ГА II-9. Оп. 46. Д. 9. Л. 29 об.

¹⁶ Там же. Л. 3.

¹⁷ Там же. Оп. 46. Д. 3. Л. 18.

¹⁸ АВПРИ. Ф. СПб ГА II-9. Оп. 46. Д. 9. Л. 11.

¹⁹ Там же. Д. 3. Л. 66 об.

Григорий несколько лет служил в посольской церкви за весьма скромное вознаграждение, и только в 1841 г. император повелел выплачивать ему «полный диаконский оклад по штату». Все «духовные чины» российского посольства утверждались Святейшим Синодом и присылались в Константинополь из России, хотя Бутенев предлагал принимать на службу местных православных священников. Он сообщал в Азиатский департамент о том, что «нетрудно приискать в здешней столице диаконов православной веры и славянского происхождения, которые всегда готовы будут являться по воскресеньям и праздничным дням за приличное вознаграждение из остаточных церковных денег»²⁰. В 1845 г. о. Григорий и о. Амвросий были удостоены наград, «принимая во внимание срок их службы и содействие при устройстве посольской церкви»²¹. Обер-прокурор Святейшего Синода Н.А. Протасов распорядился наградить о. Амвросия наперстным золотым крестом, а о. Григория – полугодовым окладом в 500 руб. серебром²². 12 июня 1847 г. Константинопольский патриарх Анфим рукоположил архидиакона Григория на степень Великого или Патриаршего архидиакона²³. В 1850 г. он был уволен в отставку после 16 лет службы в российской миссии, получил пенсию в 300 руб. серебром и поселился в сербском городе Неготине²⁴.

На церковные расходы миссии ежегодно выделялось 1270 руб. серебром. Эти средства шли на покупку церковной утвари и обустройство посольской церкви. По завершении постройки посольского дома и освещения при нём новой церкви Св. Николая Чудотворца она превратилась в центр притяжения для православных жителей Константинополя и всех российских подданных, оказавшихся в турецкой столице по делам службы и торговли. В 1846 г. настоятель посольской церкви о. Амвросий был посвящён константинопольским патриархом в сан архимандрита. Члены константинопольского Синода были польщены этой честью; подобного прецедента ранее не случалось, и он служил, по их мнению, «лучшим доказательством единства веры и духовного союза между Россией и Восточными церквями»²⁵.

После обретения Грецией независимости в 1830 г. Святейший Синод стал уделять особое внимание состоянию греческой церкви. Самые многочисленные штаты церковнослужителей принадлежали миссии в Греции: при посланнике Г.А. Катакази в российской миссии присутствовали архимандрит, иеродиакон, два причетника и пять певчих²⁶. В 1846 г. глава российского МИД обратился к российскому императору с прошением о приобретении в Афинах полуразрушенной церкви Св. Никодима для придания ей статуса посольской церкви российского дипломатического представительства. Для этой цели испрашивалась

²⁰ Там же. Д. 16. Л. 21 об.

²¹ Там же. Л. 41.

²² Там же. Л. 44.

²³ Там же. Л. 61.

²⁴ Там же. Л. 66 об.

²⁵ Там же. Ф. Славянский стол. Оп. 495. Д. 3860. Л. 1 об.

²⁶ Там же. Ф. ДЛС и ХД. Оп. 749/1 (1841). Д. 1519. Л. 102.

сумма в 7500 руб. серебром. Позже оказалось, что здание сильно повреждено, и потребуются дополнительные средства, чтобы перестроить и укрепить фундамент. Узнав, что разрушенный храм станет русской посольской церковью, греческое правительство предложило храм Св. Никодима России «безвозмездно», о чём канцлер докладывал императору в начале 1847 г. В резолюции Николая I было указано, чтобы «церковь отделать прилично и снабдить всем потребным, так, чтоб служить могла образцовой для края»²⁷. В это же время греческие подданные, братья Херетис, один из которых был директором Афинского королевского ботанического сада, а другой служил в греческом национальном банке, обратились к российскому поверенному в делах с просьбой принять в дар для новой посольской церкви в Афинах «древнюю икону с изображением Спасителя, написанную на чёрном мраморе и признанную тамошними художниками за отменное произведение болонской школы»²⁸.

К концу николаевского царствования встал вопрос об учреждении православной церкви в Персии. Ещё в 1853 г. Святейший Синод издал распоряжение о ежегодном отпращивании в Тегеран «ко времени Святой Пасхи» священника и двух причетников «для исполнения треб при тамошней нашей миссии»²⁹. По донесению управляющего дипломатической канцелярией заместника кавказского Лелли, во время празднования Пасхи экзарх Грузии Исидор ежегодно командировал к миссии в Тегеране и генеральному консульству в Тавризе наставника тифлисской семинарии Иосифа³⁰. Однако такая поездка была весьма затруднительной, поскольку путешественникам предстояла трудная и опасная дорога в 1440 вёрст по горной местности в неустойчивую погоду. К тому же, как докладывал Исидор Святейшему Синоду, персидский шах, принимая наших священников, затевал дискуссии о православном вероучении, вести которую могли только образованные священнослужители, что требовало, по мнению Исидора, их постоянного присутствия при тегеранской миссии³¹. При российском посольстве в Тегеране к тому времени уже существовала домовая церковь во имя Святителя чудотворца Николая.

Особую роль в дипломатической истории России сыграла Русская духовная миссия в Китае. Российского посольства, в привычном понимании этого слова, в Китае не существовало. Его функцию в некоторой степени выполняла Русская духовная миссия, за которой китайские власти признавали право дипломатического представительства России. Духовная миссия была учреждена указом Петра I от 18 июня 1700 г. С 1715 по 1914 гг. миссия состояла в ведении Святейшего Синода, однако в период с 1745 по 1864 гг. она была передана под управление Коллегии иностранных дел, а затем – Азиатского департамента [2, с. 151]. В те годы она приобрела статус дипломатического представительства, а с появлением в 1861 г. постоянного посольства России

²⁷ АВПРИ. Ф. СПб ГА I-1. Оп. 781. Д. 23. Л. 29 с об.

²⁸ Там же. Л. 51.

²⁹ Там же. IV-16. Оп. 134. Д. 3. Л. 9.

³⁰ Там же. Л. 1.

³¹ Там же. Л. 11-12.

в Китае миссия вновь перешла в ведомство Святейшего Синода. Обычно миссия возглавлялась архимандритом, включала в себя 10 человек, причём половину из них составляли светские люди. Представители Азиатского департамента, присутствовавшие в миссии, назывались приставами. В 1820–1821 гг. таким приставом служил Е.Ф. Тимковский, который позже стал управляющим С.-Петербургским Главным архивом, а в конце 40-х гг. приставом духовной миссии был Е.П. Ковалевский – будущий директор Азиатского департамента. И Тимковский, и Ковалевский оставили научные труды о путешествии в Китай, которые с интересом были встречены русским образованным обществом. С 1821 по 1830 гг. в Китае пребывала десятая по счёту миссия во главе с архимандритом Петром (в миру П.И. Каменским), до 1839 г. – одиннадцатая миссия во главе с архимандритом Вениамином (Морачевичем). Как правило, штат миссии был невелик: с Морачевичем в Китае находились магистр богословия Аввакум Честнов, иеромонах Феофилат (Киселевский), иеродиакон Поликарп Тугаринов, псаломщик Г. Розов, лекарь П.Е. Кирилов, студенты А. Кованько, А. Легашев и Е. Сычевский³². Директор Азиатского департамента К.К. Родофиникин ставил перед миссиями следующие задачи: «Главная и постоянная цель Российского министерства в отношении Китая есть политическая и торговая». Двенадцатая миссия отправилась в Китай в 1839 г. Она должна была «по возможности» способствовать налаживанию политических связей между государствами. В составе миссии числились астроном, лекарь, художник, ибо «через них упрочиваются и распространяются связи с нужными для нас лицами», – говорилось в Отчёте МИД за 1839 г.

«Самым блестящим временем» в истории русских заграничных духовных миссий в исторической литературе обычно называют период после Крымской войны, когда церковнослужители при русских миссиях соединяли литературную, историческую, переводческую и научно-богословскую деятельность [1, с. 298]. Однако и ряд посольских священнослужителей николаевского времени вошли в историю русской церкви благодаря своей подвижнической деятельности. По мнению современного греческого исследователя Константина Папулидиса, «представительство русской церкви за пределами Российского государства создавалось из её лучших кадров» [4, с. 147].

Как правило, церковный штат в посольствах и миссиях России за границей возглавлял протоиерей, окончивший Духовную академию, получивший звание магистра, часто прошедший школу преподавания в качестве профессора в Духовных семинариях и в самой Академии. Нередко они были почётными членами научных исторических и археологических обществ, писали исторические труды, знали нескольких европейских и древних языков. Выдающимся учёным, историком и собирателем древностей был архимандрит Порфирий (Успенский), возглавивший в 1847 г. первую духовную миссию в Палестине. До этого назначения архимандрит Порфирий служил в православной посольской церкви при

³² АВПРИ. Ф. ДЛС и ХД. Оп. 713. Д. 230 (Б/д). Л. 41.

русском посольстве в Вене. Его преемник в подвижнической деятельности на Святой Земле, а с 1850 г. настоятель посольской церкви Св. Никодима в Афинах о. Антонин (Капустин) в 1853 г. был возведён в сан архимандрита, изучал и публиковал древние надписи VI–XII вв., описывал рукописи и книги Афонской библиотеки. В 1860–1865 гг. он был перемещён к посольской церкви в Константинополе, но главным делом архимандрита Антонина была его научная и организационная деятельность в Святой земле. Протоиерей венской церкви Св. Николая Михаил Фёдорович Раевский, до этого восемь лет прослуживший священником при посольской церкви Св. Апостола Павла в Копенгагене, был членом общества Северных Антиквариюв по части древней русской истории, а в 1848 г. был избран корреспондентом императорского Одесского общества истории и древностей. Сторонник славянского единства, он поддерживал отношения со всеми выдающимися южнославянскими деятелями, которые с благодарностью пользовались его помощью и находили в его лице пламенного соратника в деле славянского возрождения [7].

Глава посольства отвечал за весь штат своей миссии, включая священнослужителей. Ему вменялось в обязанность следить за подчинёнными, недостойное поведение которых вело к наказанию. Так, в 1832 г. Николай I повелел выслать в Россию и отдать в солдаты певчего дворовой православной церкви в Веймаре Чернявского (характер его провинности не удалось проследить по имеющимся документам)³³. Случались и казусы. В 1844 г. посланник А.П. Бутенев доносил из Рима о том, что дочь дьячка римской православной церкви А. Лестоцкого сбегала и обвенчалась с неким римлянином Полити «с отступлением от православия в латинство». Наш посланник просил папское министерство и кардинала Ламбручини вернуть беглянку к отцу, но Николай I повелел прекратить дело, что и было исполнено³⁴. Более серьёзный случай произошёл с проживавшем в Париже бывшим священником Лавровым. Российский поверенный в делах в Париже Н.Д. Киселёв сообщал в секретном донесении в Петербург о том, что уволенный в 1834 г. от службы Лавров «ведёт жизнь самую безнравственную и, питая республиканские идеи, выказывает ненависть не только к России и государю императору, но даже и к самой религии»³⁵. Из Петербурга последовал приказ Нессельроде вернуть Лаврова в Россию, но тот решил остаться в Париже. Поначалу его лишили ежегодной пенсии «по ордену» Св. Анны 2-й степени, составлявшей 952 руб. серебром. Затем последовали и более суровые меры. Начальник Третьего отделения собственной е.и.в. канцелярии граф А.Ф. Орлов лично занялся делом Лаврова. По результату всеподданнейшего доклада обер-прокурора Святейшего Синода Протасова Николай I повелел объявить протоиерея «лишённым сана и изверженным из духовного чина»³⁶.

³³ Там же. Д. 1(1830). Л. 3.

³⁴ Там же. Оп. 158. Д. 27(1844). Л. 3-8.

³⁵ Там же. Д. 18. (1848). Л. 1.

³⁶ Там же. Л. 14.

Зачастую православные церкви при миссиях приходилось перестраивать и ремонтировать. Нужные для этого деньги выделялись по специальному пожалованию императора Николая I. В 1839 г. генеральный консул России в Саксонском королевстве Ф. Киль докладывал о поступившем ему от греческого консула и декана духовного греческого общества в Лейпциге Георгия Теохариса прошении выделить пособие на постройку в Лейпциге греческой церкви³⁷. Указывалось, что православная церковь во имя Св. Георгия, которая существовала с 1740 г. и поддерживалась средствами приезжавших на ярмарку греческих купцов, пришла в полный упадок. Новая церковь по предварительным расчётам будет стоить девять тыс. талеров; пять из них у общины уже имеется. Теохарис обращался к российскому императору с просьбой выделить недостающие средства. После того как министр иностранных дел К.В. Нессельроде доложил Николаю I о поступившем прошении, было принято решение выделить на постройку церкви три тыс. талеров; повторно входить к императору с докладом об этом деле и просить увеличить сумму вице-канцлер не осмелился, о чём откровенно признался в письме к российскому посланнику в Дрездене А.А. Шрёдеру³⁸.

Иногда помощь православным церквям за границей приобретала всероссийское значение, как это было после венгерского похода русской армии в 1849 г. Тогда были разрушены (сожжены или претерпели значительные повреждения) 115 православных церквей, принадлежавших сербам. В 1850 г. канцер обратился к обер-прокурору Святейшего Синода Н.А. Протасову с письмом, в котором сообщал, что получил уведомление московского генерал-губернатора Закревского о желании москвичей пожертвовать в пользу сербских церквей 7612 руб. 53 коп. Закревский спрашивал у Нессельроде, будет ли уместен такой взнос и какую реакцию он вызовет у австрийского правительства. Одновременно по просьбе сербского патриарха Иосифа к Протасову обратился священник посольской церкви в Вене Н.Ф. Раевский. Поскольку австрийское правительство не возражало против пожертвования, был составлен список пострадавших церквей на территории Нового Сада, Бачки, Будима и Темишвара. Общий ущерб был оценён в гигантскую сумму 1 308 137.27 серебряных флоринов³⁹. Принимая во внимание масштаб разрушений, император предложил открыть подписку на сбор средств в пользу сербских церквей и сам внёс 10 тыс. рублей серебром. Подписка была объявлена по всей России, приношения отсылались в местные уездные казначейства и в департамент внутренних сношений МИД. На протяжении нескольких месяцев деньги стали поступать из губерний – Симбирской, Владимирской Архангельской, Смоленской Тамбовской – а также из Петербурга и Москвы. К новому 1851 г. была собрана значительная сумма в 3 109 руб., и сбор средств был продолжен⁴⁰.

³⁷ Там же. Д. 44 (1839). Л. 4.

³⁸ Там же. Л. 33.

³⁹ Там же. Оп. 134. Д. 36. (1850). Л. 5.

⁴⁰ Там же. Л. 50.

Посольские церкви за границей служили центром притяжения для всех православных христиан западноевропейских стран, временно или постоянно проживавших вдали от своего отечества. Священнослужители при миссиях, получая жалование от российского МИДа, были своего рода дипломатическими представителями отечества за рубежом, ведая «духовной» сферой работы всего посольства или миссии России. Их церковные службы в домовых или городских православных храмах Европы и Азии ничем не отличались от служб российских храмов, но привлекали гораздо большее внимание зарубежной паствы, взиравшей на российских священников как на представителей великой православной церкви, окормлявших духовно и олицетворявших связь с родиной.

Список литературы

1. Богданова Т.А. Русское православное духовенство при посольских церквях в западной Европе как фактор межкультурного общения // Литературные взаимосвязи России XVIII–XIX вв.: по материалам российских и зарубежных архивохранилищ. М.: Литература, 2015. С. 150–166.
2. Горбачёва К.А. Российская православная духовная миссия в Китае в 1820–1930-е годы // Новая и новейшая история. 2017. №1. С. 147–161.
3. Емец В.А. Министерство иностранных дел России // Международная жизнь. 2000. № 1. С. 38–49.
4. Кудрявцева Е.П. Русские на Босфоре. Российское посольство в Константинополе в первой половине XIX века. М.: Наука, 2010. 347 с.
5. Лисовой Н.Н. Русское духовное и политическое присутствие в Святой Земле и на Ближнем Востоке в XIX–начале XX в. М.: Индрик, 2006. 510 с.
6. Очерки истории министерства иностранных дел России. Т.1. М.: Олма-пресс, 2002. 606 с.
7. Чуркина И.В. Протоиерей Михаил Федорович Раевский и югославы. М.: Индрик, 2011. 200 с.

Об авторе:

Елена Петровна Кудрявцева – д.и.н, ведущий научный сотрудник Центра внешней политики России Института российской истории РАН. 117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19. E-mail demetr22@mail.ru.

RUSSIAN EMBASSY CHURCHES AND PRIEST DURING THE REIGN OF NICHOLAS I

E.P. Koudryavtseva
DOI 10.24833/2071-8160-2017-6-57-7-19

Institute of Russian History of Russian Academy of Sciences

The article is devoted to activity of orthodox priests in Russian embassies and missions. All Russian embassies in Europe had churches and family chapels with the personnel. They sub-

mitted to ambassadors or heads of Russian missions, were accountable to the Russian Foreign Ministry that paid them salary. Most of the Holy Synod also controlled them. During the reign of Nicholas I the priests were appointed to those eastern countries with whom Russia wanted to open up diplomatic relations. The greatest number of cleric was in the Ottoman Empire and Greece.

Churches and church services in these countries had to be examples for orthodox communities for the Balkan Slavic population where orthodox church services are usually non-canonical. Special attention should be paid to the Russian Orthodox Ecclesiastical Mission in China that also served as a diplomatic mission there. During the second quarter several Orthodox Ecclesiastical Mission were established in China and remained there for a long time, while Russia still had no diplomatic relations with China.

The article is based on documents from the Archive of foreign policy of Russian Empire that have never been engaged in scientific researches. The theme of clerics' membership in Russian embassies has never been studied before (except for few works concerning Russian clergy in the Holy Land). The large scale of materials that shows an important role of embassy clerics make it possible to significantly broaden the study of the activity of the Russian representational offices.

Key words: Russian embassy, missions, Orthodox Church, priests, chapel, Russian ministry of international relations.

References

1. Bogdanova T.A. Russkoe pravoslavnoe dukhovenstvo pri posol'skikh tserkvakh v zapadnoi Evrope kak faktor mezhkul'turnogo obshcheniia [Russian Orthodox clergy at the embassy churches in Western Europe as a factor of intercultural communication]. *Literaturnye vzaimosviazi Rossii XVIII–XIX vv.: po materialam rossiiskikh i zarubezhnykh arkhivokhranilishch* [Literary interrelations of Russia XVIII–XIX centuries: on the materials of Russian and foreign archives]. Moscow, Literatura Publ., 2015. Pp. 150–166. (In Russian)
2. Gorbacheva K.A. Rossiiskaia pravoslavnaia dukhovnaia missiia v Kitae v 1820–1930-e gody [Russian Orthodox spiritual mission in China in the 1820s–1930s]. *Novaia i noveishaia istoriia*, 2017, no. 1, pp. 147–161. (In Russian)
3. Emets V.A. Ministerstvo inostrannykh del Rossii [Ministry of Foreign Affairs of Russia]. *Mezhdunarodnaia zhizn'*, 2000, no. 1, pp. 38–49. (In Russian)
4. Kudriavtseva E.P. *Russkie na Bosfore. Rossiiskoe posol'stvo v Konstantinopole v pervoi polovine XIX veka* [The Russians are on the Bosphorus. The Russian embassy in Constantinople in the first half of the XIX century]. Moscow, Nauka Publ., 2010. 347 p. (In Russian)
5. Lisovoi N.N. *Russkoe dukhovnoe i politicheskoe prisutstvie v Sviatoi Zemle i na Blizhnem Vostoke v XIX–nachale XX v* [Russian spiritual and political presence in the Holy Land and the Middle East in the XIX–early XX century]. Moscow, Indrik Publ., 2006. 510 p. (In Russian)
6. *Ocherki istorii ministerstva inostrannykh del Rossii* [Essays on the history of the Ministry of Foreign Affairs of Russia]. Vol. 1. Moscow, Olma-press Publ., 2002. 606 p. (In Russian)
7. Churkina I.V. Protoierei Mikhail Fedorovich Raevskii i iugoslaviiane [Archpriest Mikhail Fedorovich Raevsky and the Yugoslavs]. Moscow, Indrik Publ., 2011. 200 p. (In Russian)

About the author:

Elena P. Kudriavtseva – Doctor of Historical Sciences, leading research worker in the department “Russia in international relations” in the Institute of Russian History of The Russian Academy of Sciences. 117036, Moscow, ul. Dm. Ulyanov, 19.
E-mail: demetr22@mail.ru.

КАТОЛИЧЕСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДОКТРИНА В ЭПОХУ МИРОВЫХ ВОЙН

Г.Т. Сардарян

Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России

Предметом исследования является восприятие католической церковью проблем развития политических идеологий, движений и партий в период Первой и Второй мировых войн. Объект исследования – католическая политическая доктрина в период понтификата Бенедикта XV, Пия XI и Пия XII. Отдельное внимание автор уделяет ключевой энциклике – *Quadragesimo Anno*, изданной на 40-й год после послания *Rerum Novarum*, а также влиянию, которое церковь оказала на формирование послевоенной политической системы стран Европы. В работе широко использованы такие методы как диалектический, логический, сравнительный, системный, а также ряд других. Основным выводом автора является то, что в период мировых войн Церковь не концентрировала политическое учение только вокруг внешнеполитических вопросов, находясь в поиске политической платформы, способной обеспечить реализацию её принципов в рамках политического процесса. Очевидным образом, ни либерализм в чистом виде, ни тем более коммунизм таковыми являться не могли. Более того, именно в силу возникновения коммунистической угрозы Католическая церковь воспринимала ряд авторитарных режимов в ранние годы их существования как субъекты, которые возможно ориентировать на менее враждебное направление развития. В конечном же счёте Пий XII, выбирая между существующими политическими идеологиями, не сделал ставку ни на одну из них, отдав предпочтение выбору политического режима – демократии.

Key words: революция, католическое политическое учение, Бенедикт XV, Пий XI, Пий XII, демократия, Папа Римский.

УДК 322, 93, 327.39

Поступила в редакцию 08.07.2017 г.

Принята к публикации 10.12.2017 г.

Период понтификата Бенедикта XV, Пия XI и Пия XII, охватывающий исторический отрезок с 1914 по 1958 гг. при рассмотрении католической политической доктрины принято считать временем большей концентрации церкви на внешних отношениях, нежели на вопросах внутривнутриполитического устройства государства, статуса личности и церковно-государственных отношений. Это вполне естественно, учитывая две мировые войны, произошедшие в этот период, и в целом тектонические сдвиги в мировой политике. Однако, как утверждает американский социолог, политолог и историк Чарльз Тилли, «войны создают государства, а государства создают войны [29, с. 42]».

Очевидно, что революция в России, становление фашизма и нацизма в Италии и Германии, крушение величайших мировых империй не могли рассматриваться Святым Престолом только с внешнеполитической точки зрения. В конце концов речь шла о возникновении первого в мире государства с социалистическим строем, представлявшем на протяжении 70 лет единственную глобальную альтернативу либеральной модели конституции, а также режимов, в корне уничтожающих представления о либеральном пути развития европейских стран – итальянского, немецкого, португальского и испанского. При всех их различиях, данные режимы объединяло одно – выход политического дискурса о модели государственного строя за рамки противостояния либеральной демократии и Ancien Régime.

Мир, складывавшийся в начале XX в., знаменовал собой в действительности революционные трансформации общественной, культурной, научной и экономической парадигмы развития стран Запада. Европа того периода была разделена по многим параметрам. Прежде всего, разделена географически – Север и Юг развивались неравномерно. Если Берлин того времени – образец модернизации, экономического развития, Лондон – глобальный финансовый центр, то Рим представлялся прекрасной и при этом достаточно бедной антитезой богатому и динамичному Северу [10].

Надо отметить, что подобное разделение присуще и самой Италии – Север воспринимал Юг в качестве «североафриканской колонии», нещадно отстающей в своём развитии, а неаполитанцы и сицилийцы, в свою очередь, воспринимали северян не в качестве собратьев по национально-освободительному движению, а скорее как инициаторов и действующих лиц успешной экспансионистской кампании Савойской династии, осуществившей Рисорджименто (объединение Италии).

Схожая картина и в Габсбургской империи, где друг другу противостоят разные этнические группы, социальные классы, политические партии и движения.

Социальное разделение доходит до своего пика на фоне продолжающейся индустриальной революции. Класс рабочих, постоянно растущий и всё более не вписывающийся в сложившуюся систему социальных и политических отношений, начинает представлять серьёзную угрозу традиционному укладу западных

стран, а в России, как известно, приводит к революционным потрясениям, вылившимся в невиданное до этого насилие и кровопролитие.

Именно в этот период происходит становление т.н. «второго этапа» конституционного развития мира [1], напрямую связанного со становлением в России социалистического государства. Если до этого конституционное развитие предполагало постепенное распространение безальтернативной либеральной модели с разделением властей и политическим плюрализмом, то после Российской революции возникает социалистический уклад, подразумевающий отрицание распространявшихся на протяжении свыше, чем 100 лет конституционных норм либерального государства.

Влияние внешнеполитического фактора на политику Святого Престола в этот период было очевидным уже начиная с самого избрания Бенедикта XV. Конклав должен был избрать римского первосвященника в условиях, когда уже несколько месяцев бушевала Первая мировая война. Возможность избрания Папы Римского не из Италии была практически равна нулю, так как 18 из 31 не итальянских кардиналов представляли воюющие стороны. Итальянцы же составляли 34 из 65 кардиналов, принимавших участие в конклаве. Активно вмешивались в ход конклава иностранные государства – кардинал Хартманн из Кёльна пытался убедить остальных кардиналов Германии и Австро-Венгрии не поддерживать Джакомо Паоло Дживованни Баттисту дела Къезу (в последствии Бенедикта XV), отмечая, что тот является сторонником Мариано Рамполлы [20]. В 1903 г. Рамполла был одним из главных претендентов на папский престол, однако в виду его «излишне» профранцузской ориентации он приобрёл мощное сопротивление в лице австрийского императора Франца Иосифа I [30]. Согласно действующим на тот момент нормам, нескольким католическим монархам Европы (Испании, Франции и Австрии) предоставлялось *jus exclusivae* (право исключения) – вето кандидатуры при избрании Папы Римского. Несмотря на то, что конклав тогда публично отказался принимать вето императора, он, тем не менее, избрал Папой Джузеппе Мелкьорре Сарто (Пий X), который вскоре отменил право вето монархов в апостольской конституции *Commisum Nobis* [4], что стало весомым шагом в сторону разделения светской и духовной власти и обеспечения самостоятельности церкви. Австрия всячески пыталась убедить конклав проголосовать за кардинала Серафини, который должен был продолжить политику Пия X.

Учитывая опыт предыдущих конклавов, когда либеральный Лев XIII сменил консервативного Пия IX, а затем уступил свой престол не менее консервативному Пию X, важно было понимать – новый понтифик станет продолжателем традиции Пия X по борьбе с модернизмом, либо Святой Престол снова будет подвержен либеральным веяниям? Бенедикт XV не был известен широкой общественности, и ответа на данный вопрос никто дать не мог.

В своей первой энциклике *Ad Beatissimi Apostolorum*, традиционно рассматривающейся в качестве призыва к миру, обращённого к воюющим сторонам,

Бенедикт XV затрагивает целый ряд вопросов, связанных с политическими и социальными изменениями в Европе. Он видит причину страшных военных столкновений не только во внешнеполитических амбициях государств, но и в тех внутренних процессах, которые привели Европу к такому масштабу конфликта. По мнению понтифика, с тех пор как в управлении государствами перестали соблюдаться христианские принципы, служившие основой для мира и стабильности институтов, сами основы государств обязательно должны были начать расшатываться, а изменения в этике, в частности, в морали и нравственности общественности способны привести к концу цивилизации. Ещё одной проблемой он считает ослабление авторитета власти, которое, в конечном счёте, приводит к посягательству на частную собственность и жизнь граждан со стороны дезориентированного общества [2].

В данном случае позиция церкви была достаточно хорошо известна и заключалась в восприятии принципов светского характера государства исключительно с точки зрения недопустимости вмешательства власти в дела Святого Престола, при существенном влиянии духовенства на власть.

Что представляется более важным в обозначенной энциклике – это рассмотрение ключевых вопросов общественного устройства, составляющих предмет диспута между правыми и левыми политическими идеологиями. Понтифик отмечает, что общество стало разделено на два противоборствующих лагеря – тех, кто владеет имуществом, будь то по наследству или по собственной деятельности, и пролетариат, воспламенённый ненавистью и завистью, потому что, хотя они по своей природе равны, они не занимают того же положения, что богатые, будучи проникнутыми заблуждениями агитаторов, к чьим заветам они наиболее послушны. Бенедикт XV убеждён, что прямой связи между природным равенством человека и его одинаковым статусом в обществе существовать не может, так как положение каждого – это то, что он, используя свои природные способности, способен сделать для себя. На его взгляд, бедные, которые борются с богатыми, не только действуют вопреки справедливости и милосердию, но и действуют нерационально, потому что они сами могут улучшить собственное состояние.

Очевидно, что из двух столкнувшихся на тот момент политических идеологий – коммунизма и либерализма, данная позиция в наибольшей степени близка именно к правым политическим движениям. Церковь беспрекословно защищает частную собственность, рыночную экономику, отрицая при этом социалистические представления о способах преодоления общественного неравенства. Сама идея неравенства воспринимается церковью как присущая человеческому обществу.

Сравнение подобной позиции со взглядами ключевых идеологов либерализма показывает, что доктрины друг другу существенно не противоречат. Джон Локк утверждает, что смесь труда человека с ресурсами, созданными природой, создаёт результат этого труда – природу, трансформированную человеческой

активностью в законную собственность, накладывая на других естественные обязательства по уважению этих продуктов как собственности, принадлежащей тому, кто её произвёл [14]. Шарль Монтескьё, в свою очередь, вообще предлагает ограничить гражданские права лиц, не владеющих собственностью, отмечая, что при выборе представителей все граждане в различных районах должны обладать правом голоса, за исключением тех, чьё состояние настолько бедно, что они не способны обладать собственной волей [17].

То есть, не оправдывая социального неравенства, и Святой Престол, и идеологи либерализма, тем не менее, не могут отрицать его неизбежности, а также неприкосновенности частной собственности. Идея же о всеобщем равенстве возможностей, будучи куда более привлекательной и гуманной, тем не менее, в виду своего несоответствия человеческому естеству, его природе и реалиям общества, ведёт в конечном счёте не к более справедливому распределению общественного блага, а к ещё большему столкновению разных общественных слоёв, попыткам незаконного овладения чужой собственностью либо и вовсе её уничтожению. По всей видимости, не будь столь мощного социалистического движения к востоку от границ католического мира, он был бы в большей степени сконцентрирован на дискурсе с либерализмом о природе происхождения данных прав, их масштабе и степени всеобщности. Однако, учитывая политические реалии, выбор был сделан в пользу относительного компромисса, который должен был помочь справиться с нарастающей угрозой левых политических движений, представляющих для церкви, несомненно, куда большую угрозу.

Необходимо отметить, что ряд учёных полагают, что большевистская угроза якобы воспринималась Святым Престолом в несколько ином ключе. Царизм, в данном случае, рассматривается как препятствие для распространения католицизма внутри России, а его падение, секуляризация страны, соответственно, якобы давали возможность для обращения русского народа в католицизм [21]. Представляется, что данная позиция всё же мало соответствует действительности. В её основе лежат статьи не самых высокопоставленных иерархов Католической церкви, а многочисленные энциклики самого Папы Римского как правило не рассматриваются. Коммунизм в любых его проявлениях рассматривался Ватиканом как величайшее из зол, возможных в сфере политических идеологий.

О том, что коммунизм подтолкнул Католическую церковь к компромиссу с либерализмом и фактическому союзу с капитализмом, писали и такие, мягко говоря, далёкие от церковной иерархии деятели, как Карл Маркс и Фридрих Энгельс. Знаменитая фраза о бродящем по Европе призраке коммунизма сменяется утверждением о том, что «для священной травли этого призрака объединились Папа и царь, Меттерних и Гизо, французские радикалы и немецкие полицейские» [16, с. 5].

Таким образом, масштаб угрозы со стороны коммунистической идеологии стал ключевым фактором в компромиссе Католической церкви и либерализма, а затем и ряда других политических идеологий. До появления мощного левого

движения Святой Престол постепенно претендовал на возврат утраченных позиций, умело использовал возможности представительской демократии, создавая христианско-демократические партии и достигая с ними успеха.

К примеру, на выборах в Италии 1919 г., «Народная партия Италии», основанная в том же году католическим священником Луиджи Стурцо, заняла на выборах в парламент страны второе место после социалистов, уступив им 12% с результатом 20,5%, опередив либералов, набравших 15,9% [20]. Во Франции подобные результаты отследить куда сложнее, так же, как и динамику их развития, так как целый ряд политических партий ассоциировал себя с католицизмом, представляя при этом различные центристские и правые течения. В том числе речь идёт и о различного рода католических республиканских партиях, стремящихся соединить в себе ценности республики и католической политической доктрины, для противостояния левым. К ним относятся и «Монархисты», и «Партия народного либерального действия», и «Христианские демократы», и «Интегрлисты». В конечном счёте христианское поле во Франции стало разделено на лагерь «либерал-католиков» и «социал-католиков», так же, как и вскоре в Италии.

Бенедикт XV скончался от пневмонии в 22 января 1922 г., уступив Святой Престол Аброджио Дамиано Акилле Ратти, ставшему в последствии Папой Пием XI – первым суверенным правителем Ватикана, после его создания в 1929 г.

В первой же своей энциклике *Ubi Arcano Dei Consilio* Пий XI провозглашает, что различные формы правления, в том числе республиканская, не противоречат принципам католической веры, которые легко примирить с любой разумной и справедливой системой правления¹. В этот период христианская демократия перестаёт быть тождественной монархистским политическим движениям и находит возможность для собственного развития в рамках республиканской формы правления, хотя и до этого достаточно успешно пользовалась отдельными её элементами.

Одним из наиболее сложных вопросов, выпавших на период понтификата Пия XI, являются отношения Церкви с режимом Муссолини в Италии и Гитлера в Германии. Уже к 1923 г. лидер «Народной партии Италии» Луиджи Стурцо вынужден подать в отставку, так как оказывается неспособен переубедить Святой Престол перейти в жёсткую оппозицию к Муссолини, пришедшему к власти в том же году. Вскоре Стурцо покинет Италию и будет вынужден находиться в изгнании в Великобритании.

Переговоры между Католической церковью и правительством Италии начались в 1926 г. (на заключительной стадии в них участвовал лично Муссолини) и продолжались до 1929 г., когда были заключены Латеранские соглашения, состоящие из договора, финансовой конвенции и конкордата. В первой же статье договора провозглашалось, что «Италия признаёт и подтверждает принцип, со-

¹ Lateranesi Patti. Articolo 1.

гласно которому католическая, апостольская и римская религия является единственной религией государства»².

Необходимо сразу уточнить, что конкордат с Муссолини был заключён на фоне более широкого процесса по созданию правовой базы с светскими правительствами стран Европы и Америки, в основе которого лежало стремление гарантировать возможность существования католических организаций, движений и объединений на территории данных государств. Фактически посредством конкордатов Святой Престол стремился к решению нескольких задач – признанию католических организаций (т.н. «Католического действия»), приданию правового статуса церковным бракам, а также эксклюзивному праву назначения епископов без какого бы то ни было согласования со светской властью, уступая при этом в вопросах, не составляющих предмета духовных функций Церкви [7].

В этих условиях содержание конкордата с Италией представлялось невероятным достижением, положившим конец «Римскому вопросу», причём на условиях, чрезвычайно выгодных для Ватикана. Сам Папа в своей энциклике *Quinquagesimo Ante* говорит о данном событии чрезвычайно торжественно, называя день подписания соглашения «самым счастливым днём, наступившим быстрее, чем все надеялись»³.

Тоталитарные режимы Европы оказались менее антикатолическими, чем либеральные, будучи готовыми идти на куда большие уступки. Конкордат с Муссолини стал первым соглашением, в котором были отражены практически все требования Святого Престола по отношению к светской власти того периода.

Ряд учёных, рассматривая компромисс Ватикана с Муссолини, утверждают, что его причину необходимо искать в заложенном в католической политической доктрине стремлении к признанию утверждённой власти и, соответственно, учитывая, что Муссолини был премьер-министром Италии, именно этим и объяснялось желание и готовность церкви начать с ним переговоры [28].

Тем не менее таким же образом можно было бы утверждать, что до этого была установлена власть Королевства Италии, однако на протяжении десятилетий Святой Престол не достигал подобных результатов с её руководством и запрещал итальянским католикам участвовать в политической жизни страны.

По всей видимости в данном контексте снова можно вспомнить про «угрозу слева». Муссолини, так же, как и ряд других европейских диктаторов, изначально рассматривался как метод борьбы с коммунизмом. Одна часть церкви надеялась «католицизировать» режим, другая видела в подобном развитии событий временное явление, позволившее, тем не менее, решить Римский вопрос – политическое противостояние между итальянским правительством и папством,

² *Inter sanctam sedem et Italiae regnum conventiones initae die 11 Februarii 1929.* [Электронный ресурс]: URL: http://www.vatican.va/roman_curia/secretariat_archivio/documents/rc_seg-st_19290211_patti-lateranensi_it.html (дата обращения: 01.12.2017).

³ *Tutte le encicliche e i principali documenti pontifici emanati dal 1740: Pio XI (1922-1939).* Libreria editrice vaticana, 1993. p. 341.

длившееся с 1861 г. Как бы то ни было, тоталитарные режимы оказались в большей степени готовы к диалогу с Ватиканом, нежели либеральные правительства, а в вопросе борьбы с коммунизмом, представлявшем безусловную угрозу для Католической церкви, являлись существенной силой.

Конкордат с Германией был заключён под большим влиянием от результата договорённостей с итальянским правительством. Необходимо сразу отметить, что переговоры между Ватиканом и Германией начались ещё до установления в ней диктатуры, однако именно режиму Гитлера удалось подписать конкордат, который затем им же неоднократно нарушался.

Для нацистского режима конкордат с Ватиканом был направлен, в первую очередь, на решение внутривнутриполитических проблем, в отличие от аналогичного соглашения Муссолини, которое регулировало одну из наиболее болезненных внешнеполитических проблем Италии, имея, конечно же, весомое значение и для внутренней политики.

Гитлера беспокоило, что противостояние группы католиков его режиму на религиозной почве может стать препятствием для массового перехода немцев к новым политическим реалиям [31]. В тот период политическое представительство католиков в Германии осуществлялось посредством «Партии центра», а в Баварии – «Народной партии». Они оказались лишены существенной части своих аргументов в идеологической борьбе против нацизма, который Гитлер на первых порах стремился представить, как защитника христианства.

Необходимо учитывать, что ещё до становления нацистского режима в Германии Ватикан подписал конкордаты с тремя германскими территориями с наибольшей долей католического населения – Баварией, Пруссией и Баденом. Соглашения обеспечивали местное католическое население максимально возможными гарантиями безопасности и самостоятельности. Однако опасность заключалась в том, что в случае, если бы Ватикан отказался подписать новый конкордат уже с нацистским режимом, то упоминавшиеся соглашения были бы денонсированы, что поставило бы местные общины под удар, особенно учитывая тот факт, что в период ратификации региональных конкордатов национал-социалисты голосовали против них в региональных парламентах.

Если в случае с католиками речь шла о попытке с одной стороны обезопасить собственные общины на территории Германии, а с другой – найти силу, способную представлять влияние коммунистам, то в случае с протестантами сближение с национал-социалистами обрело совершенно иной окрас. В 1932 г. создаётся организация «Христиане Германии». Уже в 1933 г. при прямом вмешательстве нацистов созываются церковные выборы, по результатам которых «Христиане Германии» выигрывают в 24 из 27 региональных церквях. Архиепископом Рейха становится советник Гитлера Людвиг Мюллер [27].

Реакция католических архиепископов на подписание конкордата была двоякой. Возражать против содержания самого соглашения было бессмысленно, так как посредством него Ватикан пытался обеспечить безопасность католиков

в Германии. Непосредственно текст конкордата был направлен на то, чтобы уверить католиков внутри Германии, а также сам Святой Престол в том, что в лице нацистов можно найти верных союзников в борьбе с безбожниками-коммунистами. Сам же Третий рейх должен был предстать вовсе не угнетателем христиан, как это вскоре окажется, а их самым главным защитником.

Архиепископы и епископы поддерживали те гарантии, которые были закреплены в конкордате, в частности, религиозные свободы, право церкви на управление собственным имуществом, определение правового статуса священнослужителей. В вопросах же, не разрешённых в рамках конкордатов с Пруссией, Баварией и Баденом, а именно касательно католического образования и существования католических молодежных организаций, фон Папен пошёл на принятие практически всех условий Ватикана [26].

Основные сомнения были связаны не с содержанием соглашений, а с тем, чтобы они «стоили больше чем бумага, на которой они изложены». Подавляющее большинство католических священнослужителей было убеждено, что Гитлер нарушит соглашения, что вскоре и произошло.

Уже через четыре года после подписания конкордата Папа Пий XI издаёт энциклику *Mit Brennender Sorge* (в переводе с немецкого — «С огромной обеспокоенностью»), в которой подвергает критике режим в Германии и выражает разочарование результатом, достигнутом после заключения соглашения. В этой энциклике он вскользь отмечает и причину, побудившую его пойти на переговоры с немцами, утверждая, что «если тогда древо мира, которое мы посадили на германской земле с чистейшим намерением, не принесло плода, мы надеялись, что никто в мире, у кого есть глаза, чтобы видеть и уши, чтобы слышать, не сможет возложить вину на Церковь»⁴.

Святой Престол говорит о «врагах Христа и его Церкви», не называя при этом конкретных имён, но достаточно однозначно указывая на режим в Германии. Скажем, Пий XI говорит о том, что кто бы ни возвышал расу или народ, государство или определённую его форму, какую-либо иную фундаментальную ценность человеческого сообщества, кто бы ни обожествлял их до идолопоклонства – искажает и извращает порядок мира, запланированный и сотворенный Богом.

В секретном докладе, предоставленном Нюрнбергскому трибуналу в качестве доказательства Управлением стратегических служб (англ. Office of Strategic Services, OSS) — первой объединённой разведывательной службы США, на основе которой было создано ЦРУ, рассматривались гонения нацистов на христиан. В материале, названном «Нацистский генеральный план: преследование христианских церквей» (*The Nazi Master Plan; The Persecution of Christian Churches*) говорится о том, что «национал-социализм по самой своей природе был вражде-

⁴ Catholic Church. Pope (1922-1939 : Pius XI). Encyclical Letter (*Mit Brennender Sorge*) of His Holiness Pius XI by Divine Providence Pope on the Situation of the Catholic Church in Germany. Catholic Truth Society Publ., 1941. P. 2.

бен по отношению к христианству. Целью национал-социалистического движения была конвертация немцев в гомогенную расовую группу. Несмотря на консервативную позицию христианских церквей в Германии, в частности, согласие с авторитарными методами управления, нападки на социалистов и коммунистов, несогласие с условиями Версальского мира, тем не менее, доктринальные убеждения не позволяли им примириться с принципами расизма, агрессивной военизированной внешней политикой, внутренней политикой по абсолютному подчинению церкви государственной власти. Лидеры партии национал-социалистов ставили своей окончательной целью полноценное уничтожение христианства и замену его расовой религией, отвечающей потребностям партии»⁵.

Через пять дней после издания *Mit Brennender Sorge* Пий XI издаёт энциклику, целиком посвящённую критике коммунизма – *Divini Redemptoris*. Само появление коммунизма Святой Престол связывает с попытками дехристианизации европейского общества, что, по мнению Католической церкви, было организовано группами интеллектуалов, стремившихся освободить европейцев от религии и морали⁶. Марксизм рассматривается Ватиканом как квинтэссенция зла, в его рамках никакие права индивида не признаются в отношениях с коллективизмом, а его роль сведена к шестерёнке в большой коммунистической системе, сам же индивид не обладает никакими имущественными правами на материальные блага или средства производства, что также считается Святым Престолом недопустимым. Основной посыл Пия XI – противопоставление коллективизму коммунизма центральной роли человека в политической доктрине Католической церкви. Понтифик убеждён, что общество создано для человека, а не наоборот, и что только человеческая личность, а не общество, в любой его форме, наделена разумом и моральной свободной волей.

Итальянский философ, журналист, основатель и руководитель «Итальянской коммунистической партии» Антонио Грамши в подтверждение оснований для враждебного отношения Ватикана к коммунизму рассматривает церковь как одно из главных исторических препятствий для распространения модернизма и либерализма, которым не удалось сломать существующий порядок, что должно удасться марксизму, который должен пробудить в людях революционный потенциал [11].

Грамши, как и итальянские коммунисты в целом, восторгался способностью Католической церкви влиять на социальные процессы, образ поведения индивидов. В их представлении, Католическая церковь являлась абсолютным гегемоном общественного сознания, что автоматически делало её соперницей «революции» и предопределяло необходимость уничтожения роли христианства в обществе для распространения идеалов марксизма в европейских странах.

⁵ United States Office of Strategic Services. Research and Analysis Branch. The Nazi master plan : the persecution of the Christian churches. Office of Strategic Services, Research and Analysis Branch, 1945. p. 5-7.

⁶ Catholic Church. Pope (1922-1939 : Pius XI). Encyclical Letter (*Divini Redemptoris*) of His Holiness Pius XI by Divine Providence Pope on Communism, Capitalism and Christianity. Catholic Truth Society Publ., 1943. 2 p.

Энциклика имела важное значение и с точки зрения её позиционирования среди интеллектуалов. До этого идеологическое противостояние между Ватиканом и марксистами охватывало в первую очередь класс рабочих.

Однако к 1937 г. марксизм обретал всё большую популярность среди молодых интеллектуалов, в особенности во Франции. Профессор Ливерпульского университета Кай Чадвик, рассматривая Францию в период 1937 г. отмечает, что, когда французский коммунист Анри Лефевр представлял марксизм как воплощение гуманизма прометеевского масштаба, требовалась хорошо обоснованная, сложноустроенная критика [6].

Хотя, как бы странно это ни звучало, но прагматизм, реализм и честность церкви стали одной из причин её неспособности одержать верх в борьбе с новыми политическими идеологиями. Эгалитаризм и левых, и правых, нереализуемый априори, тем не менее, был для широких масс куда более притягательной перспективой устройства общества в будущем, нежели реалистичная картина, представляемая церковью.

Особой важностью обладает энциклика Пия XI, изданная ещё до заключения конкордата с немцами, в которой обсуждаются этические последствия социального и экономического порядка начала. Энциклика *Quadragesimo Anno*, изданная через 40 лет после *Rerum Novarum* Льва XIII, дословно переводится как «на сороковой год».

По иронии судьбы, самый значимый вклад в составление энциклики внесли германские иезуиты Густав Гундлах и Освальд фон Нелл-Брёнинг. Сразу после публикации энциклики правительство фашистской Италии поспешило заявить, что все требования к социальному порядку, обозначенные в послании Папы Римского, уже реализованы режимом Муссолини, более того, ему удалось достигнуть результатов куда более внушительных, чем требовали того *Rerum Novarum* и *Quadragesimo Anno* [3].

Рассматривая обращение Папы Римского, необходимо отметить, что оно, помимо прочего, является одним из ярчайших примеров реализма церкви, в вопросах, связанных с социально-политическим устройством общества. В нём очень комплексно отражена системная позиция Ватикана в отношении либеральной и социалистической политических идеологий, в частности их позиций в вопросе неравенства. Пий XI говорит, что и 40 лет назад Лев XIII, автор *Rerum Novarum*, не ждал никакой поддержки ни от либералов, ни от социалистов, так как «либерализм доказал, что совершенно неспособен правильно решить социальную проблему, а социализм предложил средство намного хуже самого зла, способное подвергнуть человеческое общество большой опасности» [5].

Сама энциклика построена по принципу раскрытия положений предыдущей – *Rerum Novarum*, где традиционно большое внимание уделяется вопросам частной собственности, составляющей в период идеологического столкновения середины XX в. один из ключевых аспектов политического содержания социального развития европейских государств.

Рассмотрев позицию Католической церкви по вопросам неотъемлемости частной собственности, Пий XI при этом уделяет особое внимание тому, что в современных условиях принято обозначать как «социальная ответственность бизнеса». Он утверждает, что избыточные доходы человека, а именно те, что превышают его потребность в поддержании достойного уровня жизни, не могут быть оставлены ему одному, так как Священное Писание и церковь убеждены в том, что богатые связаны очень серьёзным обязательством практиковать милостыню, благотворение и щедрость [5]. При этом понтифик подвергает жёсткой критике социализм за его стремление национализировать все средства производства. Внутри либерализма же Папа выделяет индивидуализм, как одну из угроз взаимоотношениям между государством и обществом, так как, по его мнению, вне различных форм ассоциаций и объединений количество запросов к государству становится бесконечным, и оно в итоге оказывается недееспособным.

В условиях нынешней парадигмы либерализма, предполагающей зачастую обратную форму дискриминации, когда интересы меньшинства навязываются большинству, подобная точка зрения уже не представляется далёкой от истины.

Ключевым же значением, в данной связи, обладали два принципа, выдвигаемые Пием XI, которые на долгие годы сформулировали основополагающие направления развития европейских политических систем – субсидиарность и корпоратизм.

Понтифик, говоря об изменениях в политических системах стран мира, отмечает, что передача функций и полномочий индивидов на уровень сообществ так же не справедлива, как любая попытка передачи вышестоящим объединениям того, что может быть выполнено нижестоящими. По данной причине, по мнению Пия XI, верховная власть должна позволять иерархически подчинённым группам решать вопросы меньшей степени важности, оставляя за собой только те полномочия, которые они осуществлять не смогут.

Подобный подход окажет важное влияние на развитие федерализма в Европе, так как стремление к разграничению сфер ведения с закреплением за государственной властью того объёма полномочий, которые не могут быть осуществлены региональными образованиями, является одним из столпов развития данной формы политико-территориального устройства.

Принцип субсидиарности в конечном счёте был закреплён и в учредительных документах Европейского союза, в частности, ст. 5 Договора о Европейском союзе. Несмотря на страх современной европейской политической элиты называть Европу наследницей и результатом христианского цивилизационно-культурного наследия, в одном из основополагающих актов она практически дословно дублирует позицию Католической церкви, утверждая, что «руководствуясь принципом субсидиарности, в сферах, которые не входят в его исключительную компетенцию, ЕС действует только в том случае, если и в тех случаях, когда цели предполагаемого действия не могут быть в достаточной степени до-

стигнуты государствами-членами как на центральном, так и на региональном и местном уровне, но могут по причине масштаба или последствий действия быть достигнуты на уровне Союза»⁷.

Сам дискурс относительно степени влияния христианских ценностей на формирование европейских политических систем и направлений развития политических процессов может быть лишён смысла. Ряд учёных, например, Карлос Эдуардо Мальдонадо утверждают, что распространение данного принципа напрямую связано с периодом власти христианских демократов в Италии [15]. Однако, более важным представляется другое. Если в таком узконаправленном вопросе, как политико-территориальное устройство государства принципы Католической церкви были реализованы сначала в политических системах европейских демократий, а затем и закреплены в учредительных документах ЕС, то о более крупных и базисных институтах, таких, как разделение властей, правовое государство и пр. можно и не говорить.

Пию XI часто ошибочно приписывают внедрение в обиход самого термина «солидарность», что не является правдой. Он безусловно затрагивал темы, составляющие содержание данного термина, как это делали и многие его предшественники, однако сам предпочитал говорить об «общественной справедливости». Тем не менее, стремление найти альтернативу предлагаемым капитализмом и марксизмом моделям социально-экономического устройства приводит понтифика к идее корпоратистского трипартизма.

Корнями она уходит в средневековые гильдии, братства и ордены. Лев XIII в 1884 г. создал комиссию для изучения корпоратизма, которая определила его как «систему социальной организации, которая имеет в своей основе объединение людей в соответствии с общностью их интересов и социальных функций, которое направляет и координирует рабочих и капитал в вопросах, составляющих общий для них интерес» [32].

Пий XI видел в корпоратизме перспективу для создания модели социально-экономических взаимоотношений, в которой граждане будут организованы в гильдии и добровольные объединения, сотрудничающие друг с другом в условиях нейтрального государства. Несмотря на позицию Католической церкви о том, что католическая доктрина не является третьим путём, в данном случае можно утверждать, что корпоратизм выступает как альтернатива либеральному индивидуализму и марксистскому тоталитаризму. Несмотря на то, что в советской науке было принято проводить параллель между поддержкой церковью корпоратизма и системами, сложившимися в фашистских государствах, очевидно, что в большинстве стран, где после Второй мировой войны у власти находились христианские демократы, и не только, сложились модели социаль-

⁴ European Union. Treaty on European Union (Consolidated Version). Official Journal of the European Union, C326/01, 26.10.2012. art. 5.

но-экономического устройства, находящиеся под безусловным влиянием корпоративистского трипартизма.

Наследник Пия XI – последний на данный момент в именной династии Пий XII сделал последний шаг перед Вторым Ватиканским собором, кардинально изменившим политическое учение Католической церкви. Ставка на демократию и права человека, в том числе политические, в отличие от социально-экономически ориентированных энциклик Льва XIII, стали доминирующими в период понтификата Эудженио Мария Джузеппе Джованни Пачелли.

Ещё в период до интронизации Пачелли приходилось контактировать с нацистами и фашистами. Более того, именно он, будучи государственным секретарём Святого Престола, вёл переговоры и подписал с немцами «Рейхskonкордат». Возможно, опыт и знание реалий тоталитарных режимов также сыграли свою роль в определении Пием XII позиции Ватикана по моделям политического устройства государств.

Сам образ Пия XII представляется чрезвычайно интересным и неоднократно становился предметом ожесточённых споров в среде научного сообщества. Кульминацией отрицательных оценок в отношении понтифика можно считать книгу британского учёного Джона Корнвелла [8], изданную в 1999 г. под названием «Папа Гитлера: тайная история Пия XII», в которой Пачелли обвиняется в недостаточно жёсткой позиции в отношении нацистов и легитимизации режима Гитлера путём заключения с ним конкордата. Пий XII представлен в книге ярким антисемитом, заботящимся исключительно об укреплении собственной власти.

Однако, подобные утверждения представляются мало соответствующими действительности. Будущий премьер-министр Израиля, а на тот момент – министр иностранных дел Голда Меир в своём письме в Ватикан по случаю смерти Пия XII отдельно отметила, что «когда страшное мученичество настигло наш народ, голос Папы был слышан в защиту жертв. Жизнь нашего времени была насыщена голосом, говорящим о великих моральных истинах, стоящих над бытием повседневного конфликта» [25].

Естественно, это далеко не единственная в своём роде положительная оценка деятельности Папы от еврейских и мировых лидеров во время и в годы после войны, все они достаточно хорошо задокументированы. Первые обвинения в его адрес стали звучать только после его смерти, в частности, в пьесе [12] «Заместитель» 1960 г., в которой понтифик представлен явно отрицательным персонажем. Этот тренд будет продолжаться достаточно долго, как в средствах массовой информации, так и среди отдельных групп учёных.

Однако недавние труды специалистов по данному периоду истории доказывают совершенно обратное. Так, американский автор Марк Риблинг утверждает, что благодаря недавно полученным сведениям можно с уверенностью полагать, что Пачелли, в бытность ещё кардиналом, развернул тайную деятельность, чтобы сорвать первую попытку Гитлера захватить власть в 1923 г. Когда же лидер нацистов пришёл к власти, Пачелли следовало следить за соблюдением Герма-

нией договора. С этой целью им была создана чрезвычайно сложная епископальная сеть разведки, сосредоточенная в Мюнхен-Фрайзинг. После того, как Пачелли стал Папой Пием XII, эта разведывательная сеть сыграла, по мнению автора, жизненно важную роль в попытках свергнуть Гитлера, организованных Ватиканом [24].

В своём рождественском послании 1944 г. Пий XII касается системных вопросов политического устройства государства. Ряд учёных ошибочно трактует это обращение как выбор Пием XII либерализма в качестве наиболее желаемой политической идеологии. Как и в других случаях, речь идёт о подмене понятий, так как понтифик говорит о демократии, которая может иметь самые различные формы, лишь одной из которых является либерализм. В самом послании слово «либерализм» вовсе не употребляется, а содержание видения понтифика в отношении институтов власти и их взаимоотношения с обществом и церковью представляются скорее центристскими, нежели либеральными.

Пий XII, в частности, утверждает, что «обладая горьким опытом, народы более агрессивны в противостоянии концентрации диктаторской власти, которую нельзя подвергать цензуре, и призывают к форме правления, в большей степени соответствующей достоинству и свободе граждан. Эти толпы, взволнованные войной сегодня, твердо убеждены – если бы существовала возможность осуждения и исправления действий государственной власти, мир не был бы втянут в вихрь катастрофической войны, и, чтобы избежать в будущем повторения такой катастрофы, мы должны обеспечить эффективные гарантии самим людям» [22].

Однако это вовсе не противоречит предшествующим энцикликам Святого Престола. С самого момента Великой французской революции Католическая церковь утверждала, что без контроля государственной власти с её стороны, без подчинения политического моральному никакая власть не может гарантировать свободы и достоинства людей.

Более того, Пий XII говорит о том, что если будущее должно принадлежать демократии, существенная часть её достижения должна принадлежать христианству, так как оно защищает метафизические истины, являющиеся в конечном счёте основой и директивной нормой каждой демократии.

Схожей позиции придерживается профессор Гарвардского университета Брайан Хехир, утверждающий, что разногласия с либерализмом были слишком глубокими, чтобы их можно было преодолеть. Речь идёт и о роли личности, которая менее автономна и более социальна в католицизме, и в представлении об обществе, которое, в представлении Ватикана, возникло не на договорной, а естественной основе, и в роли государства, которую церковь стремилась ограничить [9]. Ряд учёных полагают, что ставка Пия XII на демократию была попыткой обозначить её границы, в первую очередь ограничив моральную легитимность государственной власти [23].

Существенным изменением можно считать акцент на политических правах личности. Утверждения, что Пий XII стал первым папой, который в

принципе поднял вопрос прав человека, являются заблуждением. Скорее можно говорить о том, что присущая Католической церкви концентрация на социально-экономических правах постепенно расширилась и на политические. Удивительно, но в рамках мирового конституционного развития данный процесс обстоял ровным образом наоборот – сначала принимались конституции и конституционные акты, регламентирующие политические свободы, и лишь позже, в рамках второго этапа – социально-экономические права.

Следует отметить, что усиление акцентов в вопросе поддержки демократии дало бесспорный результат – партии христианских демократов стали самыми влиятельными политическими силами в Италии, ФРГ, обладали существенным воздействием на политику во Франции и других странах. Сами конституции Италии, ФРГ и Франции в период 1946-1949 гг. были написаны под значительным влиянием ценностей христианской демократии, которая, в отличие от начального периода своего существования, пользовалась всеобъемлющей поддержкой Ватикана.

Пий XII сделал важные выводы из безрезультативности принципа *Non expedit*, который запрещал католикам участие в политической жизни Италии, что в итоге привело к ещё большим потерям для Католической церкви, так как политические силы, обладавшие широкой поддержкой католиков, лишались возможности представительства их интересов в органах государственной власти. И вскоре, не случись большевицкая революция в России, у христианских демократов были бы все шансы взять верх над либеральными политическими силами, с которыми они вынужденно пошли на компромисс, для противостояния коммунистической угрозе.

После окончания же Второй мировой войны Католическая церковь оказывала всяческую поддержку христианским демократам, в частности, в Италии. Надо отметить, что к 1946 г. все обстоятельства говорили в пользу доминирования христианских демократов. В Италии церковь оставалась фактически единственной разветвлённой организационной сетью, представленной на территории всей страны. Причём структурно она была организована практически непогрешимо – любое решение Папы Римского неукоснительно соблюдалось любым священником. Организации католиков также беспрекословно поддерживали понтифика, и, соответственно, христианских демократов [13].

Естественно, вся указанная иерархия не имела бы совершенно никакого значения, если бы не голосующие на выборах граждане, на которых и оказывалось влияние посредством структур Святого Престола. Достаточно будет отметить, что до 67% регулярно посещавших церковные службы граждан голосовали за христианских демократов, коих в Италии было на тот момент 2/3 от общего числа населения [18].

Именно христианские демократы Франции, Германии и Италии становятся основоположниками создания Европейского объединения угля и стали, право-

преемником которого станет Европейский союз. Робер Шуман, Конрад Аденауэр и Альчиде Де Гаспери были лидерами христианско-демократических партий своих стран и видели в подобном объединении возможность создания единой «христианской республики». Сегодня, оглядываясь на путь, пройденный ЕС, в том числе многочисленные расширения состава его членов, можно с уверенностью сказать, что единственной глобальной идеей, способной объединить в рамках единого пространства страны от Португалии до Польши, могло быть христианское цивилизационное наследие. Причём, в первую очередь, Католической церкви. Реформация ознаменовала собой «национализацию» церквей, отделение от глобального пространства Католической церкви, что сопровождалось возникновением концепции национального суверенитета. В нынешних условиях христианскую сущность цивилизационного наследия ЕС всеми способами пытаются заменить на светскую «европейскую», которая в действительности является анахронизмом.

Список литературы

1. Енгибарян Р.В. Конституционное развитие в современном мире. Основные тенденции. М.: Норма, 2010. 496 с.
2. Benedetto XV. Ad beatissimi apostolorum principis. Litterae encyclicae, die I Novembris 1914. Libreria Editrice Vaticana Publ., 1914. 24 p.
3. Bushlack Th. J. Politics for a Pilgrim Church: A Thomistic Theory of Civic Virtue. Wm. B. Eerdmans Publishing, 2015. 279 p.
4. Calasso F. Enciclopedia del diritto. Vol. 34. Giuffrè Publ., 1958. 256 p.
5. Catholic Church. Pope (1922-1939 : Pius XI). Quadragesimo anno: encyclical letter of Pope Pius XI on constructing the social order. The Paulist press Publ., 1939. 10 p.
6. Chadwick Kay. Catholicism, Politics and Society in Twentieth-century France. Liverpool University Press, 2000. 295 p.
7. Coppa F.J. Controversial Concordats: The Vatican's Relations with Napoleon, Mussolini, and Hitler. CUA Press Publ., 1999. 258 p.
8. Cornwell J. Hitler's Pope: The Secret History of Pius XII. Penguin Publ., 2000. 464 p.
9. Demacopoulos G.E., Papanikolaou A. Christianity, Democracy, and the Shadow of Constantine. Oxford University Press, 2016. 304 p.
10. Emerson Ch. 1913: The World before the Great War. Random House Publ., 2013. 544 p.
11. Grelle B. Antonio Gramsci and the Question of Religion: Ideology, Ethics, and Hegemony. Routledge Publ., 2016. 148 p.
12. Hochhuth R. The Deputy. Grove Press Publ., 2006. 112 p.
13. Leonardi R., Wertman D.A. Italian Christian Democracy: The Politics of Dominance. Springer Publ., 1989. 279 p.
14. Locke J. Second Treatise of Government and a Letter Concerning Toleration. Oxford University Press Publ., 2016. 256 p.
15. Maldonado C. E. Human Rights, Solidarity and Subsidiarity: Essays Toward a Social Ontology. CRVP, 1997. 81 p.
16. Marx K., Engels F. The Communist Manifesto. Filiquarian Publ., 2005. 54 p.
17. Montesquieu. The Spirit of the Laws. Cambridge University Press, 1989. 808 p.
18. Nelsen B. F., Guth J.L. Religion and the Struggle for European Union: Confessional Culture and the Limits of Integration. Georgetown University Press, 2015. 384 p.
19. Pollard J. Benedict XV: The Unknown Pope and the Pursuit of Peace. A&C Black Publ., 2005. 86 p.
20. Pollard J. The Fascist Experience in Italy. Routledge Publ., 2005. 158 p.
21. Pollard J. The Papacy in the Age of Totalitarianism, 1914-1958. Oxford University Press Publ., 2014. 562 p.
22. Pope Pius XII. 1944 Christmas Message of His Holiness Pope Pius XII. National Catholic Welfare Conference Publ., 1944. 2 p.

23. Rhonheimer M. The Common Good of Constitutional Democracy: Essays in Political Philosophy and on Catholic Social Teaching. CUA Press Publ., 2013. 560 p.
24. Riebling M. Church of Spies: The Pope's Secret War Against Hitler. UK, Hachette Publ., 2015. 384 p.
25. Rittner C., Roth J. K. Pope Pius XII and the Holocaust. Bloomsbury Publ., 2016. 304 p.
26. Rossi L. F. Wehrmacht Priests. Harvard University Press Publ., 2015. 352 p.
27. Ryrie A. Protestants: The Faith That Made the Modern World. Penguin Publ., 2017. 528 p.
28. Tagliaferri M. L'Unità Cattolica: studio di una mentalità. Gregorian Biblical BookShop Publ., 1993. 265 p.
29. Tilly Ch. The Formation of National States in Western Europe. Princeton University Press Publ., 1975. 711 p.
30. Trincia L. Conclave e potere politico: il veto a Rampolla nel sistema delle potenze europee, 1887-1904. Studium Publ., 2004. 320 p.
31. Weinberg G.L. Hitler's Foreign Policy 1933-1939: The Road to World War II. Enigma Books, 2010. 1200 p.
32. Wiarda H. J. Corporatism and Comparative Politics: The Other Great «Ism». Routledge Publ., 2016. 212 p.

Об авторе:

Генри Тигранович Сардарян – к.полит.н., декан Факультета управления и политики, МГИМО. Россия, 119454, Москва, проспект Вернадского, 76. E-mail: sgp@inno.mgimo.ru.

CATHOLIC POLITICAL DOCTRINE DURING THE WORLD WARS

Genri T. Sardaryan
DOI 10.24833/2071-8160-2017-6-57-20-39

Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

The subject of the study is the perception of political ideologies, movements and parties development problems by the Catholic Church, during the period of the First and Second World War. The object of the study is the Catholic political doctrine during the pontificate of Benedict XV, Pius XI and Pius XII. The author pays special attention to the key encyclical – Quadragesimo Anno, published in the 40th year after Rerum Novarum, as well as the influence that the Church has had on the formation of the post-war political system of European countries. Such methods as dialectical, logical, comparative, systemic, and a number of others are widely used in the article. The main conclusion of the author is that during the world wars the Church did not concentrate political doctrine only around foreign policy issues, being in search of a political platform capable of ensuring the implementation of its principles within the political process. Obviously, neither liberalism, nor communism could be such. Moreover, it was precisely because of the emergence of the communist threat that the Catholic Church perceived a number of authoritarian regimes in the early years of their existence as subjects that could be oriented toward a less hostile direction of development. As a result, Pius XII, choosing between existing political ideologies, did not stake on any of them, preferring the choice of a political regime - democracy.

Key words: revolution, Catholic political doctrine, Benedict XV, Pius XI, Pius XII, Democracy, Pope.

References

1. Engibarjian R.V. Konstitutsionnoe razvitiie v sovremennom mire. Osnovnye tendentsii [Constitutional development in the modern world. The main trends]. Moscow, Norma Publ., 2010. 496 p. (In Russian).
2. Benedetto XV. *Ad beatissimi apostolorum principis. Litterae encyclicae, die I Novembris 1914.* Libreria Editrice Vaticana Publ., 1914. 24 p.
3. Bushlack Th. J. *Politics for a Pilgrim Church: A Thomistic Theory of Civic Virtue.* Wm. B. Eerdmans Publishing, 2015. 279 p.
4. Calasso F. *Enciclopedia del diritto.* Vol. 34. Giuffrè Publ., 1958. 256 p.
5. Catholic Church. Pope (1922-1939 : Pius XI). *Quadragesimo anno: encyclical letter of Pope Pius XI on constructing the social order.* The Paulist press Publ., 1939. 10 p.
6. Chadwick K. *Catholicism, Politics and Society in Twentieth-century France.* Liverpool University Press, 2000. 295 p.
7. Coppa F.J. *Controversial Concordats: The Vatican's Relations with Napoleon, Mussolini, and Hitler.* CUA Press Publ., 1999. 258 p.
8. Cornwell J. *Hitler's Pope: The Secret History of Pius XII.* Penguin Publ., 2000. 464 p.
9. Demacopoulos G.E., Papanikolaou A. *Christianity, Democracy, and the Shadow of Constantine.* Oxford University Press, 2016. 304 p.
10. Emmerson Ch. 1913: *The World before the Great War.* Random House Publ., 2013. 544 p.
11. Grelle B. *Antonio Gramsci and the Question of Religion: Ideology, Ethics, and Hegemony.* Routledge Publ., 2016. 148 p.
12. Hochhuth R. *The Deputy.* Grove Press Publ., 2006. 112 p.
13. Leonardi R., Wertman D.A. *Italian Christian Democracy: The Politics of Dominance.* Springer Publ., 1989. 279 p.
14. Locke J. *Second Treatise of Government and a Letter Concerning Toleration.* Oxford University Press Publ., 2016. 256 p.
15. Maldonado C. E. *Human Rights, Solidarity and Subsidiarity: Essays Toward a Social Ontology.* CRVP, 1997. 81 p.
16. Marx K., Engels F. *The Communist Manifesto.* Filiquarian Publ., 2005. 54 p.
17. Montesquieu Ch. de. *The Spirit of the Laws.* Cambridge University Press, 1989. 808 p.
18. Nelsen B. F., Guth J.L. *Religion and the Struggle for European Union: Confessional Culture and the Limits of Integration.* Georgetown University Press, 2015. 384 p.
19. Pollard J. *Benedict XV: The Unknown Pope and the Pursuit of Peace.* A&C Black Publ., 2005. 86 p.
20. Pollard J. *The Fascist Experience in Italy.* Routledge Publ., 2005. 158 p.
21. Pollard J. *The Papacy in the Age of Totalitarianism, 1914-1958.* Oxford University Press Publ., 2014. 562 p.
22. Pope Pius XII. *1944 Christmas Message of His Holiness Pope Pius XII.* National Catholic Welfare Conference Publ., 1944. 2 p.
23. Rhonheimer M. *The Common Good of Constitutional Democracy: Essays in Political Philosophy and on Catholic Social Teaching.* CUA Press Publ., 2013. 560 p.
24. Riebling M. *Church of Spies: The Pope's Secret War Against Hitler.* UK, Hachette Publ., 2015. 384 p.
25. Rittner C., Roth J. K. *Pope Pius XII and the Holocaust.* Bloomsbury Publ., 2016. 304 p.
26. Rossi L. F. *Wehrmacht Priests.* Harvard University Press Publ., 2015. 352 p.
27. Ryrie A. *Protestants: The Faith That Made the Modern World.* Penguin Publ., 2017. 528 p.
28. Tagliaferri M. *L'Unità Cattolica: studio di una mentalità.* Gregorian Biblical Bookshop Publ., 1993. 265 p.
29. Tilly Ch. *The Formation of National States in Western Europe.* Princeton University Press Publ., 1975. 711 p.
30. Trincia L. *Conclave e potere politico: il veto a Rampolla nel sistema delle potenze europee, 1887-1904.* Studium Publ., 2004. 320 p.
31. Weinberg G.L. *Hitler's Foreign Policy 1933-1939: The Road to World War II.* Enigma Books, 2010. 1200 p.
32. Wiarda H. J. *Corporatism and Comparative Politics: The Other Great "Isms".* Routledge Publ., 2016. 212 p.

About the author:

Genri T. Sardaryan – Ph.D. in Political Science, Dean at the School of Governance and Politics, MGIMO-University, Russia, 119454, Moscow, Vernadsky Prospekt, 76.
E-mail: sgp@inno.mgimo.ru.

ЭВОЛЮЦИЯ ФЕНОМЕНА ГРАЖДАНСТВА В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ

Л.Ю. Максимова

Московский кадетский корпус «Пансион воспитанниц Министерства обороны Российской Федерации»

В настоящей статье проанализирована история развития феномена гражданства в Западной Европе, начиная с Античности и заканчивая Новейшим временем. Для анализа используется метод бинарных оппозиций, являющихся основанием включения индивидов в гражданство или исключения из него.

Гражданство Древней Греции носило элитарный характер, резко выделявший граждан из остального населения. Основаниями для включения/исключения были оппозиции «цивилизованные – варвары», «свободные – зависимые», «обладающие земельной собственностью – не обладающие таковой», «совершеннолетние – несовершеннолетние», в результате чего лишь малая часть населения обладала правами граждан. Тем не менее, в рамках афинской демократии впервые в истории были заложены основные сущностные характеристики понятия «гражданин»: равенство, участие и свобода. Гражданство Древнего Рима, возникнув как статус для ограниченного круга лиц, в ходе завоевания новых территорий включало в себя всё более широкие слои населения. В результате римское гражданство было унифицировано, что привело к формированию правового статуса «подданный Римской империи», для получения которого уже не требовалось наличие собственности и который не подразумевал политического участия.

В Средние века, для которых было характерно подданство как тип взаимоотношений между верховной властью и населением, феномен гражданства существовал лишь в городах. После революций Нового времени, достижением которых стало освобождение всех категорий населения и провозглашение равенства, идеи гражданства стали воплощаться в пределах национальных государств. Если на начальном этапе по-прежнему из политического участия исключались все женщины и не обладающие достаточной собственностью мужчины, то к концу Нового времени все мужчины получили полный спектр гражданских прав.

В Новейшее время право политического участия получили женщины, и в границах национальных государств. Таким образом, список оппозиций стал включать в себя лишь следующие: «коренные жители страны – иностранцы» и «совершеннолетние – несовершеннолетние». Вместе с этим особое развитие получили

УДК 342.71

Поступила в редакцию 11.05.2017 г.

Принята к публикации 21.12.2017 г.

социальные права, позволившие гражданам не беспокоиться о своём выживании и безопасности. В настоящее время исследователи отмечают следующие проблемы в развитии феномена гражданства: фактически сохраняющееся неравенство при декларируемом равенстве всех граждан, «гражданство без участия», когда гражданин является пассивным потребителем социальных услуг, предоставляемых государством.

Процессы глобализации привели к массовой миграции, и стало очевидным, что гражданство западноевропейской страны – это огромная привилегия. Прибывающее население снова начинает структурироваться в рамках бинарных оппозиций: «свой – чужой», «европеец – неевропеец», «белый – чёрный (темнокожий, жёлтокожий)», «образованный – необразованный», «христианин – мусульманин» и так далее. Вопрос включения/исключения в гражданство западноевропейских стран сегодня является принципиально не решённым.

Проведённый анализ феномена гражданства позволил сделать вывод о двух циклах развития феномена гражданства. Первый цикл – Античность, второй цикл – Средние века и Новое время. Для каждого из них характерны такие векторы развития как: освобождение от зависимости (рабской, феодальной); включение всё более широких слоёв населения в гражданство (эволюция феномена от элитарного к массовому); уменьшение и полный отказ от имущественных требований для включения в гражданство; уменьшение активного участия граждан в управлении государством; отчуждение гражданина от государства, формализация отношений между гражданином и государством. Не исключено, что Новейшее время является началом третьего цикла, который будет продолжать своё развитие в соответствии с выше обозначенными векторами.

Ключевые слова: эволюция гражданственности, бинарные оппозиции, гражданин, государство, свобода, равенство, участие, глобализация.

История феномена гражданства – это драматическая история борьбы продолжительностью более двух тысячелетий. Возникнув в V в. до н.э. как локальное во времени и пространстве явление, оно в результате эволюционных преобразований и революционных потрясений распространилось на весь мир как выдающееся достижение социальной, политической и духовной жизни общества, как один из эффективных способов позиционирования личности внутри самоорганизующегося коллектива.

В настоящее время статусом гражданина, за редким исключением, обладает каждый человек, родившийся на планете. Наличие гражданства любого государства в идеале обеспечивает безопасность, даёт гарантии физического существования, что, несомненно, является достижением социальной эволюции. Тем не менее, в условиях глобализации институт гражданства переживает определённый кризис, что обуславливает актуальность следующих вопросов. Каковы перспективы института гражданства? Какая теоретическая концепция гражданства может считаться эталонной для практики социальной жизни? Какой идеал личности соответствует актуальной концепции гражданина? Какие общественные институты должны заниматься формированием личности гражданина и должны ли вообще?

В этой связи цель данной статьи – проследить формирование и развитие феномена гражданства в исторической перспективе и охарактеризовать его нынешнее состояние. Поскольку, возникнув в эпоху античности, данный феномен развивался в рамках западноевропейской цивилизации и лишь в современную эпоху получил распространение в подавляющем большинстве стран мира, в статье рассматривается эволюция феномена гражданства в рамках западноевропейской культуры.

Исследование базируется на методическом подходе, при котором феномен гражданства рассматривается через бинарные оппозиции, делением индивидумов на «граждан» и «всех остальных». И. Валлерстайн предлагает следующие оппозиции: «цивилизованные – варвары», «мужчины – женщины», «совершеннолетние – несовершеннолетние», «буржуа – пролетарии», «европейцы – неевропейцы» и другие [27, с. 652]. И.Б. Фан добавляет к ним «свои – чужие», «господствующие – подчиняющиеся» [12, с. 262]. На наш взгляд, уместно присокупить оппозицию «обладающие собственностью – не обладающие таковой» или «экономически самостоятельные – экономически зависимые». К динамическим характеристикам феномена гражданства относятся «освобождение» и «включение». Относительно понятия «гражданин» как неотъемлемой части феномена гражданства важно отметить, что исследователи выделяют три аспекта: гражданин – это человек, обладающий правовым статусом по отношению к государству; гражданин – это индивид, владеющий институализированными социальными практиками; гражданин – это человек, обладающий особой идентичностью, объединяющей его с другими членами сообщества [7, с. 8].

Античность: от гражданина к подданному

Первоначально феномен гражданства появился в древнегреческих полисах. Античное общество создало особый вид государственного устройства с системой взаимных обязанностей и прав между личностью и обществом, которая разительно отличалась от других известных современной науке городов-государств Древнего мира. Цивилизации, существовавшие до античной Греции и в одну с ней эпоху, представляли собой «восточные деспотии», где правитель обладал неограниченной властью, опираясь при этом на бюрократический аппарат. При этом у отдельной личности были обязанности по отношению к государству, но не было никаких прав.

Различия политической системы греческих полисов и ранних восточных государств носили системный характер и представляли собой альтернативы политического развития и государственного строительства. Восточная деспотия была централизованным и иерархическим образованием, а полисная система имела плоскую конструкцию, её центр – не выше, он – среди граждан [26, с. 141]. В рамках афинской демократии было сформировано мировоззрение свободного человека, были заложены основные сущностные характеристики понятия «гражданин». К

ним относятся: равенство (граждан перед законом и между собой), участие (во власти и в общественной жизни) и свобода (личная и экономическая).

Древнегреческий гражданин был свободным человеком, имел права на земельную собственность, участие в защите родных рубежей и в политической жизни, религиозных культах, праздниках. Права гражданина были и его обязанностями, а пренебрежение ими могло повлечь за собой лишение гражданства или иное наказание, связанное с поражением в правах [5, с. 12]. В эпоху расцвета афинской демократии каждый гражданин хотя бы один раз в жизни выполнял государственные функции, т.е. в соответствии с принятыми процедурами (по жребию) в течение ограниченного времени был судьёй, сборщиком налогов, наблюдателем за мерами и весами, за санитарным состоянием полиса, за ценами на хлеб и т.п. [22; 26]. Важно отметить, что такому состоянию дел предшествовала длительная борьба демоса с аристократией за свободу от долгового рабства и за политическое участие.

Крупнейшие философы Древней Греции Платон и Аристотель, оказавшие неопределимое влияние на динамику общественных преобразований в Западной Европе в Новое время, в своих работах теоретически осмысливали социальную практику Афинского полиса, а также работали над моделями общественного устройства. Платон сконструировал модель идеального государства, основным качеством которого считал справедливость, т.е. действия во имя интересов общества и подчинение его интересам. Во имя справедливости каждый человек должен заниматься тем, к чему имеет способности и чем может быть полезным обществу. В этом словесном обществе есть «стражи» (воины), философы, земледельцы и ремесленники, и для каждого сословия, по Платону, существует свой нравственный идеал, свои правила поведения, свои обязанности. Такая организация общества представлялась Платону идеальной для процветания всех его членов. [9, с. 99-178]

Аристотель в трактате «Политика» подробно анализировал разные виды политического устройства полисов и их социальную структуру, справедливо отмечая, что не все признаки понятия «гражданин» могут быть применены, например, к олигархии или тирании. Аристотель считал гражданами тех, кто участвует в суде и в народном собрании, то есть тех, кто имеет право на участие в политической жизни своего полиса и активно его использует, но отказывал в гражданстве рабам, метекам, земледельцам и ремесленникам на том основании, что «гражданская добродетель» может быть присуща «...только тем, кто избавлен от работ, необходимых для насущного пропитания», поэтому «наилучшее государство не даст ремесленнику гражданских прав» [1, с. 453].

В трудах Аристотеля отражены идеи о верховенстве закона и разделении властей, которые спустя 18 столетий разрабатывали философы Нового времени. «Предпочтительнее, – писал Аристотель, – чтобы властвовал закон, а не кто-либо один из среды граждан. На том же самом основании, даже если будет признано лучшим, чтобы власть имели несколько человек, следует назначать этих последних стражами закона и его слугами. Раз неизбежно существование тех

или иных должностей, то, скажут, будет несправедливо при всеобщем равенстве объединение их в руках одного лица» [1, с. 481].

Древнегреческий идеал гражданина можно представить следующим образом. Гражданин – это человек, обладающий правами и почётными обязанностями по отношению к государству, развитым чувством собственного достоинства, имеющий хорошее воспитание, готовый выполнять свои функции во благо общества, обладающий частной собственностью или долей в общегосударственной собственности. Человек в статусе гражданина не может самоустраниться от участия в жизни полиса, потому что всем своим образом жизни и образом мыслей подтверждает, что он и есть государство [22, с. 6].

Для греков чрезвычайно важным было выделение себя из мира варваров. Их окружали племена, ещё не создавшие, в отличие от греков, того, что является маркерами цивилизации – городов, письменности, государства. На востоке находились древнейшие восточные деспотии, социально-государственное устройство которых было далеко от греческих идеалов. В связи с этим включение в гражданство Афин было крайне затруднительным. Гражданами полиса могли стать только коренные афинские мужчины, достигшие восемнадцати лет и прошедшие многоступенчатую процедуру проверки [22, с. 7], и лишь в исключительных случаях решением народного собрания гражданство могло быть даровано важным иностранцам.

Учитывая, что, помимо обладания формальным статусом, гражданин должен владеть социальными практиками и особой идентичностью, исключительность афинского гражданства вполне объяснима. Социальные практики и идентичность усваиваются в ходе обучения и жизнедеятельности внутри коллектива, и чем сложнее практики, тем дольше должно быть обучение. И Платон, и Аристотель уделяли огромное внимание вопросам морали, этики, воспитанию подрастающего поколения. Платон детально регламентировал, какие мифы следует читать детям, а какие – запретить, рекомендовал взрослым внимательно наблюдать за играми детей и не позволять им вносить в правила игр изменения, чтобы, став взрослыми, они не захотели вносить изменения в законы государства. Аристотель, создатель знаменитого в Афинах учебного заведения – Ликейя, учитель Александра Македонского, значительную часть своей жизни посвятивший воспитанию и образованию афинских граждан, писал, что, поскольку у государства единая цель, то для всех нужно одинаковое воспитание, следовательно, «...забота о воспитании должна быть общим, а не частным делом» [1, с. 628].

Афинские граждане – это сообщество собственников (земли и рабов). По Аристотелю, у граждан должна быть частная собственность, но размер собственности по возможности должен быть ограничен: «величайшим благополучием для государства является то, чтобы его граждане обладали собственностью средней, но достаточной» [1, с. 508]. Для рассматриваемой темы важно, что обладание собственностью как необходимое условие для включения в гражданство будет актуально вплоть до конца XIX в. Как отмечает Х. Гунштерен, для ак-

тивного участия в жизни сообщества человек должен проявлять самостоятельность, здравое суждение и лояльность, поэтому очевидно, что в прошлую эпоху гражданство с учётом этих актуальных для неё требований не могло предоставляться всем. Те, кто порабощён, зависим, кто не способен на разумные наблюдения и суждения, не могут быть гражданами. Лояльности можно ожидать преимущественно от того, кто вносит ощутимый вклад в общее дело и поэтому особенно заинтересован в качественном управлении обществом. Индикатором, показывающим выполнение всех вышеперечисленных требований, традиционно было владение имуществом, в частности землёй [17, с. 36].

Афинские граждане – это сообщество равных между собой господ над рабами и другими людьми, гражданами не являющимися. Поэтому в отношениях между гражданами был актуален дискурс равенства, а в отношениях граждан с другими людьми – дискурс господства и подчинения. И у Платона, и у Аристотеля прослеживается мысль о том, что каждый человек создан для определённого вида деятельности: «ни хороший человек, ни хороший государственный муж, ни добрый гражданин не должны обучаться таким работам, которые подобают людям, предназначенным к подчинению...» [1, с. 451]. Таким образом, древнегреческая цивилизация, породившая общество, состоящее из граждан, воплотившая эти идеалы в реальность, была далека от идей равенства и справедливости, распространяемых на всех людей.

В контексте темы настоящей статьи важно отметить, что в рассматриваемую эпоху лишь малая часть людей, проживавших в сфере влияния Афинского полиса, обладала правами граждан. Афинские граждане конструировали свою исключительность, противопоставляя себя варварам, людям, занимающимся ручным трудом, женщинам, несовершеннолетним мужчинам, рабам. Афинские женщины были лишены политических прав и ограничены в экономических правах. Многочисленная категория лично свободных метеков, иноземцев, проживавших на территории полиса, была крайне ограничена в правах. Рабы, по выражению Аристотеля, «одушевлённые орудия», составлявшие экономическую основу античного общества, были лишены правосубъектности.

На основании вышесказанного можно выделить следующие бинарные оппозиции, на основе которых происходило включение/исключение в гражданство древнегреческих полисов (см. табл. 1).

Таблица 1. Бинарные оппозиции гражданства древнегреческих полисов
Table 1. Binary oppositions of citizenship in ancient Greek polities

Включающие оппозиции	Исключающие оппозиции
<ul style="list-style-type: none"> • цивилизованные; • лично свободные; • экономически самостоятельные (обладающие землёй); • мужчины; • совершеннолетние. 	<ul style="list-style-type: none"> • варвары; • лично зависимые; • экономически зависимые (не имеющие права обладать землёй); • женщины; • несовершеннолетние.

Необходимо отметить, что для матерей, жён, сестёр и детей принадлежность к семьям граждан, безусловно, означала привилегии, высокий статус, широкий круг непубличных прав, и, по нашему мнению, было бы неверным приравнивать их к метекам и, тем более, к рабам, по отношению к которым они выступали в качестве господ, как и полноправные мужчины. Причина лишения детей мужского пола прав на политическое участие, распоряжение собственностью очевидна – они в силу возраста не способны к полноценному участию в общественной жизни. Причинами лишения женщин подобных прав можно считать их занятость деторождением и ведением домашнего хозяйства, экономическую зависимость как следствие меньший, по сравнению с мужским, вклад в производство материальных благ, патриархальные традиции, в результате которых женщина была исключена из сферы общественной жизни, существовавшие представления о принципиальной неспособности женщин к участию в управлении государством.

В отличие от относительно замкнутых мирков древнегреческих полисов иначе шло развитие Древнего Рима. Вся его история – это экспансия, завоевания, расширение территорий, чему сопутствовало формирование большого государственного аппарата, сложной и продуманной правовой системы. Феномен гражданства в Древнем Риме в определённой мере формировался под воздействием древнегреческого образца, но в Древнем Риме уделялось больше внимания формально-юридической стороне вопроса.

На начальном этапе развития древнеримского государства основная линия разделения населения на граждан и неграждан проходила между патрициями, потомками основателей Рима, и плебеями, лично свободными потомками покорённых римлянами племён. Характер гражданства в ранней Римской республике, как и в Древней Греции, был элитарным, исключаящим – получить статус гражданина можно было только по рождению. «Знатность – не знатность рода» являлась в ту эпоху определяющей оппозицией для включения/исключения в/из гражданства.

Древний Рим даёт нам очередной, после Древней Греции, пример длительной борьбы за гражданские права, известной как борьба между патрициями и плебеями. В ходе этой борьбы плебеи боролись за экономические права (долю в общинно-государственной земле), за право политического участия, за отмену долгового рабства (за право оставаться свободными), в результате которой плебеи были включены в гражданство и фактически сравнялись в правах с патрициями.

В республиканский период римской истории звание римского гражданина резко выделяло человека среди всех жителей государства, оно делало его исключительным, давало много прав и гарантий. Гражданин, как и в Древней Греции, обязан был быть образованным, разделять определённую систему ценностей, которую видный древнеримский политик и мыслитель Цицерон детально разработал в своём трактате «Об обязанностях». Трактат был ориентирован на молодого римлянина, достойного гражданина, вступающего на путь государ-

ственной карьеры. Согласно Цицерону, смысл жизни состоит в обязанностях, которые нужно выполнять в течение жизни во всех её сферах: на первом месте стоят обязанности по отношению к Отечеству и родителям, затем – к детям, семье и, наконец, к родственникам и друзьям. По мнению С.Л. Утченко, специфической римской обязанностью считалась «благочестивая преданность Отечеству, семье, близким» [10, с. 199]. Римский гражданин, по Цицерону, обязан быть справедливым, заниматься благотворительностью, быть защитником римского государства, как собственник земли заниматься земледелием. Справедливость, по мнению Цицерона, должна быть и по отношению к рабам, к которым Цицерон призывал относиться как к наёмным рабочим, то есть требовать от них работы и давать то, что «полагается». Цицерон также отстаивал незыблемость частной собственности и отвергал равенство избирательных прав.

В ходе расширения римского государства, присоединения всё новых и новых территорий с населяющими их людьми всё более широкие слои населения получали гражданский статус. Как пишет И.Б. Фан, «гражданство было внутренне структурированным, строилось как лестница убывания высших политических прав по мере понижения ценза, как иерархия категорий граждан» [11, с. 103]. Способов приобретения гражданства различных категорий было множество: за воинскую службу, посредством брака, за особые заслуги. Гражданами могли стать жители присоединённых территорий, рабы-вольнотпущенники и др. Очевидно, что при таком устройстве общества политическое участие граждан всех категорий было невозможным.

Процесс государственного строительства в Риме по мере своей эволюции отрицал характер греческого гражданства. Если в Древней Греции за поддержание законов совместно отвечали отдельные граждане, на определённое время получавшие специальные полномочия, то в Древнем Риме государство в целом и его отдельные органы постепенно стали противопоставляться гражданам [26, с. 134], что вполне очевидно, так как регулярное прямое участие в управлении государством предполагает его относительно небольшие размеры. Институт римского гражданства трансформировался вместе с изменениями социально-экономических и политических условий. По мере превращения Рима в монархическое государство менялась возможность политического участия для всех категорий граждан, наличие земельной собственности перестало являться неотъемлемым атрибутом гражданина.

В III в. римское гражданство было унифицировано. Звание и права римских граждан стали относиться ко всем свободным членам государства, что привело к формированию нового правового статуса: подданный Римской империи. Исчезло гордое звание «гражданин», индивид лишился политических прав, его статус стал определяться в качестве исключительно подчинённого верховной власти государства [11, с. 104].

В поздней Римской империи начался процесс, который задал вектор развития феномена гражданства в Новое и Новейшее время. Всё более широкие

слои населения освобождались от разных форм зависимости и включались в гражданство. Линия раздела на граждан и неграждан стала пролегать в большей степени по границам, чем внутри общества. В условиях массового включения людей в гражданство на огромной территории Римской империи из прав и обязанностей включенных индивидов уходит «обладание собственностью» и «политическое участие», что заметно сужает само содержание понятия «гражданин».

Таблица 2. Бинарные оппозиции гражданства Римской империи
Table 2. Binary oppositions of citizenship in ancient Rome

Включающие оппозиции	Исключающие оппозиции
<ul style="list-style-type: none"> • цивилизованные; • жители Римской империи; • лично свободные; • мужчины; • совершеннолетние. 	<ul style="list-style-type: none"> • варвары; • иностранцы, иноземцы; • лично зависимые; • женщины; • несовершеннолетние.

Средние века и Новое время: от подданного к гражданину

Средние века в Западной Европе – совершенно новая эпоха в экономическом, политическом и социокультурном отношении. Рабства в классической античной форме уже не было, но существовали чрезвычайно разнообразные формы личной и экономической (феодальной) зависимости, и зачастую положение крестьян приближалось к положению рабов. Жители средневековой Западной Европы были в той или иной степени несвободны – даже крупные феодалы были связаны вассальными обязательствами со своими сеньорами. Для средневековья была характерна монархическая форма правления, причём власть государя, по представлениям того времени, имела божественный источник.

Монархии соответствовала особая форма взаимоотношений индивида и государства – подданство. Если в поздней Римской империи подданство – скорее правовой статус, то подданство в средневековой Европе – это статус личной зависимости, который диктовал требования преданности, верности своему государю. Эти требования в минимальной степени регулировались законами и в максимальной – личной волей монарха. Как отмечал Ю.А. Боков, анализируя соотношение понятий «гражданин» и «подданный», объём прав подданных и граждан различен, причём не в пользу подданных [2]. Таким образом, сам дух западноевропейского средневековья не предполагал ценностей свободы, равенства, активного участия в жизни общества и во власти. Напротив, концепция общества была сословной, оно было пронизано отношениями господства – подчинения. Именно это обстоятельство, на наш взгляд, объясняет огромное значение требований равенства и свободы в революциях Нового времени.

Общеизвестно, что в древнегреческом, латинском, а также во многих современных европейских языках слова «гражданин» и «город» однокоренные, что указывает на генетическую связь этих двух понятий. В средневековье античные идеи гражданства отчасти находили своё выражение и применение в средневековых городах, которые в борьбе против феодалов добивались экономической и политической независимости (коммунальное движение). В городах формировался класс независимых ремесленников, торговцев, принимавших активное участие в политической жизни своего города. Поэтому в средние века слова, ранее обозначавшие жителя укрепленного поселения или города, стали обозначать свободного, экономически полноправного жителя города [3, с. 53]. В частности, для городов Германии был характерен обычай, нашедший своё отражение в средневековой поговорке «городской воздух делает свободным». Согласно этому обычаю, беглый крестьянин, сумевший прожить в городе один год, становился свободным и не подлежал выдаче своему бывшему господину.

На начальных этапах коммунального движения включение в гражданство могло произойти только одним способом – необходимо было отвоевать в борьбе с феодалом, который не был заинтересован в городской самостоятельности и независимости, и на земле которого рос и развивался город, пространство для существования отношений гражданства, а также создать законы и правила, по которым должно существовать сообщество граждан-горожан. Отсюда становится понятен достаточно длительный срок в один год, в течение которого индивид должен был доказывать, что он активен, силен, что он может быть экономически самостоятельным и полезным для города.

Понятие «гражданин» в значении, близком к современному, было разработано мыслителями Нового времени с началом буржуазных революций, которые «ломали» феодальную систему экономических и социальных отношений и выводили на первый план человека иного типа и иной тип взаимодействия его с государством. Большое значение для развития понятия «гражданин» в Новое время имели теории естественного права и общественного договора, разработкой которых занимались голландский юрист и философ Г. Гроций, английские философы Т. Гоббс, Дж. Локк и французский философ Ж.-Ж. Руссо. В соответствии с теорией естественного права, каждый человек имеет определённый набор «естественных» прав, принадлежащих ему с рождения и не могущих быть отчуждёнными. В их числе, например, право бороться за существование, распоряжаться своим телом, право выражать свои мысли. Ж.-Ж. Руссо считал, что само естественное право наделяет неотчуждаемой властью весь народ, который, в силу своей многочисленности, всегда сильнее деспотии, если индивидуальные естественные права превращаются в единую «народную волю».

Помимо теории естественного права, развиваются теории общественного договора и разделения властей. Теория общественного договора (Т. Гоббс, Дж. Локк, Ж.-Ж. Руссо) заключается в том, что люди добровольно отказываются от своих естественных прав в пользу государства для обеспечения своих

же интересов, становясь, с одной стороны, менее свободными, но одновременно и более защищёнными от нарушений их прав другими людьми. Теория разделения властей (Дж. Локк, Ш. Монтескье) гласит, что государственная власть должна быть разделена между независимыми, но контролирующими друг друга ветвями: законодательной, исполнительной и судебной.

В 1789 г. началась Великая французская революция под лозунгом «Свобода! Равенство! Братство!». Важно отметить, что до Франции буржуазные революции уже происходили в Нидерландах, в Англии, но именно Франция дала миру пример борьбы за личную свободу, за равенство всех перед законом, за право участия в политической жизни общества.

«Декларация прав человека и гражданина», провозглашённая в том же году, вобрала в себя все основные идеи теорий естественного права, общественного договора и разделения властей. В области прав человека Декларация гласила, что люди рождаются и должны оставаться свободными и равными в правах, различия между людьми могут быть обусловлены лишь пользой для общества. Государство существует для того, чтобы обеспечивать естественные и неотъемлемые права человека. Источник власти – нация. Закон есть выражение общей воли, все граждане имеют право участвовать в их создании, закон един для всех, и все перед ним равны. Декларация также утверждала принципы разделения властей, неприкосновенности собственности, подотчётности должностных лиц обществу, свободы слова и свободы совести. Все ключевые идеи Декларации, составляющие понятие «гражданин», не потеряли своей актуальности. Они положены в основу конституций демократических государств и регулируют отношения человека и государства.

После Великой французской революции всё население Франции было объявлено «гражданами»; по выражению Валлерстайна, равенство стало «культурной иконой» эпохи [27, с. 650]. Началось формирование французской нации – новой общности, отличной от народов и народностей. Это общность, идентичность которой лежит далеко за пределами родной деревни, родного края. Французский гражданин начинает ощущать родство со всеми, кто разделяет идеи революции, кому близок лозунг «Свобода! Равенство! Братство!».

Вместе с тем факт провозглашения прав человека и гражданина в конце XVIII в. ещё не означал того, что эти права воплотились в жизнь, так как послереволюционные реалии оказались не такими, как они виделись философам Просвещения. В XIX в. в Европе продолжались политические потрясения, продолжалась борьба низших классов за право политического участия [21, с. 343-347]. История этого периода, по словам Валлерстайна, заключалась в том, что обладающие привилегиями и преимуществами пытались определить гражданство узко, а остальные стремились утвердить широкое определение [27, с. 652]. И здесь очевидна та же логика развития феномена гражданства, которая определяла его в античности: по-прежнему из политического участия исключались экономически зависимые, не обладающие собственностью индивиды.

«Всеобщее избирательное право» в ту эпоху подразумевало право голосования исключительно для мужчин, причём долгое время эти права были ограничены имущественным цензом и состоянием здоровья. К концу XIX в. в большинстве западноевропейских стран ограничения были отменены и право голоса получили все мужчины.

В середины XIX в. набирало обороты движение за эмансипацию женщин. В большинстве европейских стран женщины получили право голосовать лишь к середине XX в., по историческим меркам совсем недавно, и этот процесс коррелирует с процессом включения женщин в сферу общественного производства и обретением ими экономической самостоятельности.

В конце XIX – начале XX вв. важной страницей борьбы за права человека борьба рабочих за улучшение условий труда, проходившая в форме стихийных забастовок, а также организованного рабочего и профсоюзного движения. В результате практически повсеместно был установлен восьмичасовой рабочий день, введены законы об ответственности работодателей за несчастные случаи на производстве, стала развиваться система социального страхования, позволявшая работнику получать пособие по старости, инвалидности и т.д.

В XIX в. происходило становление единых Германии и Италии. Как национальные государства продолжали своё развитие другие страны Западной Европы. Исследователи, занимающиеся проблематикой феномена гражданства, единодушны в том, что понятие «гражданин» в своём современном виде развивалось в границах национальных государств и одновременно с их становлением. Как писал Ю. Хабермас, «национальное государство отвечает важным предпосылкам для успеха демократического самоуправления общества, формирующегося в его границах» [14, с. 109]. Этот процесс во многом определялся уровнем развития производительных сил общества. В рамках национальных государств возникли благоприятные условия для крупного капитала, создававшего передовые с технологической точки зрения индустриальные предприятия. Граждане национального государства, работая на этих предприятиях, обеспечивали достаточное количество рабочих рук, конкурирующих за рабочие места. Национальное государство и по масштабам, и по своему содержанию оказалось наиболее адекватной формой для развития экономики.

Перед этими государствами встала новая задача: формирование граждан с определёнными качествами, их обучение, приобщение к национальным и культурным смыслам. Этот процесс стал частью государственного строительства. По словам Ю. Хабермаса, политическая интеграция «подданных» требует культурной интеграции населения, поначалу наскоро собранного; только символическое построение «народа» превращает современное государство в государство национальное. Культурные символы народа (происхождение, история, язык, уникальный характер) порождают некое воображаемое единство и тем самым способствуют осознанию гражданами государства своего единства [14, с. 111].

В конце XIX – начале XX вв. немецкий педагог Г. Кершенштейнер разработал целую систему воспитания для граждан объединённой Германии. В его концепции очевидна направленность воспитания: индивид представлялся здоровым, трудолюбивым, дисциплинированным и жизнерадостным гражданином, который осознанно стремится вносить вклад в воплощение интересов государства. Школа нацелена не столько на выработку умственного кругозора, сколько на последовательное воспитание для прилежной, добросовестной, основательной, тщательной работы, на формирование «постоянной привычки к безусловному послушанию и верному исполнению своего долга и основанном на авторитете неуклонном ведении к проявлению готовности служить» [4, с. 19]. Кершенштейнер писал о необходимости изучения таких предметов, как «родоведение», «граждановедение», «политическая экономия», что должно формировать у воспитанников гражданский долг, любовь к отечеству, понимание задач государства. Такие предметы, как «ремесленная гигиена» и «телесная гигиена», нужны для «разумного образа жизни» и поддержания «телесного здоровья». Девиче необходимо «домашне-хозяйственное» воспитание. Эстетическое воспитание и узкопрофессиональное образование педагог не считал задачей школы, которая должна ориентироваться на воспитание гражданских добродетелей. Религиозность, по мнению немецкого педагога, представляет собой средство, а не цель гражданского воспитания. Кершенштейнер считал, что характер приобретает не чтением книг и не выслушиванием проповедей, а непрерывной деятельностью, трудом [4, с. 43]. Взгляды Кершенштейнера оказали огромное влияние на воспитательно-образовательную практику Германии первой четверти XX в. Его работы подтверждают тезис об экономической природе национального государства.

Процесс конструирования наций сопровождался установлениями правил включения в гражданство. Гражданами становилось всё коренное население

Таблица 3. Бинарные оппозиции гражданства в Средние века и Новое время

Table 3. Binary oppositions of citizenship in the Middle Ages and Modernity

Века	Включающие оппозиции	Исключающие оппозиции
Конец XVIII	<ul style="list-style-type: none"> • жители страны (представители нации); • обладающие достаточной собственностью; • мужчины; • совершеннолетние. 	<ul style="list-style-type: none"> • иностранцы; • не обладающие достаточной собственностью; • женщины; • несовершеннолетние.
Конец XIX	<ul style="list-style-type: none"> • жители страны (представители нации); • мужчины; • совершеннолетние; 	<ul style="list-style-type: none"> • иностранцы; • женщины; • несовершеннолетние.
Конец XIX – середина XX	<ul style="list-style-type: none"> • жители страны (представители нации); • совершеннолетние. 	<ul style="list-style-type: none"> • иностранцы; • несовершеннолетние.

государства («социально-историческая группа», по определению Э.Балибара), проживающее на его территории. Самыми очевидными, реальными границами, отделяющими граждан от неграждан, стали государственные границы. В конце XVIII в. ушла в небытие оппозиция «личная свобода/несвобода», в XIX в. – «обладание собственностью/отсутствие собственности», и лишь в Новейшее время прекратило своё существование такое основание для исключения как женский пол.

Новейшее время: тенденции в развитии гражданства

В середине XX в., по окончании Второй мировой войны, практически во всех западноевропейских странах, даже в формально монархических, установились демократические формы правления. Возникла концепция государства всеобщего благосостояния (всеобщего благоденствия), которая реализовалась в большинстве стран Западной Европы в виде государства с чрезвычайно широкими социальными гарантиями. Английский социолог Т.Х. Маршалл в 1950 г. обобщил историю формирования гражданства, начиная с Нового времени, следующим образом. XVIII в. – это время становления гражданских прав (личная и экономическая свобода, свобода слова, совести), XIX в. – политических (право участия во власти), XX в. – социальных (права на социальное обеспечение, отдых, материнство и детство, жильё, охрану здоровья, образование) [23, с. 14]. Многие исследователи склоняются к тому, что феномен гражданства в том виде, в котором он эволюционировал с начала Нового времени, достиг апогея к середине XX в. Гражданство превратилось в эффективно работающий институт в рамках национальных государств. Человек, рождённый гражданином, защищён, обладает политическими и социальными правами, гражданскими свободами. В наиболее развитых странах Западной Европы социальное обеспечение позволяет гражданам не беспокоиться о своём выживании и безопасности.

Несмотря на успехи в развитии гражданского общества, исследователи указывали на существование определённых проблем. Упомянутый выше Т.Х. Маршалл впервые публично отметил то обстоятельство, что при декларируемом официально равенстве всех граждан в обществе сохраняется фактическое неравенство, которое выражается, в частности, через иерархию неравных статусов, связанных с профессиями. В систему образования Великобритании, отмечал Маршалл, встроен механизм распределения по неравным способностям. Равенство возможностей предоставляется всем детям, поступающим в начальные школы, но в раннем возрасте дети обычно делятся на три потока – лучшие, средние и отсталые [23, с. 57], что впоследствии приводит к неравному статусу в обществе.

В 80-90 гг. XX в. государство всеобщего благоденствия пережило кризис, выразившийся в росте безработицы и бедности. На фоне этого кризиса исследователи ввели такие понятия, как «гражданство первого и второго класса»,

называя малообеспеченную часть населения гражданами второго класса или «подклассом». Хотя неблагополучное меньшинство не угрожало стабильности государств, само его существование нарушало принцип равенства, и толерантность общества к существованию такому диссонансу предаёт основные ценности гражданства.

Следующая проблема, обозначенная исследователями – это изменение отношений между государством и личностью в сторону их «клиентелизации». По мнению М. Куисма, «сегодня государство часто считается формальным, самостоятельным субъектом, находящимся в конфликте с физическим лицом и в конечном итоге отчуждённым от граждан (и неграждан), находящихся в его ведении» [22, с. 6]. Получив права на гражданство «сверху», от государства, гражданин становится простым субъектом, а не носителем активных претензий к обществу через государство. Государство признаёт законную функцию представительных институтов, судов и системы социального обеспечения государства, однако устоявшихся традиций борьбы за права в сфере гражданства нет. Государство управляет общественным пространством, периодически приглашая граждан выбирать лидера, который уже не отчитывается ежедневно перед электоратом [25, с. 200]. Причин этому много, но, на наш взгляд, это растущее усложнение и специализация всех сфер деятельности, в том числе и политики. Для осуществления регулярного управления сложно организованными современными обществами требуется долгий процесс обучения, как и в любой другой сфере деятельности. К тому же граждане не всегда проявляют интерес к политическому участию в силу специализации в собственной сфере деятельности, а также в силу такого распределения общественных благ, чтобы не иметь особой необходимости защищать насущные нужды, участвуя в политике, как это происходило в Новое время.

В связи с отчуждением государства как властного института от граждан возникает феномен «гражданство без участия» по выражению Дж. Хоффмана [19, с. 99-101]). Сегодняшний гражданин – это человек, имеющий политические и социальные права, которые государство гарантирует гражданину в обмен на его лояльность и признание «правил игры». Гражданство преобразовано в настоящее «социальное гражданство», включающее гарантии против определенных рисков и признание определённых материальных, индивидуальных, а также коллективных прав [15, с. 60]. Гражданин – пассивный потребитель социальных услуг, предоставляемых государством, пользователь социальных прав, но не более того. Таким образом, «идеальная» концепция гражданственности, где общество представляется как горизонтально интегрированная целостность, все его члены равны и в достаточной степени компетентны и активны, чтобы участвовать во власти, оказалась реализованной лишь частично.

Самое серьёзное влияние на феномен гражданства сегодня оказывает глобализация. Во второй половине XX в. глобализационные процессы, которые происходили в течение всей истории человечества, резко ускорились за счёт

развития средств связи, транспорта, информационных технологий и технологий материального производства. Исследователи в один голос говорят о кризисе национального государства, который затронул также институт гражданства.

В связи с виртуализацией экономики, влиянием транснациональных корпораций падает значимость географических границ. Капиталы текут туда, где надёжнее и сохраннее, или туда, где больше прибыль, невзирая на границы. Правительства национальных государств оказываются бессильны перед транснациональными корпорациями. Выход на глобальный рынок зачастую влечёт за собой частичный отказ государств от обязательств по социальному обеспечению своих граждан ради повышения международной конкурентоспособности, поэтому существование социального государства находится под вопросом [20, с. 618]. Лишь самые богатые страны мира могут позволить себе финансирование серьёзных социальных программ.

По мере коммерциализации многих сфер жизни человека минимизируется количество публичных сфер деятельности, сужается сфера проявления гражданских качеств и гражданской позиции. Гражданская активность выражается только в выборе национальных «лидеров», которые продвигают себя по законам рекламы, уподобляясь товару. Глобальной экономике не нужны солидарные самоорганизующиеся общества, сцементированные общими ценностями и целями.

В условиях глобализации государство утрачивает контроль над символическим полем, национальные ценности и смыслы подменяются образцами массовой культуры, которые тиражируются преимущественно в США – лидере глобализационных процессов. Гражданская самоидентификация заменяется самовыражением в сфере потребления, человек становится идеальным потребителем, но пассивным и некомпетентным гражданином. Национальные концепции размываются, граждане утрачивают лояльность, становятся менее привязанными к «корням», превращаются в «граждан мира», выбирающих себе для проживания государство по «потребительским» характеристикам.

В общемировом масштабе глобализация привела к углублению неравенства между странами «золотого миллиарда» и так называемыми странами «третьего мира». Не затрагивая проблемы глобального неравенства между благополучным Севером и беднейшим Югом, ограничимся рассмотрением последствий глобализации для трансформации феномена гражданства в рамках Западной Европы.

Капиталы, по словам Ю. Хабермаса [18, с. 28], представляют собой своеобразную форму социальной интеграции. Вслед за денежными потоками, для которых границ практически не существует, в Евросоюз устремляются со всего мира людские потоки, но их передвижение ограничено нормами и границами отдельных национальных государств. И становится очевидным, что, вопреки идеологическим установкам о естественных правах и равенстве всех людей, гражданство европейской страны – это огромная привилегия. В рамках концеп-

ции гражданства любой западноевропейской страны население снова начинает структурироваться в рамках бинарных оппозиций: «свой – чужой», «европеец – неевропеец», «белый – чёрный (темнокожий, жёлтокожий)», «образованный – необразованный», «христианин – мусульманин» и так далее. И это делает актуальными следующие вопросы. Кто достоин статуса гражданина, а кому должно быть в нём отказано? Каков минимум овладения социальными практиками для носителей иных культур? Какова должна быть степень усвоения ими ценностей принимающей страны? С точки зрения общих принципов теории гражданственности, на данные вопросы в настоящее время нет концептуальных ответов.

В 1992 г., с образованием Европейского союза, в научной литературе появились концепции «постнационального» или «транснационального» гражданства, заключающиеся в том, чтобы исключить из понятия «гражданин» национальную составляющую, предоставляя гражданство всему постоянному населению, независимо от национальной (этнической) принадлежности [8, с. 20; 15, с. viii–ix]. Данной концепции соответствовала политика мультикультурализма, которая предполагает сохранение и развитие различных культур, толерантность по отношению к разным культурам, отказ от ассимиляции. В связи с масштабной эмиграцией в страны Евросоюза населения исламских стран лидеры крупнейших стран ЕС были вынуждены заявить о крахе мультикультурализма, тем самым констатируя отказ прибывшего населения, которое пользуется предоставленными социальными гарантиями и экономической свободой, осваивать язык, нормы и ценности принимающей страны. Под транснациональным гражданством понимаются сети взаимодействия, которые выстраивают мигранты, преодолевая существующие границы национальных государств [6, с. 216].

Помимо «постнационального», в литературе также встречаются концепции «глобального» и «наднационального» гражданства. «Глобальный» гражданин – это индивид без привязки к конкретному гражданству или без гражданства. Он имеет права человека, зафиксированные в частности, во Всеобщей декларации прав человека ООН, в Конвенции о защите прав человека и основных свобод. «Дискурс прав человека стал гегемониальным» в современном обществе, и на практике это означает, что даже при отсутствии гражданства любой страны основные права человека должны соблюдаться [6, с. 219]. Таким образом, в данном подходе понятия «человек» и «гражданин» стремятся к тождественности.

В той мере, в которой к сущностным характеристикам феномена гражданства помимо формально-юридического статуса относятся политическое участие, владение социальными практиками и приверженность определённой системе ценностей, рассуждения о разных видах гражданства, помимо национального, в настоящее время отражают тенденции в развитии феномена, но не сам феномен.

В качестве «наднационального гражданства» с определённой долей преувеличения можно определить гражданство Евросоюза, предоставляющее право свободного пересечения границ внутри стран Шенгенской зоны, право на вы-

бор места проживания и ведения бизнеса внутри ЕС, а также право избираться и быть избранным в Европарламент. Важно, что гражданство ЕС дополнительно к основному гражданству страны-участницы Евросоюза. Следовательно, основные социальные обязательства несёт не ЕС, а государство-участник.

Если оптимистично и отчасти идеалистично смотреть в отдалённое будущее, то имеющими шансы воплотиться в жизнь могут стать следующие тенденции. Естественным продолжением развития социальных прав в структуре гражданских прав вполне может стать введение безусловного базового дохода для всех граждан, эксперименты с которым уже проводятся в таких странах Евросоюза, как Германия, Италия, Финляндия, хотя и в ограниченных масштабах. Концепция безусловного базового дохода может органично вписаться в идеалы гражданственности, поскольку безусловный доход расширяет рамки индивидуальной свободы и экономической независимости, высвобождает творческую энергию человека для участия в общественной жизни и управлении обществом, повышает шансы на социальный успех у того, кто в силу обстоятельств вынужден трудиться для обеспечения минимума повседневных потребностей.

У концепции безусловного базового дохода есть критики, утверждающие, что для её реализации нужно слишком много средств, что безусловный доход усилит иждивенческие настроения и увеличит и без того значительный поток мигрантов в страны Западной Европы. Но разве всего век назад можно было предположить, что социальное государство достигнет таких масштабов и что оно станет основой существования одних из самых благополучных и справедливых обществ в истории? Сторонники данной концепции, на наш взгляд, справедливо утверждают, что в связи с грядущей технологической безработицей безусловный базовый доход станет единственно возможным способом распределения благ между гражданами для поддержания стабильности общества.

Ещё одним гуманным и, на наш взгляд, вполне укладываемым во «включающую» логику направлением развития института гражданства может стать «экологическое гражданство». На первый взгляд, сфера экологии и сфера гражданственности далеки друг от друга. Но создатели и приверженцы концепции экологического гражданства рассуждают в рамках логики «традиционного» гражданства, используя оппозицию «включение – исключение». Частью гражданских прав (на жизнь и свободу) должны обладать животные и другие части природы. Так, в настоящее время дети, недееспособные индивиды включаются в область действия гражданских прав, несмотря на то, что не могут пользоваться правом политического участия, и авторы концепции распространяют эту же логику и на природу [24, с. 143]. Здесь имеет место дальнейшая трансформация понятий «гражданство», «гражданин», которые утрачивают активную политическую составляющую и основным содержанием которых становятся разного рода права.

Противоречие между необходимостью использования человеком растений и животных для своих нужд и желанием наделить правами эти части природы

авторы концепции экологического гражданства решают следующим образом. В сферу ответственности каждого гражданина должна быть добавлена ответственность за природу в той же степени, как и за общество, что должно выражаться в изменении законодательства в отношении природных объектов. Если «политический» гражданин, осуществляя голосование как акт политического выбора, опирается на свой социальный и жизненный опыт, то «экологический гражданин», основываясь на представлениях о глубокой взаимосвязи и равноценности природы и человека, осуществляет акт потребления с той же ответственностью, что и акт голосования, всегда имея в виду минимизацию своего экологического следа [16, с. 131].

Очевидно, что «освобождение» животных, растений и природных объектов по аналогии с освобождением рабов – перспектива на ближайшие десятилетия не вполне реальная. Тем не менее, многочисленные движения за защиту прав природы являются весомой общественной силой, уже сегодня оказывающей влияние на принятие политических решений, и, тем самым, способствуют популяризации экологического мышления и решению экологических проблем.

Статус гражданина – великое достижение западноевропейской цивилизации, позволившее нивелировать острейшую социальную дифференциацию обществ прошлого, высвободить человеческие ресурсы «включённых» в гражданство для творческой, общественно-полезной деятельности. В своём развитии феномен гражданства прошёл две большие эпохи, которые, по мнению автора, представляют собой два цикла его развития – это Античность, а также Средние века и Новое время. В Новейшее время гражданство претерпевает серьёзные трансформации в контексте процессов глобализации.

Появившись в Древней Греции как элитарное, исключительное явление, к концу существования Римской империи гражданство стало массовым настолько, насколько это позволял уровень технологического развития общества, которое должно было иметь значительные ресурсы, чтобы обеспечивать само существование этого института. В Средние века феномен гражданства возник и развивался как локальное явление в среде, где доминировали феодальные отношения. В результате революций Нового времени гражданство декларировалось как массовое, всеобщее явление в границах наций, но реально стало всеобъемлющим лишь спустя два века.

Векторы развития феномена гражданства, характерные для каждого из циклов:

1. Освобождение от зависимости (рабской, феодальной).
2. Включение всё более широких слоёв населения в гражданство (эволюция от элитарного к массовому).
3. Уменьшение и полный отказ от имущественных требований для включения в гражданство.
4. Уменьшение активного участия граждан в управлении государством.

5. Отчуждение гражданина от государства, формализация отношений между гражданином и государством.

В Новейшее время гражданство окончательно включает в себя всё совершеннолетнее коренное население в границах государств. Оно эволюционирует в институт, надёжно защищающий гражданские права и включающий в себя значительный спектр обязательств государства по отношению к гражданину. И сегодня перед институтом гражданства стоят следующие вопросы: будут ли еще более расширены социальные обязательства? Будут ли включены в сферу действия гражданских прав объекты природы? Выйдет ли гражданство за пределы национальных границ и национальностей? Не исключено, что Новейшее время является началом третьего цикла развития гражданства, который будет продолжать своё развитие в соответствии с выше обозначенными векторами.

Список литературы

1. Аристотель. Сочинения: В 4-х т. Т. 4 / Пер. с древнегреч.; Общ. ред. А.И. Доватура. М., 1983. 830 с.
2. Боков Ю.А. К вопросу об использовании понятий «гражданин» и «подданный» в правовых и научных источниках [Электронный ресурс]. // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 5. Режим доступа: <https://www.science-education.ru/ru/article/view?id=7280> Дата обращения: 01.08.2017
3. Капустин Б. Гражданство и гражданское общество / Гос. ун-т – Высшая школа экономики; введ. ст. В.С. Малахова; прил. Т.Х. Маршалла / пер. с англ. Ю. Дергунова; под науч. Ред. А. Смирнова. М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2011. 224 с.
4. Кершенштейнер Г. Избранные сочинения. – М.: Книгоиздательство К. И. Тихомирова, 1915. 327 с.
5. Коптев А.В. Античное гражданское общество // Проблемы эволюции общественного строя и международных отношений в истории западноевропейской цивилизации. Сборник статей под ред. Ю. К. Некрасова. Вологда: Русь, 1997. С. 11-30.
6. Малахов В. Культурные различия и политические границы в эпоху глобальных миграций. М: Новое литературное обозрение, 2014. 227 с.
7. Малинова О.Ю. Гражданство и политизация культурных различий. Размышления по поводу некоторых тенденций в англоязычной политической философии // Полис. 2004. № 5. С. 7-17.
8. Межуев Б.В. Постколониальный переход и «транснационализация» гражданства // Полис. 2004. № 5. С. 19-27.
9. Платон. Сочинения в четырех томах. Т.3. Ч.1 / Под общ. ред. А.Ф. Лосева и В.С. Асмуса; Пер. с древнегреч. СПб.: Изд-во С.-Петербур. Ун-та; «Изд-во Олега Абышко», 2007. 752 с.
10. Утченко С. Л. Политические учения Древнегосударства Рима. М., 1977. 257 с.
11. Фан И.Б. Античные модели гражданства // Научный ежегодник института философии и права Уральского отделения Российской Академии наук. 2002. № 3. С. 92–107.
12. Фан И.Б. Гражданство и миграция в политических концепциях XX века // Научный ежегодник института философии и права Уральского отделения Российской Академии наук. 2008. № 8. С. 257–279.
13. Французская Республика. Конституция и законодательные акты. Перевод с французского / Сост.: Маклаков В.В., Энтин В.Л.; Редкол.: Барабашев Г.В., Жидков О.А., Ильинский И.П., Калямин Г.П., Страшун Б.А., Туманов В.А. (Под ред. и со вступ. ст.), Чиркин В.Е.; Пер.: Маклаков В.В., Пучинский В.К., Энтин В.Л. М.: Прогресс, 1989. 448 с.
14. Хабермас Ю. Постнациональная констелляция и будущее демократии // Логос. № 4-5 (39). 2003. С. 105–152.
15. Balibar E. We, the people of Europe? Reflection of Transnational Citizenship. Princeton and Oxford: Princeton university press, 2004. 291 p.
16. Delille N. Ecological citizenship theoretical analysis for a new vision of environmental policy // Мир экономики и управления. 2017. Т. 17, № 2, с. 130-141.

17. Gunsteren H. Four Conceptions of Citizenship // The Condition of Citizenship. London, Thousand Oaks, New Delhi: SAGE Publications, 1994. P. 36–49.
18. Habermas J. Citizenship and National Identity // The Condition of Citizenship. London, Thousand Oaks, New Delhi: SAGE Publications, 1994. P. 20–35.
19. Hoffman J. Citizenship beyond the state. London, Thousand Oaks, New Delhi: SAGE Publications, 2004. 192 p.
20. Kuisma M. Rights or privileges? The challenge of globalization to the values of citizenship // Citizenship Studies. Vol. 12. No. 16. December 2008. P. 613–627.
21. Mann M. Ruling class strategies and citizenship // Sociology. 1987. Vol. 21 № 3. P. 339–354.
22. Manville P.B. The Origins of Citizenship in Ancient Athens. – Princeton, New Jersey: Princeton university press, 1997. 265 p.
23. Marshall T.H. Citizenship and social class // Marshall T.H. Citizenship and social class and other essays. Cambridge: Cambridge university press, 1950. P. 1–85.
24. Steenbergen B. Toward a global ecological citizen // The Condition of Citizenship. – London, Thousand Oaks, New Delhi: SAGE Publications, 1994. P. 141–153.
25. Turner B.S. Outline of a theory of citizenship // Sociology. 1990. Vol. 24. No. 2. P. 189–217.
26. Vliet E. Polis. The Problem of Statehood // Social Evolution & History, Vol. 4. no. 2. September 2005. P. 120–150.
27. Wallerstein I. 2003. Citizens All? Citizens Some! The Making of the Citizen. Comparative Studies in Society and History. Vol. 45. № 4. P. 650–679.

Об авторе:

Лариса Юрьевна Максимова – к.филол.н., почётный работник общего образования Российской Федерации, начальник ФГКОУ «Московский кадетский корпус “Пансион воспитанниц Министерства обороны Российской Федерации”». Адрес: 125284, г. Москва, ул. Поликарпова, д.21.
E-mail: larisamaximova@yandex.ru.

EVOLUTION OF THE PHENOMENON OF CITIZENSHIP IN THE CONTEXT OF HISTORICAL DEVELOPMENT OF THE WESTERN EUROPE

L.Y. Maximova
DOI 10.24833/2071-8160-2017-6-57-40-63

Ministry of Defense Boarding School for Girls

This article analyzes the history of the development of the phenomenon of citizenship in Western Europe, from Antiquity to the Modernity. The analysis uses the binary opposition method, which is the basis for including individuals in or out of citizenship. The citizenship of Ancient Greece was of an elitist nature, sharply distinguishing citizens from the rest of the population. The basis for inclusion / exclusion was the binary oppositions “civilized – barbarians”, “free – dependent”, “possessing land ownership – not possessing such”, “adults – minors”, as a result only a small part of the population had the rights of citizens. In the Athenian democracy, for the first time in history, the basic essential characteristics of the concept of “citizen” was laid: equality, participation and liberty. The citizenship of

Ancient Rome, which received the status of a limited circle of people, during the conquest of new territories included ever wider sections of population. As a result, Roman citizenship was unified, that led to the formation of the legal status of "subject of the Roman Empire," for which no longer required property and which did not involve political participation.

In the Middle Ages and Early Modern Period, for which characteristic subjection and vassalage was a type of relationship between the supreme power and the population, the phenomenon of citizenship existed only in cities. After the revolutions of the Mid Modern Period the achievement of which was the liberation of all categories of the population and the proclamation of equality, the ideas of citizenship began to be embodied within national states. If, at the initial stage, all women and men who did not possess sufficient property were still excluded from political participation, by the end of the Mid Modern Period all men had received a full range of civil rights.

During the Modern Period women were granted the right to political participation, therefore, all adult indigenous peoples finally enter into citizenship within national states. Therefore, the list of oppositions began to include only the following: "native inhabitants of the country – foreigners" and "adults – minors". At the same time, social rights were given special development, which enabled citizens did not worry about their survival and security. Currently, researchers note the following problems in the development of the phenomenon of citizenship: the actual remaining inequality with the declared equality of all citizens, "citizenship without participation," when a citizen is a passive consumer of social services provided by the state.

The processes of globalization led to mass migration, and it became obvious that the citizenship of the West European country is a huge privilege. The arriving population is again structured within the framework of binary oppositions: "resident - stranger", "an European - a non-European", "white - black (black, yellow-skinned)", "educated - uneducated", "Christian-Muslim" and so on. The question of inclusion / exclusion in the citizenship of Western European countries today is not fundamentally resolved.

The analysis of the phenomenon of citizenship made it possible to draw a conclusion about two cycles of the development of the phenomenon of citizenship. The first cycle - Antiquity, the second cycle - the Medieval Ages and the New Time. For each of them there are some characteristic vectors of development: liberation from dependence (slavish, feudal); Inclusion of ever wider layers of the population in citizenship (the evolution of the phenomenon from elitist to mass); reduction and complete rejection of property requirements for inclusion in citizenship; reduction of active participation of citizens in government; alienation of a citizen from the state, formalization of relations between a citizen and the state. It is possible that the Modern period is the beginning of the third cycle, which will continue its development in accordance with the aforementioned vectors.

Key words: evolution of citizenship, binary oppositions, citizen, state, liberty, equality, participation, globalization.

References

1. Aristotel'. *Sochineniia* [Works]. Vol. 4. Ed. by A.I. Dovatur. Moscow. 1983. 830 p. (In Russian)
2. Bokov Iu.A. *K voprosu ob ispol'zovaniia poniatii «grazhdanin» i «poddannyi» v pravovykh i nauchnykh istochnikakh* [To the Question of the Use of the Concepts "Citizen" and "Native /Subject" in Legal and Scientific Sources]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniia*, 2012. no. 5. Science-education.ru, October, 28, 2012. Available at: <https://www.science-education.ru/ru/article/view?id=7280> (In Russian)
3. Kapustin B. *Grazhdanstvo i grazhdanskoe obshchestvo* [Citizenship and Civil Society]. Ed. by Smirnov A. Moscow, HSE Publishing House, 2011. 224 p. (In Russian)
4. Kershenshteiner G. *Izbrannye sochineni-*

- ia [Selected Works]. Moscow, K.I. Tikhomirov Publ., 1915. 327 p. (In Russian)
5. Koptev A.V. [Ancient Civil Society]. *Problemy evoliutsii obshchestvennogo stroia i mezhdunarodnykh otnoshenii v istorii zapadnoevropeiskoi tsivilizatsii* [The Problems of the Evolution of the Social System and International Relations in the History of Western European Civilization]. Vologda, Rus', 1997. Pp. 11-30. (In Russian)
  6. Malakhov V. *Kul'turnye razlichii i politicheskie granitsy v epokhu global'nykh migratsii* [The Cultural Differences and Political Boundaries in the Era of Global Migrations]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2014. 227 p. (In Russian)
  7. Malinova O.Iu. [Citizenship and Politicization of Cultural Differences. The Reflections on Some of the Trends in English-language Political Philosophy]. *Polis. Politicheskie issledovaniia – Polis. Political studies*, no. 5, 2004. pp. 7-17. (In Russian)
  8. Mezhuev B.V. [Postcolonial transition and “transnationalization” of citizenship]. *Polis. Politicheskie issledovaniia – Polis. Political research*, no. 5, 2004. pp. 19-27. (In Russian)
  9. Platon. *Sochineniia v chetyrekh tomakh* [Works in four volumes]. Vol.3. Ch.1. Ed. by A.F. Losev, V.S. Asmus. Saint-Petersburg, St.Petersburg state University Press, Oleg Abyshko Publ., 2007. 752 p. (In Russian)
  10. Utchenko S. L. *Politicheskie ucheniia Drevnego Rima* [The Political Teachings in Ancient Rome]. Moscow. 1977. 257 p. (In Russian)
  11. Fan I.B. [Ancient models of citizenship]. *Nauchnyi ezhegodnik instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniia Rossiiskoi Akademii nauk - Scientific Annual Edition of the Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences*, no. 3, 2002. pp. 92-107. (In Russian)
  12. Fan I.B. [Citizenship and Migration in the Political Concepts of the 20th Century]. *Nauchnyi ezhegodnik instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniia Rossiiskoi Akademii nauk - Scientific Annual Edition of the Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences*, no. 8, 2008. pp. 257–279. (In Russian)
  13. *Frantsuzskaia Respublika. Konstitutsiia i zakonodatel'nye akty. Perevod s frantsuzskogo* [French Republic. Constitution and Legislative Acts. Translation from French]. Ed. by V.E. Chirkin. Moscow, Progress Publ., 1989. 448 p. (In Russian)
  14. Khabermas Iu. [Post-national Constellation and the Future of Democracy]. *Logos – The Logos journal*, no. 4-5 (39), 2003. pp. 105–152. (In Russian)
  15. Balibar E. *We, the people of Europe? Reflection of Transnational Citizenship*. Princeton and Oxford: Princeton university press, 2004. 291 p.
  16. Delille N. Ecological citizenship theoretical analysis for a new vision of environmental policy. *Mir ekonomiki i upravlniia – World of economics and management*, 2017. vol. 17, no. 2, pp. 130-141.
  17. Gunsteren H. Four Conceptions of Citizenship. *The Condition of Citizenship*. London, Thousand Oaks, New Delhi: SAGE Publications, 1994. Pp. 36–49.
  18. Habermas J. Citizenship and National Identity. *The Condition of Citizenship*. London, Thousand Oaks, New Delhi: SAGE Publications, 1994. Pp. 20–35.
  19. Hoffman J. *Citizenship beyond the state*. London, Thousand Oaks, New Delhi: SAGE Publications, 2004. 192 p.
  20. Kuisma M. Rights or privileges? The challenge of globalization to the values of citizenship. *Citizenship Studies*, 2008, vol. 12, no. 16, pp. 613-627.
  21. Mann M. Ruling class strategies and citizenship. *Sociology*, 1987, vol. 21, no. 3, pp. 339-354.
  22. Manville P.B. *The Origins of Citizenship in Ancient Athens*. – Princeton, New Jersey: Princeton university press, 1997. 265 p.
  23. Marshall T.H. Citizenship and social class. *Marshall T.H. Citizenship and social class and other essays*. Cambridge: Cambridge university press, 1950. Pp. 1-85.
  24. Steenbergen B. Toward a global ecological citizen. *The Condition of Citizenship*.

- London, Thousand Oaks, New Delhi: SAGE Publications, 1994. Pp. 141–153.
25. Turner B.S. Outline of a theory of citizenship. *Sociology*, 1990, vol. 24 no. 2, pp. 189-217.
26. Vliet E. Polis. The Problem of Statehood. *Social Evolution & History*, 2005, vol. 4, no. 2, pp. 120-150.
27. Wallerstein I. 2003. Citizens All? Citizens Some! The Making of the Citizen. *Comparative Studies in Society and History*, vol. 45, no. 4, pp. 650-679.

About the author:

Larisa Yu. Maximova - Ph.D. in Philology, Honorary worker of the general education of the Russian Federation, Head of the Ministry of Defense Boarding school for girls. 125284, Moscow, Polikarpova St., 21. E-mail: larisamaximova@yandex.ru.

«ПОЛОНИЗАЦИЯ» И «СОВЕТИЗАЦИЯ» ЗАПАДНОЙ БЕЛОРУССИИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПОЛИТИКИ АССИМИЛЯЦИИ И ИНТЕГРАЦИИ

Н.А. Маркелов

Посольство России в Польше

Актуальность представленной статьи обусловлена множественностью современных этнических конфликтов в различных регионах мира. С привлечением российских, белорусских и польских научных исследований, а также исторических источников автор анализирует возникновение и развитие межэтнического конфликта вдоль польско-белорусской границы в первой половине XX в. Характеризуется влияние ассимиляционной политики польских властей в 1920–1930-х гг. на отношения между белорусами и поляками. Подчёркивается значимость для польско-белорусских отношений исторического мифа польской идентичности, стремления к воссозданию Речи Посполитой с поглощением белорусских, литовских и украинских земель.

Отношения между польским и белорусским населением в период после вызванного Второй мировой войной коллапса польского государства в 1939–1941 гг. обострились, а в некоторых аспектах взаимодействия в административной сфере вылились в откровенное противостояние. Эта ситуация была вызвана тем, что для подавляющей части польского населения национальная державность представляла, при всех недостатках её реализации во II Речи Посполитой, значимую ценность. В польское сознание не укладывалось нежелание представителей национальных меньшинств отстаивать прежнюю власть. Советская власть выполняла роль своеобразного буфера, принимая на себя ответственность за негативные проявления новой национальной политики и процессов слома старого государственного устройства. Процессы, происходившие на польско-белорусском пограничье, усугублялись продолжавшимся формированием белорусской идентичности, осознанием белорусами ценности собственного языка и собственной культуры, а также существенным отличием как от польской, так и от русской традиции при всей исторически обусловленной структурной близости к первой и многовековой общностью со второй. Другим фактором, определявшим этническую ситуацию в регионе, стало исчезновение прежнего гегемона – Российской империи, чьё существование обеспечивало определённую стабильность национального вопро-

УДК 327.35, 327.58

Поступила в редакцию 10.10.2017 г.

Принята к публикации 30.11.2017 г.

са. СССР, воспринимавшийся частью населения региона как прямой наследник традиций царской России, таким наследником не был, предлагая принципиально новые модели государственной и этнической идентичности.

Ключевые слова: пограничье, польско-белорусские отношения, межэтнический конфликт, советизация, идентичность, первая половина XX в., Западная Белоруссия, Польша.

Белорусско-польское пограничье – территория, привлекающая пристальное внимание исследователей разных стран. Многогранные исторические, политические и этнические процессы, происходившие в данном регионе на протяжении XX в., рассматриваются с различных точек зрения. До 1991 г. наиболее распространённой была опора на советскую традицию, в которой идентичность определялась через проявления народной культуры, в первую очередь распространение национального языка в сфере образования и культуры. Такой подход актуален и сегодня [6]. Трактовка идентичности как совокупности исконных традиций, выраженных в исторически сложившемся народном быту [1; 2; 12], получила распространение после распада СССР.

Первая половина XX в. – сложное и спорное время для белорусско-польского пограничья. Интенсивность и значимость политических событий того периода до настоящего времени препятствуют научному сообществу выработать консенсус в оценке событий, происходивших в рассматриваемом регионе. Противоречивость этнокультурной ситуации, зафиксированная в опубликованных источниках [5; 9], нашла отражение в актуальных работах отечественных и зарубежных исследователей [2; 3; 4; 7; 15].

В данной статье Западная Белоруссия рассмотрена с позиций регионоведения. Будучи пограничной для государств и ареалов расселения народов, рассматриваемая территория в исследуемом временном промежутке имела основания для формирования польской, собственно белорусской и русской или советской государственной идентичности с соответствующей моделью межэтнических отношений.

В регионе западного пограничья Белоруссии смешение религий, народов, языков и культур долгое время было частью устоявшегося быта. Поляки, белорусы, а также русские, украинцы, евреи, татары и литовцы сосуществовали сравнительно мирно, «на протяжении почти всего XIX в. между поляками и белорусами не существовало чувства национальной чужеродности» [12, с. 328]. Понятие «белорус» ещё в первой половине XIX в. носило скорее топонимический, нежели этнический характер, точно так же, как принадлежность к полякам была скорее сословным маркером [10]. Большинство белорусов было крестьянами и ремесленниками – категорией людей, которые усваивают новые политические идеи довольно медленно. Следовательно, представления о Белоруссии, характерные для интеллигенции, не всегда разделялись основной массой населения.

Межэтнический и межнациональный конфликт, зародившийся в конце XIX в., принял острые формы в XX столетии. Обострение межэтнических отношений определялось в первую очередь политикой центра: сперва польского, затем советского, после германского и снова советского (за исключением Белостокщины, оказавшейся по итогам Второй мировой войны в составе Польши). В самобытном приграничье с его особой трансграничной идентичностью и Варшава, и Москва стремились создать пространство «переопределённости, двойной принадлежности» [5, с. 86]. И претендовавшая на лидерство в Восточной Европе Польская Республика, и стремившаяся к социальному переустройству Советская Россия считали эту задачу особенно значимой. Таким образом, с конца XIX в. на территории Белоруссии возник этносоциальный конфликт, который, по мнению А.Ф. Смолянчука, «был результатом ... демократизации общества, которая сопровождалась радикализацией настроений социальных низов» [12, с. 329]. Исследователь полагает, что конфликт усугубляли глубокая интеграция в русское культурное пространство и полонизация Белоруссии.

В рассматриваемое время регион представлял собой относительно замкнутую самодостаточную систему, поэтому при описании социальных и межэтнических процессов того времени исследователи вводят такие понятия, как «белорусизация» [10], «полонизация» и «русификация» [12]. Как в межвоенный период, так и после освобождения Западной Белоруссии каждый из центров считал своей задачей привести регион в соответствие с идеологией центра. «Белорусификация», «полонизация» или «русификация» в ряде случаев представляют собой результат попыток создания единой национальной модели, унифицированной традиции, которая на практике значительно различалась на востоке и на западе Белоруссии. Даже сегодня население западных областей Беларуси сохраняет некоторые этно-культурные особенности, отличающие его от жителей восточной части страны [4, с. 21].

При изучении особенностей формирования идентичности населения белорусско-польского пограничья в XX в. необходимо учитывать два ключевых явления: «осадничество» и «восточничество». «Осадники» – это лояльные властям поляки, в межвоенный период получавшие землю и ключевые административные должности в рассматриваемом регионе. Кроме того, польские власти практиковали назначение учителей из западных областей в восточные и наоборот. Многие ответственные лица в Польше воспринимали задачу размывания местной идентичности и укрепления новой, общепольской как особую миссию. Генерал Ярнушкевич, уроженец центральной Польши, переведённый из столичного I командования корпуса округа в командование корпуса IX округа¹ (Полесское воеводство с центром в Бресте), по этому поводу писал: «Мы должны подтвердить, что здесь, на востоке, мы находимся несколько сотен лет и

¹ Командование корпуса округа – орган управления военной административно-территориальной единицей во II Речи Посполитой, сравнимый с военным округом в российской традиции.

что, несмотря на длительный перерыв в государственной жизни, мы выполняем здесь непрерывную миссию, пролив на этой земле много крови. Мы должны себе уяснить, воевать ли дальше за эту землю или уйти с неё. Здесь нельзя быть пассивным. ... Польская культура должна главенствовать в северо-восточных землях. Только она в течение веков оставила здесь крепкие памятники, а Москва – это только налёт» [9, с. 158].

Копируя на восточных национальных окраинах довоенной Польской Республики систему отношений и ценностей из других польских земель, входивших до Первой мировой войны в состав «Привислинского края» Российской империи и западной части австро-венгерской Галиции, «осадники» преследовали белорусов за сам факт этнической принадлежности. Поскольку в приграничных областях было немало «тутэйших», т.е. лиц с неопределённой этничностью, а также людей, готовых в зависимости от обстоятельств называться белорусами или поляками [8]. Поэтому особую значимость приобретала религиозная принадлежность: поляк мог быть только католиком.

Все эти факторы привели к возникновению в белорусской среде антипольских настроений. На протяжении 1920–1930-х гг. на рассматриваемых территориях «был очень привлекателен образ БССР, “общebelорусского дома”. Это признавали даже антикоммунистически настроенные лидеры белорусских христианских демократов. В частности, А. Станкевич констатировал: “... жизнь белорусского народа там сдвинулась с места ... белорусских школ насчитываются тысячи» [3, с. 8]. Белорусские патриоты тайно слушали радиопрограммы из БССР, стремились быть в курсе событий в молодой советской республике. В межвоенные годы БССР стала одной из самых радиофицированных республик Советского Союза, причём интенсивность радиопрограмм была довольно значительной [6, с. 42]. Передачи транслировались на русском и белорусском языках. В условиях националистической политики II Речи Посполитой, выражавшейся в дискриминации белорусского населения на всех уровнях жизни, симпатии населения обращались в сторону Москвы.

В 1939 г. белорусское население с радостью встречало солдат Красной армии, ожидая окончания притеснений и надеясь на восстановление благополучной жизни – подобно той, что была в царской России. Воспоминания о той эпохе были свежи в народной памяти. В 1939–1941 гг. «руководство СССР в своих решениях, в первую очередь, учитывало стратегические и политические интересы советского государства, одновременно пытаясь решать задачи национального строительства по советскому образцу» [8, с. 24]. На практике это проявлялось в создании значительного количества учреждений национальной культуры и образования, во внедрении в общественную жизнь социалистической системы экономических отношений и управления. Самым спорным аспектом интеграции оставалась коллективизация этого преимущественно аграрного региона. Белорусы воспринимались в качестве однородной нации без учёта особенностей населения западных областей, что, как отмечалось выше, не отвечало ре-

альному положению дел. Следует также отметить, что после вхождения Западной Белоруссии в состав БССР советская власть сохранила старую, теперь уже внутреннюю, границу.

Таким образом, жители региона взаимодействовали главным образом с идеологически подкованными «восточниками». «Восточниками» в Западной Белоруссии назывались «советские и партийные служащие, направленные сюда на работу» [11, с. 51]. Представители советской системы занимали ключевые посты в органах управления – как ранее, до освобождения Западной Белоруссии, «осадники». Советское руководство подчёркивало, что пришло в Западную Белоруссию с освободительной миссией, потому о «русификации» региона не могло быть и речи, даже если часть белорусского населения и видела в ней приемлемый способ решения национального вопроса: защиту от польских притеснений, гарантированную общностью с многочисленным, имеющим сильные государственнические традиции русским народом. Но в соответствии с советской идеологией в основе государственного строительства были не национальность или религия, а классовый подход. Исходя из идеологических мотивов, испытывая недоверие к бывшим гражданам буржуазного государства, советская власть начала «укреплять кадры» выходцами из Восточной Белоруссии. Так, члены находившейся в подполье КПЗБ² должны были приниматься в партию «не огульно, а в индивидуальном порядке, после тщательной и неторопливой проверки» [13, с. 22]. Слово «неторопливой» вписано лично Сталиным на Постановлении ЦК ВКП(б). В условиях кадрового голода, охватившего регион после ликвидации старых учреждений, этот факт свидетельствовал о том, что советское руководство было вынуждено пренебречь спецификой Западной Белоруссии и пойти по пути замещения наиболее ответственных должностей в партийном и хозяйственном аппаратах кадрами из БССР. Фактически это было повторением ошибок польского руководства, насаждавшего «пришлые» кадры. В отличие от польских «осадников», приезжавших на постоянное жительство с пониманием своей колонизаторской миссии, советские кадры повиновались служебному долгу и партийной дисциплине, рассматривали Западную Белоруссию как место командировки, срок которой определялся на высшем уровне. В годы войны противоречивые последствия такой политики, сопровождавшейся депортацией антисоветски настроенных местных жителей, дали себя знать.

Если «осадники» принадлежали к доминирующему этносу страны, проводившей агрессивную националистическую политику, то «восточники» были носителями доминирующей идеологии. В отличие от поляков, советские служащие не должны были массово замещать штаты милиции, органов правосудия и безопасности [7, с. 68]. Следует особенно подчеркнуть отсутствие этнического ценза. Национальный состав «восточников» в Белостокской области (по сост.

---

² КПЗБ – Коммунистическая партия Западной Белоруссии, распущенная в 1938 г. как составная часть Коммунистической партии Польши (КПП).

на 10 октября 1940 г.) выглядел следующим образом: белорусы составляли 44%, русские – 34%, а евреи – 16% [15, с. 173]. В отличие от «осадников» и в соответствии с советской идеологией, «восточники» не владели собственностью на территории региона. При этом, «чтобы кадровая ситуация была более сбалансированной, важное значение придавалось выдвижению местных кадров в аппарат управления, судебные, силовые органы, промышленные и финансовые структуры» [11, с. 51], так «рабочая гвардия (или милиция) была сформирована практически исключительно из местных добровольцев» [11, с. 47].

Высокая доля белорусов среди «восточников» объяснялась командированием на запад кадров с востока Белоруссии, которая с 1920-х гг. входила в состав советского государства. Необходимо отметить, что после включения Западной Белоруссии в состав БССР старая граница не была упразднена. Вот как вспоминал об этом белорусский писатель В. Быков: «Мама была родом из деревни, находившейся по ту сторону границы, и долгие годы ничего не знала о своём брате. Не знала даже, жив ли он. В 39-м году, после воссоединения Западной Беларуси с БССР, появилась надежда получить от брата весточку. Но хотя новая граница была теперь аж за Белостоком, старую не ликвидировали. Охраняли по-прежнему бдительно, чтоб никто – ни туда, ни оттуда» [2, с. 37]. Более того, применялась практика переселения деревень, расположенных вблизи старой и новой границы [13, с. 150–151]. Несмотря на принадлежность к белорусскому этносу, для местного населения «восточники» остались чуждым элементом. В 1939–1941 гг. было запрещено, в частности, само упоминание привычного термина «восточные кресы» [14] – польского названия земель Западной Белоруссии и Украины и Литвы.

Советская власть приветствовала «нормативные» проявления этничности, такие как создание различных комитетов, театров и музеев, появление СМИ на национальных языках. Вместе с тем искоренялись «классово чуждые» проявления этничности, такие как традиционный крестьянский быт, на смену которому должен был со временем прийти колхозный уклад. Интересно, что в отличие от других регионов СССР в Западной Белоруссии относительно свободно существовала православная церковь. Местная советская администрация не разрушала и не экспроприировала культовые сооружения, лишь обложила церковь значительным налогом [7; 15]. Таким образом, в отличие от периода польского господства, основные конфессии региона в 1939–1941 гг. были в равных условиях. Относительно польских времён положение православной церкви при советской власти улучшилось. Жители обращались к властям с требованием вернуть им православные храмы, переделанные поляками под костёлы. Православная церковь, хоть и настроенная антисоветски, в отличие от католической не стала местом формирования антиправительственных групп. Вопреки отдельным антикоммунистическим, а иногда и пропольским выступлениям, деятельность православной церкви в Западной Белоруссии не подвергалась заметным репрессиям. Между тем высказывания пастырей бывали весьма радикальными.

Так, священник в деревне Козловичи Брестского района И.Я. Житинец заявил, что «скоро Советской власти не будет и тех, кто сейчас командует в деревне, придёт время, вешать будем» [1, с. 169].

Таким образом, межэтнический конфликт на территории Западной Белоруссии возник во второй половине XIX в., в связи с польским восстанием 1863–1864 гг. Он обострился в период II Речи Посполитой, когда варшавское правительство проводило политику насильственной полонизации белорусского населения. Позже, при советской власти, межэтнический конфликт был отчасти сглажен приспособлением белорусского и польского населения к новым жизненным реалиям. Тем не менее, белорусское население отчасти взяло реванш, получив от Москвы привилегии, которых оно было лишено при поляках. Подводя итог, констатируем, что отношения между польским и белорусским населением в период 1939–1941 гг. обострились, а в некоторых аспектах взаимодействия в административной сфере вылились в откровенное противостояние. Вызвано оно было тем, что для подавляющей части польского населения национальная государственность представляла, при всех недостатках её реализации во II Речи Посполитой, значимую ценность. Для польского сознания было непонятно нежелание представителей национальных меньшинств отстаивать прежнюю власть. Советская власть выполняла роль своеобразного буфера, принимая на себя ответственность за негативные проявления новой национальной политики и процессов слома старого государственного устройства.

Важно отметить, что политика советских властей не носила ярко выраженного антипольского характера и не была связана с разжиганием межнационального противостояния. В то же время, руководствуясь тезисом об освобождении белорусского народа, советское правительство не стремилось пресекать случаи проявления враждебности к польскому населению, прежде всего к «осадникам» и чиновникам. Консолидирующим фактором в отношениях между поляками и белорусами стали атмосфера недоверия по отношению к местному населению, как к бывшим гражданам «буржуазно-помещичьей Польши», и неприязнь «восточникам», возникшая из-за бытовых злоупотреблений последних. Объединявший всех командированных ярлык «советские» не противопоставлялся старому «польскому», что свидетельствует об отсутствии устойчивой региональной наднациональной общности. Иными словами, образ «восточника» был частью образа «советского», который мог распространяться и на выходца из Западной Белоруссии, занявшего место в советской административной системе. Недовольство советской системой управления не приводило к формированию позитивного мифа о старой администрации.

Список литературы

1. Белозорович В. Роль религиозных конфессий в общественно-политической жизни Западной Беларуси (1939–1941 гг.) // Культура Гродзенскага рэгіону: праблемы развіцця ва

- ўмовах поліэтначнага сумежжа: Зборнік навуковых прац / Установа адукацыі «Гродзенскі дзярж. ун-т імя Я. Купалы»; адказны рэд. І.П. Крэнь, А.М. Пяткевіч. Гродна: ГрДУ, 2001. С. 167–172.
2. Быков В. Долгая дорога домой. М.: АСТ; Мн.: Харвест, 2005. 448 с.
  3. Вабищевич А.Н. Этнокультурное положение и этнополитические отношения на западнорусских землях накануне сентября 1939 года // Западная Белоруссия и Западная Украина в 1939–1941 гг. Люди, события, документы. Под ред. Петровской О.В., Борисенко Е.Ю. СПб., Алетейя, 2011. С. 7–24.
  4. Заходні рэгіён Беларусі вачыма гісторыкаў і краязнаўцаў: зборнік навуковых артыкулаў / рэдкал. І.П. Крэнь, У.І. Навіцкі, В.А. Белазаровіч // Гродна, 2006. 422 с.
  5. Каганский В.Л. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство: сб. ст. М.: НЛО, 2001. 576 с.
  6. Криштапович Л., Филиппов А. БССР и Западная Белоруссия 1919–1939 гг. (сравнительный анализ). М.: Книжный мир, 2017. 192 с.
  7. Милевский Я.Е. Включение «Западной Белоруссии» в СССР (1939–1941): новая точка зрения // Западная Белоруссия и Западная Украина в 1939–1941 гг. Люди, события, документы. ред. Петровская О.В., Борисенко Е.Ю. СПб., Алетейя, 2011. С. 62–76.
  8. Петровская О.В. Формирование границ западной Белоруссии в 1939–1940 гг. // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2012. № 1 (4). С. 24–41.
  9. Польша–Беларусь (1921–1953): сб. документов и материалов / сост.: А.Н. Вабищевич [и др.]. Минск: Беларус. Навука, 2012. 423 с.
  10. Радзiк Р. Палякi – беларусы: узаемныя стэрэатыпы ў XIX–XX стст. (да 1939 г.) // Беларускі гістарычны агляд. т. 4. 1997. Сш. 1–2. С. 35–61.
  11. Розенблат Е.С. Включение Западной Украины и Западной Белоруссии в состав СССР: контрверсии взглядов // Западная Белоруссия и Западная Украина в 1939–1941 гг. Люди, события, документы. ред. Петровская О.В., Борисенко Е.Ю. СПб.: Алетейя, 2011. С. 42–61.
  12. Смоленчук А.Ф. Беларускія палякi або палякi ў Беларусі? / А. Engelking, R. Huszczy // Pogranicza języków. Pogranicza kultur. Studia ofiarowane Elżbiecie Smułkowej. Warszawa, 2003. S. 326–334.
  13. Тихомирова В.Я. Советский человек на «Кресах» в 1939–1941 годах: свидетельства очевидцев и художественные образы // Западная Белоруссия и Западная Украина в 1939–1941 гг.: Люди, события, документы. СПб.: Алетейя, 2011. С. 292–306.
  14. «Ты з Заходняй, я з Усходняй нашай Беларусі...». Верасень 1939 г. – 1956 г.: дакументы і матэрыялы. У 2 кн. Кн. 1. Верасень 1939 г. – 1941 г. / склад. У. І. Адамушка [і інш.]. Мінск: Беларус. Навука, 2009. 340 с.
  15. Milewski J.J. Okupacja sowiecka w Białostockiem. Proba charakterystyki // Okupacja sowiecka ziem polskich 1939–1941: red. P. Chmielowiec. Rzeszow, 2005. S. 165–180.

Об авторе:

Никита Алексеевич Маркелов – третий секретарь, посольство России в Польше. Польша, 00-761 Варшава, ул. Бельведерская 49. E-mail: nmarkelov@mid.ru.

“POLONIZATION AND “SOVIETIZATION” OF WESTERN BYELORUSSIA: A COMPARATIVE STUDY OF ASSIMILATION AND INTEGRATION POLICIES

“POLONIZATION AND “SOVIETIZATION” OF WESTERN BYELORUSSIA: A COMPARATIVE STUDY OF ASSIMILATION AND INTEGRATION POLICIES

N.A. Markelov
DOI 10.24833/2071-8160-2017-6-57-

Embassy of Russia to Poland

The topicality of the article is determined by many contemporary ethnic conflicts in different parts and regions of the world, including the conflict in Ukraine. The article's study base is formed by modern Russian, Byelorussian and Polish, researches and historical sources. One of the main features of the emerging ethnic conflict in the Polish-Byelorussian borderland in the first half of the XX century, which had significantly influenced its development was the rivalry between two different cultural centers “west-oriented” Warsaw and Moscow as part of a greater “Russian World”. The article confronts two ideologically motivated policies towards Western Byelorussian lands: assimilation and integration. Both of them according to their background (nation-oriented assimilation and concentrated on the pattern of social and economical ties and relations – integration) somehow neglected very specific local identity. Specific character of the process was emphasized by lasting for many decades Byelorussian nation shaping, which ran under several different regimes: Russian Empire, II Polish Republic and Soviet state. As a result, such an ambiguity led to the development of a stronger local identity immune to the stronger oppression in the concerned period. The Tensions between Polish and Byelorussian regional communities escalated during the period 1939–1941, when integration processes in Western Byelorussia were taking place. In some aspects of interaction e.g. in the area of administration they even resulted in outright confrontation. The main reason for was caused by the fact that by the majority of the Polish population their national statehood was regarded, despite all the disadvantages of its realization during the II Polish Republic, as a significant value. Local polish community could not understand the reluctance of ethnic minorities to defend the old regime, that would discriminate them. Soviet authorities acted as a buffer, taking responsibility for the negative manifestations of the new ethnic policies and transformation processes.

Key words: borderland, Byelorussian-Polish relations, ethnic conflict, Sovietization, identity, XX century, Western Byelorussia, Poland.

References

- 1 Belozorovich V. Rol' religioznykh konfessii v obshchestvenno-politicheskoi zhizni Zapadnoi Belarusi (1939–1941 gg) [The role of the religious denominations in the social and political life of Western Byelorussia 1939–1941]. *Kul'tura Grodzenskaga regionu: problemy razvitsia va umovakh polietnichnaga sumezhzhza* [The culture of Grodno region: problems of the development in the conditions of the political frontier]. Ustanova adukatsyi «Grodzenski dziarzh. un-t imia Ia. Kupaly»; ed. by I.P. Kren', A.M. Piatkevich. Grodno, GrDU Publ., 2001. Pp. 167–172. (In Russian)

- 2 Bykov V. *Dolgaia doroga domoi* [Long way home]. Moscow, AST Publ., Minsk, Kharvest Publ., 2005. 448 p. (In Russian)
- 3 Vabishchevich A.N. Etnokul'turnoe polozhenie i etnopoliticheskikh otnosheniia na zapadnobeloruskikh zemliakh nakanune sentiabria 1939 goda [Ethnocultural conditions and Ethnopolitical relations in the region of Western Belarus on the eve of the September 1939]. *Zapadnaia Belorussia i Zapadnaia Ukraina v 1939–1941 gg. Liudi, sobytiia, dokumenty* [Western Byelorussia and Western Ukraine in 1939–1941. People, events, documents]. Ed. by Petrovskaja O.V., Borisenok E.Ju. Saint Petersburg, Aleteia Publ., 2011. Pp. 7–24. (In Russian)
- 4 *Zakhodni region Belarusi vachyma gistorykau i kraiaznautsau* [Western Byelorussia Region in sight of historians and regional ethnographers]. Collected articles. Ed. by I.P. Kzen', U.I. Navitski, V.A. Belazarovich. Grodno, 2006. 422 p. (In Byelorussian)
- 5 Kaganskii V.L. *Kul'turnyi landshaft i sovetskoe obitaemoe prostranstvo* [The cultural land shaft and soviet living space]. Moscow, NLO Publ., 2001. 576 p. (In Russian)
- 6 Krishtapovich L., Filippov A. *BSSR i Zapadnaia Belorussia 1919–1939 gg. (sravnitel'nyi analiz)* [BSSR and Western Byelorussia 1919–1939. Comparative analysis]. Moscow, Knizhnyi mir Publ., 2017. 192 pp. (In Russian)
- 7 Milevskii Ia. E. Vkluchenie «Zapadnoi Belorussii» v SSSR (1939– 1941): novaia tochka zreniia [Incorporation of Western Byelorussia into USSR 1939–1941: new point of view]. *Zapadnaia Belorussia i Zapadnaia Ukraina v 1939–1941 gg. Liudi, sobytiia, dokumenty* [Western Byelorussia and Western Ukraine in 1939–1941. People, events, documents]. Ed. by Petrovskaja O.V., Borisenok E.Ju. Saint Petersburg, Aleteia Publ., 2011. Pp. 62–76. (In Russian)
- 8 Petrovskaja O.V. Formirovanie granits zapadnoi Belorussii v 1939–1940 gg. [Shaping the borders of Western Belarus in 1939–1940]. *Zhurnal rossiiskikh i vostochnoevropskikh istoricheskikh issledovaniï*, 2012, no. 1 (4), pp. 24–41. (In Russian)
- 9 *Pol'sha–Belarus' (1921–1953): sb. dokumentov i materialov* [Poland–Byelorussia 1921–1953. Collection of documents and materials]. Ed. by A.N. Vabishchevich [and oth.]. Minsk, Belarus, Navuka Publ., 2012. 423 p. (In Russian)
- 10 Radzik R. Paliaki – belarusy: uzaemnyia stereotypy u XIX – XX stst. (da 1939 g.). [Poles–Byelorussians – mutual stereotypes in XIX–XX cent. (before 1939)]. *Belaruskii gistorychny agliad* [Byelorussian Historical Overview], 1997, vol. 4, part 1–2, pp. 35–61. (In Byelorussian)
- 11 Rozenblat E.S. Vkluchenie Zapadnoi Ukrainy i Zapadnoi Belorussii v sostav SSSR: kontroversii vzgliadov [Incorporation of Western Ukraine and Western Byelorussia into USSR: discrepancy of views]. *Zapadnaia Belorussia i Zapadnaia Ukraina v 1939–1941 gg. Liudi, sobytiia, dokumenty* [Western Byelorussia and Western Ukraine in 1939–1941. People, events, documents]. Ed. by Petrovskaja O.V., Borisenok E.Ju. Saint Petersburg, Aleteia Publ., 2011. Pp. 42–61. (In Russian)
- 12 Smolenchuk A.F., Engelking A., Huszczy R. Belaruskii paliaki abo paliaki ŷ Belarusi? [Byelorussian Poles or Poles in Byelorussia?]. *Pogranicza języków. Pogranicza kultur. Studia ofiarowane Elżbiecie Smulkowej* [Borderland of languages Borderland of cultures Dedicated to Elzbieta Smulkowska]. Warsaw, 2003. Pp. 326–334. (In Byelorussian)
- 13 Tikhomirova V.Ia. Sovetskii chelovek na «Kresakh» v 1939–1941 godakh: svidetel'stva ochevidtsev i khudozhestvennye obrazy [A soviet man in “Kresy” 1939–1941: attestation of eyewitnesses and fictional images]. *Zapadnaia Belorussia i Zapadnaia Ukraina v 1939–1941 gg.: Liudi, sobytiia, dokumenty* [Western Byelorussia and Western Ukraine in 1939–1941. People, events, documents]. Ed. by Petrovskaja O.V., Borisenok E.Ju. Saint Petersburg, Aleteia Publ., 2011. Pp. 292–306. (In Russian)
- 14 «Ty z Zakhodniai, ia z Uskhodniai nashai Belarusi...». *Verasen' 1939 g. – 1956.*

dokumenty i materiały [“You are from Western, I’m from Eastern our Byelorussia”. September 1939–1956]. In 2 books. Book. 1. September 1939–1941. Ed. by U. I. Adamushka [and others]. Minsk, Belarus, Navuka Publ., 2009. 340 p. (In Byelorussian)

15 Milewski J.J. *Okupacja sowiecka w Białos-*

tockiem. Próba charakterystyki [Soviet occupation of Białostok region. An attempt to characterize]. *Okupacja sowiecka ziem polskich 1939 – 1941* [The Soviet occupation of Polish territories 1939 - 1941]. Ed. by P. Chmielowiec. Rzeszów, 2005. Pp. 165–180. (In Polish)

About the author:

Nikita A. Markelov – Third Secretary, Embassy of Russia to Poland, Poland, 00-761 Warsaw, Belwederska str., 49. E-mail: nmarkelov@mid.ru.

«БЫХОВСКОЕ СИДЕНИЕ» ГЕНЕРАЛА КОРНИЛОВА

Н.В. Шевцов

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России

Конец августа 1917 г. был отмечен драматическим событием, которое во многом повлияло на будущее Российского государства – предпринятой Ставкой Верховного главнокомандующего попыткой направить в Петроград войска в целях установления военного порядка в столице («Корниловский мятеж»). Выступление Л.Г. Корнилова оказалось неудачным. Его вместе с ближайшими соратниками арестовали и отправили в расположенный неподалеку от Могилёва, где находилась Ставка, небольшой белорусский городок Старый Быхов. Генералов Л.Г. Корнилова, А.И. Деникина, А.С. Лукомского, С.Л. Маркова и других видных деятелей Белого движения в скором времени поместили в превращённое в тюрьму здание женской гимназии. Там они находились примерно полтора месяца, а вскоре после октябрьских событий 1918 г. покинули её, отправившись на Дон. «Корниловскому мятежу» посвящено немало книг и научных статей, однако о пребывании отстранённых от командования военачальников в тюрьме написано крайне мало. Подробнее всех о нём писал, пожалуй, только А.И. Деникин в труде «Очерки русской смуты». Скудность источников о «быховском сидении» Корнилова и его единомышленников можно объяснить тремя причинами. Во-первых, Корнилов и его соратники находились в Быхове в изоляции и не могли общаться со своим недавним окружением. Не имели к ним доступа и журналисты. Во-вторых, срок пребывания Корнилова в Быхове оказался крайне коротким. Наконец, те, кто могли бы оставить интересные воспоминания, например, Л.Г. Корнилов или С.Л. Марков, менее чем через год погибли на фронтах гражданской войны.

Решив отчасти восполнить пробел в историографии «быховского сидения», автор статьи побывал в городе Быхове (ныне Могилёвская область Беларуси) и попытался найти свидетельства пребывания в нём участников выступления Л.Г. Корнилова. Он посетил здание бывшей женской гимназии, где ныне разместился быховский лесхоз, сотрудники которого создали небольшую музейную экспозицию. При подготовке статьи использовались беседы с директором исторического музея Быхова, а также с проживавшим в Брюсселе Л.А. Корниловым–Шапроном дю Лорре – внуком прославленного генерала, который рассказал немало интересного о событиях конца августа 1917 г.

Ключевые слова: выступление Корнилова, Ставка, Верховный главнокомандующий, Старый Быхов, А.Ф.Керенский, Днепр, Белое движение, А.И.Деникин, Могилёв, Быховские сидельцы, устная история.

УДК 94

Поступила в редакцию 01.09.2017 г.

Принята к публикации 01.11.2017 г.

К числу важнейших событий, предшествовавших Октябрьской революции в России, относится предпринятая в конце августа 1917 г. Ставкой Верховного главнокомандующего попытка установления в Петрограде военного порядка, названная в советское время «Корниловским мятежом» или «Корниловщиной».

Отстранив от руководства войсками Корнилова, Деникина и других опытных военачальников, Керенский взял на себя обязанности Верховного главнокомандующего, повторив тем самым ту же ошибку, что и в 1915 г. Николай II. Теперь все неудачи на фронтах приписывались непосредственно главе Временного правительства.

Но главный просчёт Керенского заключался в том, что, расправившись с генералами, он по сути дела срубил сук, на котором сидел. Обвинив Л.Г. Корнилова в предательстве, глава Временного правительства лишился опоры в той части армейских сил, которые могли бы поддержать его в борьбе с вооружёнными массами, оказавшимися под влиянием большевистской пропаганды. Он оставил возглавляемое им правительство без военной поддержки, тем самым предопределив его свержение. После подавления «Корниловского мятежа», им же самим инспирированного, он мог рассчитывать лишь на сомнительную поддержку колеблющихся масс: солдат, матросов, младшего офицерского состава, а также гражданского населения. В этой среде после ареста Корнилова стала стремительно расти популярность большевиков. В.И. Ленин, Л.Д. Троцкий и другие большевистские лидеры, которые с самого начала объявили себя противниками Временного правительства и всего высшего армейского руководства, в глазах народных масс не были скомпрометированы сотрудничеством с властью в Петрограде, а потому рассматривались простыми людьми как защитники демократии, противники военной диктатуры и даже как спасители революции и Отечества. Своей главной целью большевики провозгласили установление другой диктатуры – пролетарской. На заседании Центрального Комитета РСДРП (б), состоявшемся 16 октября 1917 г. по старому стилю, В.И. Ленин сформулировал два варианта исхода событий: «Положение ясное: либо диктатура корниловская, либо диктатура пролетариата и беднейших слоёв крестьянства» [7, с. 394]. Расправившись с Корниловым, по сути дела, предав его, Керенский оказал неопределимую помощь большевистскому руководству. Сравнивая обстановку 3–4 июля с предреволюционными событиями октября 1917 г., Ленин писал: «Не было тогда всенародного революционного подъёма, теперь он есть после Корниловщины» [7, с. 243].

Поход на Петроград начался по инициативе А.Ф. Керенского. Через своего эмиссара Б.В. Савинкова, прибывшего в Ставку 23 августа, он передал просьбу отправить в Петроград 3-й конный корпус генерала А.М. Крымова. Но когда войска двинулись в столицу, А.Ф. Керенский поспешил отречься от своих указаний. Он испугался, что Корнилов может занять его место и сделал всё возможное, чтобы избавиться от казавшегося ему опасным конкурента. Глава Времен-

ного правительства всю ответственность за выступление войск на Петроград возложил на Верховного главнокомандующего. Л.Г. Корнилов в период «мятежа» находился в Могилёве, поскольку, как Верховный главнокомандующий в тот критический момент, после взятия немцами Риги, не мог, не имел права покинуть Ставку.

Движение войск на Петроград оказалось полной неожиданностью для тех же большевиков. В письме Центральному Комитету РСДРП о тактике партии в связи с корниловским выступлением В.И. Ленин отмечал: «Восстание Корнилова есть крайне неожиданный (в такой момент и в такой форме неожиданный) и прямо-таки крутой поворот событий» [7, с.119]. В то же время он призывал использовать борьбу с Корниловым в целях свержения Временного правительства: «И агитировать надо сию минуту, не столько прямо против Керенского, сколько косвенно, против него же, но косвенно: требуя активной и, активнейшей, истинно революционной войны с Корниловым» [7, с.121].

Событиям, связанным с выступлением Л.Г. Корнилова, посвящены многочисленные исследования отечественных и зарубежных авторов. Некоторые из них рассуждают о том, смог бы Корнилов, в случае своего успеха, предотвратить победу революции в октябре 1917 г. Значительно меньше публикаций о кратком периоде между подавлением «мятежа» и появлением Корнилова и его соратников в донских степях. Сохранилось крайне мало воспоминаний очевидцев. Наиболее полные свидетельства нахождения арестованных в быховской тюрьме обнаруживаются в воспоминаниях А.И. Деникина «Очерки русской смуты» [3].

Решив отчасти восполнить пробел в изучении этой страницы отечественной истории, автор статьи посетил город Быхов, где попытался обнаружить следы пребывания арестованных военных. Ему удалось побывать в здании тюрьмы, размещавшейся в бывшей женской гимназии.

Кроме того, в данной статье использованы записи бесед с научными сотрудниками быховского музея, рассказавшими об истории здания. Обращение к такого рода источникам соответствует методу устной истории, предусматривающему, наряду с изучением архивных документов, анализ информации, полученной в ходе встреч с людьми, чьи рассказы имеют прямое отношение к изучаемым событиям минувших лет.

Несколькими годами ранее, работая в Брюсселе, автор статьи неоднократно встречался с проживавшим в этом городе Л.А. Корниловым-Шапрон дю Лорре – внуком легендарного генерала, который сообщил немало интересных фактов, связанных с Корниловским выступлением. Лавр Алексеевич рассказывал, что располагает убедительными доказательствами того, что Керенский собирался приехать в Ставку с целью возглавить поход на Петроград. Его ждали в Могилёве. Внук Корнилова ссылался на семейные хроники, в соответствии с которыми его мать, дочь Корнилова, крайне огорчилась, узнав о предполагаемом приезде А.Ф. Керенского, поскольку должна была уступить ему в Ставке свою комнату. «Корнилова арестовали за то, – рассказывал его внук, – что он

отдал войскам приказ идти на Петроград, предварительно согласовав его с Керенским» [11, с. 108].

В ночь со 2 на 3 сентября Л.Г. Корнилов и другие арестованные были помещены в гостинице «Метрополь», считавшейся лучшей в Могилёве. Их охраняли верные Корнилову текинцы – отряд воинов добровольческого Текинского конного полка Закаспийской казачьей бригады, отличившегося во время Первой мировой войны. Их присутствие гарантировало безопасность находившихся в гостинице генералов и офицеров. Тем временем в Бердичеве арестовали поддерживавшего Корнилова главнокомандующего Юго-Западным фронтом генерал-лейтенанта А.И. Деникина, его начальника штаба С.Л. Маркова, а также ещё несколько генералов.

Л.Г. Корнилов был крайне популярен в войсках, поэтому Временное правительство не без оснований опасалось, что присутствие бывшего главнокомандующего в Могилёве, где находилась его Ставка, может вызвать нежелательные волнения среди сочувствующих генералу солдат и офицеров. Поэтому Корнилова и ещё нескольких его соратников 11 сентября 1917 г. перевезли на поезде из Могилёва в расположенный примерно в 60 километрах Старый Быхов – городок, затерявшийся среди бескрайних белорусских лесов. Он, как и Могилёв, стоит на Днепре, но ниже по течению. Доставленных разместили в здании женской гимназии в основном по два или три человека в каждой комнате. Отдельные комнаты получили только Л.Г. Корнилов и А.С. Лукомский.

Арестованные, в соответствии с установленным режимом пребывания, значительную часть времени проводили на свежем воздухе, во внутреннем дворе, который примыкал к несохранившемуся костёлу, и в саду. Прогулки по городу или вдоль берега Днепра не разрешались. «День в тюрьме, – писал Деникин, – начинался в 8 час. утра. После чая – прогулка и посещение нас близкими». Все обедали за общим столом, иногда в присутствии Корнилова, который «предпочитал столоваться в своей камере и по несколько дней не выходил на прогулку» [3, с. 86].

Внутреннюю охрану тюрьмы несли текинцы. Их посты установили на обоих этажах дома. Снаружи за арестованными следили солдаты и офицеры Георгиевского батальона.

Содержавшихся в бывшей женской гимназии Деникин называет «быховцами», «узниками», «арестованными». В то же время он пишет, что «создавалось такое впечатление, будто всем было очень неловко играть роль наших “тюремщиков”». Не случайно «быховские узники пользовались полной внутренней автономией в пределах стен тюрьмы» [3, с. 86].

28 сентября к уже находившимся в тюрьме присоединились А.И. Деникин и другие члены т.н. «бердичевской группы». Деникин и Марков поселились в комнате Романовского. И всё же они находились в изоляции. Их не посещали ни политики, ещё недавно восхищавшиеся Корниловым, ни военные. «Из числа политических деятелей, так или иначе причастных к корниловскому движению,

не был никто», – писал А.И. Деникин. Вчерашние единомышленники бывшего главнокомандующего, боясь скомпрометировать себя, не вступали в контакты с корниловцами. Так что предательство продолжилось и после мятежа. Арестованных навещали родственники, получавшие специальные разрешения.

Подробности о происходившем в России быховские сидельцы узнавали из газет, которые покупал в Могилёве Хаджиев – адъютант Корнилова. Хаджиев оставил интересные воспоминания о генерале, которые вышли в 1929 г. в Белграде [10]. Они назывались «Великий Бояр», что в переводе с туркменского означает «Великий Бог». Так текинцы называли обожаемого ими Корнилова. Но в тех же газетах, в особенности в левых, регулярно появлялись как скрытые, так и достаточно откровенные призывы к суровому наказанию содержащихся в быховской тюрьме генералов, офицеров и гражданских лиц.

Чтобы убить время, да и сохранить физическую форму, арестованные занимались гимнастикой, играли в городки, устраивали борцовские схватки. Но эти забавы не могли помешать им всё чаще задумываться как о своей дальнейшей судьбе, так и о будущем России, которое представлялось им весьма тревожным. Ещё свежи были воспоминания о событиях, приведших к их аресту.

«Но тем не менее, полтора месяца пребывания в Быховской тюрьме, близкое общение, совместные переживания, общая опасность и общие надежды оставили после себя живой след и добрую память» [3, с. 86]. Семеро из быховских сидельцев впоследствии погибли, преимущественно на фронтах гражданской войны.

А.И. Деникин сообщает, что именно в Быхове у находившихся там генералов созрел план дальнейших действий: «...в результате работы небольшой комиссии при моём участии появилась утверждённая Корниловым так называемая “корниловская программа”» [3, с. 98].

План, в частности, предусматривал восстановление в России законной власти, продолжение войны с союзниками. В целом программа легла в основу теоретического обоснования формирования Белого движения и его борьбы с советской властью. Вот её положения:

- 1) Установление правительственной власти, совершенно независимой от всяких безответственных организаций, впредь до Учредительного собрания.
- 2) Установление на местах органов власти и суда, независимых от самочинных организаций.
- 3) Война в полном единении с союзниками до заключения скорейшего мира, обеспечивающего достояние и жизненные интересы России.
- 4) Создание боеспособной армии и организованного тыла – без политики, без вмешательства комитетов и комиссаров и с твёрдой дисциплиной.
- 5) Обеспечение жизнедеятельности страны и армии путём упорядочения транспорта и восстановления продуктивности работы фабрик и заводов; упорядочение продовольственного дела привлечением к нему кооперативов и торгового аппарата, регулируемых правительством.

б) Разрешение основных государственных, национальных и социальных вопросов откладывается до Учредительного собрания» [3, с. 98].

Итак, спустя сто лет после ареста Корнилова автор статьи решил побывать в Быхове, надеясь найти свидетельства пребывания там руководителей «Корниловского мятежа». Добирался до города из соседнего районного центра Богачёва. Ехал на автомобиле несколько десятков километров, и на пути встретила лишь одна деревня, со всех сторон окружённая глухими лесами. Вот когда начинаешь понимать, что Беларусь – это страна лесов. Подъехал к селению Новый Быхов. От него совсем недалеко и до Быхова, в старину называвшегося Старым Быховым. Сюда, в глухой городок, 12 сентября 1917 г. и перевели руководителей «мятежа». Автор статьи стремился найти здание бывшей женской гимназии, куда поместили тех, кого впоследствии назвали «быховскими сидельцами».

Решил начать поиск с посещения местного краеведческого музея, разместившегося, как удалось заранее выяснить, в здании бывшей гимназии. В музее удалось встретиться с его директором С.Ф. Жигилином – выпускником исторического факультета Могилёвского университета, сообщившим, что в музее действительно ранее находилась гимназия, но только мужская. А Л.Г. Корнилова и его сподвижников поместили в женскую гимназию, которая располагалась на окраине города, у берега Днепра. Как удалось выяснить из дальнейшей беседы, до того, как стать гимназией, здание служило жильём для монахов католического монастыря, переставшего существовать на рубеже XVIII–XIX вв.

Чтобы придать своему рассказу большую предметность, директор подвёл к макету Старого Быхова. «Вот здесь, – сказал он, – при въезде в город со стороны Днепра по одну сторону дороги стоял замок, – и указал на изготовленные, судя по всему, из папье-маше, крошечные строения средневековой цитадели. – А напротив замка находился монастырь с главной доминантой – костёлом». Остатки замка сохранились. Костёл был разрушен в годы советской власти. Из монастырских построек уцелели только двухэтажные кельи, которые после упразднения обители ещё до революции использовались под гимназию. Делу просвещения это здание стало служить и после окончания Великой Отечественной войны – здесь устроили школу. Но старый дом ветшал, а средства на ремонт, не говоря уже о серьёзной реставрации, не выделялись. Несколько лет он пустовал. Бывшей гимназии угрожала участь костёла, если бы не вмешался районный лесхоз – организация в быховском краю весьма влиятельная, а главное, денежная. Лесхоз спас здание гимназии, сохранив тем самым наглядное свидетельство знаменитого «быховского сидения». Будучи рачительными хозяевами, лесхозники, вложив деньги в реставрацию здания, решили разместиться в нём. Так бывшая женская гимназия в 2013 г. превратилась в правление Быховского лесхоза.

Но память о событиях осени 1917 г. новые хозяева решили сохранить, в чём автору статьи самому пришлось убедиться, когда он оказался возле здания лесхоза. Но прежде чем отправиться туда вместе с директором быховского историко-краеведческого музея, я внимательно осмотрел экспозицию, с особым

интересом ознакомившись со стендом, посвящённом «быховскому сидению». Он привлекает внимание растяжкой с лозунгом «Вся власть Учредительному собранию!». Экспозиция занимает нишу площадью в несколько квадратных метров. Но и для её создания, как рассказал директор музея, потребовались колоссальные усилия. «Мы не располагали ни документами, ни подлинными предметами, имевшими отношение к происходившему в Быхове в сентябре – ноябре 1917 г. Через интернет нашли фотографии, на которых изображен вместе с А.И. Деникиным находившийся в Быхове Л.Г. Корнилов. Ещё можно увидеть фотографии А.С. Лукомского, И.П. Романовского, а также бывшего депутата I-й Государственной думы А.Ф. Аладина, к которому в шутку обращались «сэр», поскольку он носил английскую военную форму и старался быть похожим на англичанина. Есть также групповой снимок 21 арестованного.

Кроме снимков генералов и офицеров, в экспозиции музея представлена копия приказа Временного правительства о подавлении мятежа. Среди музейных предметов привлекают внимание печка-буржуйка начала XX в., столик того же времени, на котором стоит бутылка из-под выпускавшегося в Могилёве пива «Яник», а также изъеденный червями походный деревянный офицерский сундучок. Здесь же копии георгиевских лент и крестов, поскольку музей не располагает средствами для приобретения подлинных наград.

Простившись с гостеприимным директором и сев в машину, автор статьи уже через пять минут, миновав несколько кварталов небольшого, но очень уютного и чистенького Быхова, что, впрочем, характерно для всех больших и малых городов Беларуси, подъехал к жёлтого цвета зданию. На его главном, обращённом в сторону города фасаде, красовались зелёные буквы «Лесхоз». Итак, я оказался у цели, но сначала не решался вплотную приблизиться к ней. В памяти хорошо сохранились напутственные слова директора музея, который предупредил, что мне самому придётся договариваться с начальством лесхоза о возможности осмотреть здание и, в частности, побывать в комнате на втором этаже, которую занимал Л.Г. Корнилов. В нерешительности открыл калитку ограды и подошёл к подъезду, возле которого висела памятная доска со словами: «В этом здании осенью 1917 года властями Временного правительства содержались под стражей "Быховские узники" во главе с генералом Л.Г. Корниловым».

Да, в лесхозе Быхова дорожат историей России и сохраняют память о ней. Открыл наружную дверь и в тамбуре увидел экспозицию с посвящёнными «быховскому сидению» фотографиями – примерно такими же, как в городском музее. Поднялся на второй этаж и, набравшись смелости, вошёл в приемную директора лесхоза. Вручив находившейся там сотруднице визитную карточку, сказал, что я, преподаватель МГИМО, специально приехал в Быхов, чтобы написать статью о пребывании здесь сто лет назад Л.Г. Корнилова и других будущих лидеров Белого движения. «Мы полностью в вашем распоряжении, готовы помочь чем сможем, – услышал в ответ приветливые слова. – А кстати, вот и директор». Вновь представился, рискнув попросить разрешения осмотреть ком-

нату Корнилова. «Нет проблем, – сказал директор, – это же наша общая история. Вас сейчас проводят».

На двери висела табличка: «Планово-экономический отдел». Вошёл в квадратную комнату с четырьмя окнами. Два окна смотрели на сверкавший вдали Днепр, ещё два – на мрачные развалины замка. Вспомнились свидетельства очевидцев о том, что из окон этого дома можно было увидеть гулявших в саду гимназисток. Теперь их нет. А на месте сада, где они отдыхали, разбит сквер с изящным фонтаном белого цвета.

События октября 1917 г., в результате которых к власти пришли большевики, в корне изменили положение «быховских узников». Прежде всего, утратило юридическую силу главное обвинение в мятеже против правительства А.Ф. Керенского, которое оказалось свергнутым. «В связи с падением Временного правительства, – писал А.И. Деникин, юридическое положение Быховцев становилось совершенно неопределённым...» [3, с. 142].

Корнилов не спешил покидать Быхов. Генерал не без основания опасался, что его отъезд может быть воспринят как бегство, что крайне отрицательно скажется на настроениях в войсках и повлечёт за собой дальнейшие неудачи на фронтах. Для Л.Г. Корнилова, который ещё недавно был Верховным главнокомандующим, это было недопустимо. К тому же Быхов находился совсем близко от ставки в Могилёве. Корнилов мог за считанные часы оказаться там и вновь возглавить войска, среди которых он по-прежнему пользовался популярностью.

Тем временем, 1 ноября после бегства А.Ф. Керенского из Петрограда Верховным главнокомандующим стал генерал Н.Н. Духонин, до этого занимавший пост начальника штаба Ставки. Но Духонин медлил с принятием кардинальных действий. Он так и не решился выступить против новой власти, формально оставаясь в подчинении большевистского правительства.

Л.Г. Корнилов через своего уже упоминавшегося адъютанта Хаджиева поддерживал регулярные контакты с Могилёвом. Чуть ли не каждый день Хаджиев утром отправлялся в Могилёв для выполнения поручений своего начальника, а вечером возвращался обратно.

С наступлением октября количество арестованных в Быхове стало резко сокращаться. К началу ноября в городе оставались пять генералов: Л.Г. Корнилов, А.И. Деникин, А.С. Лукомский, И.П. Романовский и С.Л. Марков [9, с. 266]. Они могли выехать из Быхова только с разрешения Духонина, а тот не решался освободить их, так как опасался обвинений в предательстве.

Их судьбы сложились по-разному. Лавр Георгиевич Корнилов, став главнокомандующим белогвардейских войск, погиб при штурме Екатеринодара 31 августа 1918 г. в возрасте 48 лет.

Антон Иванович Деникин после гибели Корнилова возглавил Белое движение на юге России. В апреле 1920 г. он передал командование генералу П.Н. Врангелю, а сам, навсегда оставив Россию, отправился в Англию, а затем переехал в

Бельгию, где начал писать свой труд «Очерки русской смуты». Вторая мировая война застала его во Франции, где он категорически отказался сотрудничать с фашистами. Умер в США в 1947 г. В 2005 г. его прах был перезахоронен на Донском кладбище в Москве.

Генерал-лейтенант Александр Сергеевич Лукомский, в июне–августе 1917 г. начальник штаба Верховного главнокомандующего, после Быхова оказался в Новочеркасске, где принял участие в формировании Добровольческой армии. С июля 1919 по январь 1920 гг. возглавлял правительство Юга России – Особое совещание. В марте 1920 г. навсегда покинул Россию. Умер в 1939 г. в Париже.

Генерал-лейтенант Сергей Леонидович Марков, занимавший должность начальника штаба Юго-Западного фронта, покинув Быхов, отправился на Дон. С июня 1918 г. командовал 1-й пехотной дивизией. 12 июня того же года он пал в бою.

Иван Павлович Романовский считался в Ставке первым помощником Л.Г. Корнилова и из всех генералов пользовался, пожалуй, наибольшим доверием главнокомандующего. Он был одним из руководителей Белого движения на юге России. 5 апреля 1920 г. его убил во время церковной службы в русской посольской церкви в Стамбуле один из белогвардейских офицеров. Он мстил генералу за сдачу Новороссийска, в результате которой в плену у красных оказались более 10 тыс. белогвардейских офицеров.

Первоначально Л.Г. Корнилов точно не знал, куда направить свой путь из Быхова – в Сибирь или Туркестан, а, может быть, в Персию. Но после того как стало известно о появлении на Дону многочисленных противников советской власти, среди которых стали формироваться вооружённые отряды, его выбор пал на южные степи. Решимость отправиться туда дополнительно окрепла после того, как в ноябре 1917 г. в Новочеркасск прибыл генерал М.В. Алексеев. Корнилов решил отправиться туда во главе охранявших его текинцев, которые были особенно преданны ему.

Решили уходить на Дон, ибо «вера в казачество была сильна по-прежнему» [3, с. 101]. К тому же находившиеся в Быхове генералы и офицеры поддерживали постоянные контакты с Советом казачьих войск, который заверял, что Дон выступит на стороне корниловцев. Но, как писал А.И. Деникин, тот же Совет казачьих войск, равно «как и вся казачья старшина», не чувствовали, что «оторваны от казачьей массы и давно уже не держат в своих руках её реальной силы – войска...» [3].

С самых первых дней после захвата власти большевиками Корнилов выступил в качестве её решительного противника. Уже 1 ноября он направил генералу Духонину письмо, в котором предупреждал о серьёзных последствиях возможного захвата Ставки большевиками. Он предлагал превратить её в центр сопротивления новой власти, переведя в район Могилёва верные Ставке войска [9, с. 264].

Наконец, Корнилов решил оставить Быхов и во главе преданного ему Те-

кинского полка отправиться на Дон. Генерал доверял текинцам, ведь он долгое время служил в Туркестане и прекрасно говорил по-туркестански. Текинцы же плохо изъяснялись и понимали по-русски и, как считал Корнилов, не подвергались воздействию красной агитации.

Деникин в разговоре с Корниловым просил его повременить, всё ещё надеясь, что Ставку в Могилёве удастся превратить в центр сопротивления новой власти.

Вот как описывает А.И. Деникин встречу с Л.Г. Корниловым в «Очерках русской смуты»: «Я пошёл к Верховному.

– Лавр Георгиевич! Вы знаете наш взгляд, что без крайней необходимости нам уходить отсюда нельзя. Вы решили иначе. Ваше приказание мы исполним беспрекословно, но просим предупредить по крайней мере дня за два.

– Хорошо, Антон Иванович, повременим» [3, с. 143].

Надеждам Деникина не суждено было сбыться. Находившиеся в Могилёве войска не скрывали своих симпатий к большевистской власти. Даже верные Корнилову текинцы отказались защищать Ставку. За несколько часов до своей гибели Духонин всё же отдал распоряжение, разрешавшее всем арестованным покинуть Быхов. Это распоряжение стало одной, если не главной, причиной зверской расправы с главнокомандующим.

Спустя несколько часов, переодевшись и частично изменив внешность, А.И. Деникин, А.С. Лукомский, С.Л. Марков и И.П. Романовский покинули город. Марков и Романовский отправились в Киев. Лукомский решил выбираться из Быхова через Могилёв, Оршу и Смоленск, а Деникин выехал из города с документами помощника начальника перевязочного отряда Польской дивизии Александра Домбровского.

Покинув Быхов ночью 20 ноября во главе 400 всадников Текинского полка, Корнилов переправился по мосту через Днепр и поспешил на юго-восток. «В полночь караул был выстроен, вышел генерал, простился с солдатами, поблагодарил своих "тюремщиков" за исправное несение службы, выдал в награду 2 тыс. рублей. Они ответили пожеланием счастливого пути и провожали его криками "ура!"» [3, с. 151]. Так что отъезд генералов не вызвал никаких протестов и возражений среди охранявших их солдат и офицеров.

Л.Г. Корнилову пришлось расстаться с текинцами в городе Погаре, расположенном на территории нынешней Брянской области. Дальнейшее продвижение крупной военной группы, преследуемой красными войсками и вызывавшей вражду у местного населения, становилось опасным и бессмысленным. Поэтому 1 декабря 1917 г. Корнилов с документами на имя беженца из Румынии Лариона Иванова в одежде киргиза в сопровождении трёх всадников выехал из Погара и уже 6 декабря оказался в Новочеркасске.

В дальнейшем Текинский полк был распущен. Лишь «десяток офицеров и взвод всадников с января сражались в рядах Добровольческой армии» [3, с. 155]. Семеро из них составили личный конвой Корнилова. Так что мечтам генерала вступить в

Новочеркасск на лихом коне во главе верного ему полка не суждено было сбыться. Даже любимая лошадь Фатима, на которой Корнилов гарцевал, ещё будучи главнокомандующим, была убита во время столь неудачно завершившегося в Погаре похода. Но впереди генерала ждал прославивший его «ледяной поход».

Список литературы

1. Брусилов А.А. Мои воспоминания. М.: Воениздат, 1983. 256 с.
2. Гиппиус З. Петербургские дневники. 1914-1919. М.: Саксесс, 1991. 320 с.
3. Деникин А.И. Очерки русской смуты. В 5 тт., т.2. М.: Наука, 1991, 377 с.
4. Игнатъев А.А. 50 лет в строю. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1948. 728 с.
5. Иоффе Г.З. Семнадцатый год: Ленин, Керенский, Корнилов. М.: Наука, 1995. 238 с.
6. Катков Г.М. Дело Корнилова. М.: Русский путь, 2002. 240 с.
7. Ленин В.И. Полн. Собр. Соч. В 55 тт. Т. 34. М.: Издательство политической литературы, 1977. 586 с.
8. Мокрова М.В. Устная история науки: от историографических традиций к комплексному источниковедению. // Диссертация на соискание ученой степени кандидата истор. наук : 07.00.09 Москва, 2004 253 с. РГБ ОД, 61:04-7/1149.
9. Ушаков А.И. Федюк В.П. Корнилов. М.: Молодая гвардия, 2012. 399 с.
10. Хаджиев Р.Б. Великий Бояр. Белград, 1929. 150 с.
11. Шевцов Н.В. «От вашего собственного корреспондента». М.: Издатель А.С. Акчурин, 2002. 480 с.

Об авторе:

Никита Всеволодович Шевцов – к.и.н., профессор, заведующий кафедрой международной журналистики факультета Международной журналистики МГИМО МИД России. РФ, Москва 119454 пр. Вернадского, 76. E-mail: n_shevtsov@mail.ru.

“BYKHOV PERIOD” OF RUSSIAN GENERAL KORNILOV

N.V. Shevtsov
DOI 10.24833/2071-8160-2017-6-57-75-86

Moscow State Institute of International Relations (university) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

The end of August 1917 was marked by a dramatic event, which influenced a lot the future of the Russian state. It is the case of the so-called «Kornilov revolt» – undertaken by the Supreme Commander-in-Chief General L.G. Kornilov, who attempted to send troops to Petrograd in order to establish military order in the capital. Kornilov's action was unsuccessful. Together with his closest associate she was arrested and sent to a small Belarusian town of Old Bykhov, located near Mogilev, where the headquarters was located. The generals L.G. Kornilov, A.I. Denikin, A.S. Lukomsky, S.L. Markov and other prominent figures of the White movement were soon placed in a converted women's gymnasium in a prison. There they were about a month and a half, and then, shortly after the October events of 1918, they left it going to the Don. “The Kornilov revolt” has been devoted to a lot of books and scientific

articles, but very few have been written about the stay of military commanders were held in the prison of the Belarusian town. More details about him were written, perhaps, only by A.I. Denikin in the work «Essays of the Russian Troubles». The absence of numerous sources about the «Bykhov period» of Kornilov and his associates can be explained by three reasons. First, Kornilov and his associates were in isolation in Bykhov and could not communicate with their recent political military environment. Journalists also did not have access to them, so articles in the newspapers about what happened to the Bykhovites appeared quite infrequently. Secondly, Kornilov's stay in Bykhov turned out to be extremely short. Finally, those who could leave interesting memories, for example, the same Kornilov or Markov, died in less than a year on the fronts of the Civil War.

Having decided partly to fill the gap in the historiography of the "Bykhov period", the author visited the town of Bykhov, which is now located in the Mogilev region in Belarus, and tried to find evidence of the presence of participants in Kornilov's actions in August 1918. He visited the building of the former women's gymnasium, which now houses the Bykhov forestry. Then he saw the room in which Kornilov lived. Its layout has not changed much. In the same building, the forestry staff created a small museum exposition. Near the main entrance there is a memorial plaque informing about the stay of Kornilov in Bykhov. During the preparation of the article, author also held some conversations with the director of the historical museum of this city, as well as with L.A. Kornilov - Chapron du Lorre – grandson of the famous general, who lives now in Brussel. He told a lot of interesting things about the events which happened in late August 1917.

Key words: Kornilov revolt, GHQ, Supreme Commander-in-Chief, Old Bykhov, A.F. Kerensky, the Dnieper, the White movement, A.I. Denikin, Mogilev, Oral History.

References

1. Brusilov A.A. *Moi vospominaniia*. [My memories]. Moscow: Voenizdat, 1983. 256 p. (In Russian).
2. Gipps Z. *Peterburgskie dnevniki. 1914-1919*. [Saint-Petersburg diaries. 1914-1919]. Moscow: Saksess, 1991. 320 p. (In Russian).
3. Denikin A.I. *Ocherki russkoi smuty. In 5 vol. Vol.2*. [Essays of Russian distemper: in 5 vols. Vol. 2]. Moscow: Nauka, 1991, 377 p. (In Russian).
4. Ignat'ev A.A. *50 let v stroiu*. [50 years in the ranks]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury, 1948. 728 p. (In Russian).
5. Ioffe G.Z. *Semnadsatyi god: Lenin, Kerenskii, Kornilov*. [1917 year: Lenin, Kerenskij, Kornilov]. Moscow: Nauka, 1995. 238 p. (In Russian).
6. Katkov G.M. *Delo Kornilova*. [Kornilov's affair]. Moscow: Russkii put', 2002. 240 p. (In Russian).
7. Lenin V.I. *Poln. Sobr. Soch. In 55 vol. Vol. 34*. [Complete works: in 55 vols. Vol. 34]. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1977. 586 p. (In Russian).
8. Mokrova M. V. *Ustnaia istoriia nauki: ot istoriograficheskikh traditsii k kompleksnomu istochnikovedeniiu* [Oral History of science: from the historiographical traditions to complex source study. PhD dissertation]. Moscow, 2004 253 p. RG-BOD, 61:04-7/1149 (In Russian).
9. Ushakov A.I. Fedjuk V.P. *Kornilov* [Kornilov]. Moscow: Molodaia gvardiia, 2012. 399 p. (In Russian).
10. Hadzhiev R.B. *Velikii Boiar* [Great Boyar]. Belgrad, 1929. 150 p. (In Russian).
11. Shevcov N.V. «*Ot vashego sobstvennogo korrespondenta*». [“From your own correspondent”]. Moscow: Izdatel' A.S. Akchurin, 2002. 480 p. (In Russian).

About the author:

Nikita V. Shevtsov – Head of the Department of international Journalism, PhD in Historical Science, Professor, MGIMO-University. Russian Federation, 119454 Moscow Vernadskogo pr. 76. E-mail: n_shevtsov@mail.ru.

ДЕКОЛОНИЗАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ГРАНИЦЫ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Н.Т. Нурулла-Ходжаева

Институт востоковедения РАН

Дискурс о «границе» и деколонизации в Центральной Азии – это скорее своего рода исследовательский стартап. В предлагаемой статье «граница» представлена как феномен, который формирует и моделирует отношение к собственной истории и культуре народа, к которому человек принадлежит, и соответственно, он же влияет на отношения близких и далёких соседей. Такое циркулярное понимание нормализуется национальным государством, которое не терпит отсутствия идентичности. Соответственно история «национального» выражается через колониальное противопоставление «своих» и тех, кто за «границей». Ориенталистская основа границ в Центральной Азии неочевидна, так как граница не просто скрывает или отрицает свою искусственность, она натурализуется. Это происходит из-за её «Вестфальской» основы, которая представляет государствостроительство естественным процессом. И суверенитет, в который верят все жители республик, не может быть представлен как добровольное применение универсально декларируемого права на самоопределение.

Все пять членов центральноазиатского «клуба» образцовым образом «маршируют» и убеждают друг друга и окружающих, что абстрактная универсальная форма международных отношений никоим образом не делает их общий «загар» европоцентристским. Тогда как центральноазиатская причастность к так называемым «национальным» культурам сложно соединяется с его разнообразием языков, традиций, стилей. Это ведёт не к чувству «многонациональности», а скорее к «многолокальности» (или иначе – «много-общинности») внутри Душанбе, Самарканда, Ташкента, Бухары. Большинство таких общин отличаются национальным разнообразием, что естественно. Такой «ритм» продолжает делать регион более открытым друг другу внутри и к миру, преобразовывать его в «поле», расположенное по ту сторону добра и зла, правильного и неправильного, где происходит встреча разнообразия.

Ключевые слова: Центральная Азия, колониализм, Россия, ислам, Европа, Вестфаль, деколонизация, Бухара, джаиды, ориентализм.

УДК 325.86

Поступила в редакцию 01.09.2017 г.

Принята к публикации 10.12.2017 г.

Все начинается с «диалога»

Для постановки проблемы презумпции «границ» и большей уверенности в таком начинании предлагаю вообразить диалог между двумя неожиданными собеседниками:

- Хафиз Ширази (1326-1390): «Дам тюрчанке из Шираза Самарканд, а если надо – Бухару! А в благодарность жажду родинки и взгляда...» [12, с. 56].
- Георг Вильгельм Фридрих Гегель (1770-1831): «Цивилизованные нации рассматривают другие народы, отстающие от них в субстанциальных моментах государства (скотоводческие народы — охотничьи; земледельческие народы — те и другие), как варваров и неравноправных им, а самостоятельность этих народов — как нечто формальное и соответственно относятся к ним» [2, с. 372].

Наши собеседники, конечно, не имели в виду предлагаемую в данной статье тему. Однако этот гипотетический диалог позволяет создать доказательную базу основному тезису. При этом, важно учесть, что диалог не подразумевает упрощение и оглушение собеседников. Данный гипотетический диалог требует времени для своего развития: время передачи должно сменяться временем приёма. Эта диалоговая дискретность развития культуры, отмеченная Ю. Лотманом, по его мнению, «имеет характер универсальной закономерности. Именно благодаря ей непрерывные, с имманентной точки зрения, процессы развития с общекультурной позиции выступают как дискретные» [5, с. 19]. Дискретность в диалоге между Хафизом и Гегелем очень заметна, и это понятно – в нём нет традиционного для диалога ритма обмена. «Процесс культурного воздействия Востока на Запад и Запада на Восток, – объясняет Ю. Лотман, – связан с несинхронностью синусоид их имманентного развития и для внешнего наблюдателя представляется дискретной сменой разнонаправленных активностей» [5, с. 19]. В этой несинхронности и разнонаправленности кроется «интрига дня»: когда вы читаете Хафиза, то логично наслаждаетесь триумфом, описывающим любовь, и возможно восторгаетесь его суфийской предысторией. Но стихи имеют и немного другую интерпретацию: на языке оригинала (на персидском-таджикском) в них ярче, чем в переводе, прослеживается особое космополитическое наложение: турчанка, и Шираз (ныне Иран), это Самарканд и Бухара (ныне Узбекистан), там есть ещё и «индийская» нотка (переводчик её не смог «вместить»; хотя надо признаться, что переводить суфийскую поэзию непросто; в таких стихах заключается «парадокс вуали», т.е. стихи как «вуали, которые никогда не будут подняты») [17, с. 197].

Такое представление о мире резко контрастирует с современной постмодернистской обустроенностью, основанной на бесчисленных барьерах, границах, санкциях, визах: от политических, экономических до эстетических, расовых, национальных. В гегелианской традиции «нация» может различать себя лишь в процессе оппозиции к «другому». В такой структуре нет третьего звена и нет «посредника» между двумя сторонами (и нет диалога); и первая сторона по-

лучает логический приоритет и положительный имидж, а другая, отличается тем, что к нему «соответственно относятся», так как не имеет положительных атрибутов первой; тем самым вторая сторона начинает отрицать саму себя. Предполагаю, что, сам того не ведая, Гегель подвёл к прекращению «хафизовских» «обменов», и его картезианская убежденность заставляет нас забыть об основной философской добродетели: любить истину больше, чем деление на своих и других.

С подачи поэта я предлагаю несинхронно и разнонаправленно задуматься о «границах», представив себе мир Хафиза, чуждого каким-либо «герметично-эссенциалистским сепаратизмам, будь то класс, нация» [18, с. 5-6] или государство. При этом я постараюсь по возможности не гиперболизировать дискурс колониализма. В этом размышлении мне будут помогать поэты и философы древнего Хорасана, а также современные исследователи деколониализма, в том числе Франц Фанон, Валтер Миньоло и др.

Статья, таким образом, становится примером «восточного» инакомыслия. По всем её разделам разбросаны следующие вопросы: насколько верно перенимать опыт Запада с его «другим», и создавать из Запада «другого» для себя (для Центральной Азии, России)? Как «границе», как социокультурному действию, удаётся формировать моё отношение к собственной истории, к культуре народа, к которому я принадлежу; и далее, как она «проектирует» меня для близких и далёких соседей? Зачем современному государству важна определённая фиксированная географическая граница и идентичность, так же, как и фиксированная оппозиция: внешняя/внутренняя? Какова роль религии в этом процессе, и задействована ли она вообще на современном этапе государствовоительства? Я предполагаю, что во всех этих вопросах замешана Вестфальская модель мира, зародившаяся в Европе в 1648 г. и внёсшая значимый вклад в инициирование процесса современного государствовоительства, а также повлиявшая на возникновение колониального «снобизма» у стран Запада.

Сложность Центральной Азии, её культуры, языков, обычаев, напоминающую переплетения в мозаике самаркандского Регистана, можно, конечно, упростить до уровня определений, границ, национальных ограничений. Такой план был успешно реализован, и на этой платформе был выдвинут феномен, который мы представляем, как современный «таджик», «узбек» и т.д. Но последствия такой реализации не заставили себя ждать: упрощённая «национализация» снизила многоцветие культуры, о которой слагали легенды.

Миньоловская схема

Вальтер Миньоло – один из тех, кто поддержал и развил концепцию «пограничного мышления» [26], или «эпистемологию внешности» [26]. Например, немало перефразируя, могу представить себя по «Миньоловской схеме»: выросла в самаркандской семье в Душанбе (не в Узбекистане, а в соседнем к Самарканду

Таджикистане), таджичка за пределами своего национального государства (например, в Самарканде), одна «из понаехавших» в Москве, временами азиатка, иногда русская в Европе и в Штатах (приехавшая либо из России, либо из менее известной страны, которая граничит с Афганистаном). В большинстве случаев (за редким исключением), диалог с незнакомыми начинался так: «Вы откуда?» В зависимости от ответа, выстраивается и отношение ко мне. Читая Миньоло, я начинаю понимать, что система (эпистемологическая монокультура, идущая от Западной культурной традиции) выстроила «границы» для того, чтобы я реагировала на окружающих с предопределёнными убеждениями, так же, как и собеседники вычисляли моё соответствие или непригодность определённым национальным/этническим/расовым нормам. Иными словами, то, как я выгляжу (или откуда я родом), определяет, кто я есть.

Понятно, что в мире я появилась уже после того, как он был «задекорирован» красками линейного мышления, национализмами, расизмом, сексизмом и т.д. Но только здесь, в Москве, размышления о границах создают условия для встречи моей территориальной эпистемологии с моим иммигрантским сознанием. Благодаря этому происходит преодоление территориальной эпистемологии [26]. В советское время с его пролетарским интернационализмом и комсомольскими надеждами такого рода «внутренняя эмиграция» была менее возможна. Ностальгия по советским традициям продолжает притормаживать во многих желание говорить о границах.

Этих «тормозов» не было и не могло быть у Франца Фанона в осознании себя «негром». Колониальная форма расизма – это граница, которая объяснила Фанону, что он негр. «Он знал, что его кожа тёмная, однако он не знал, что он негр» [22]. Такого рода национальные или расовые классификации высвечивают наличие разделительной полосы между теми, кого Миньоло представил как гуманидов (*humanitas*) и антропов (*anthropoi*) [26].

В процессе производства знаний гуманиды создают «другого» (т.е. антропоса), сохраняя провозглашенную Гегелем свободу субъективности, переплетённую с традицией онтологического деления мира на «цивилизованных» и «не-». Этот процесс предусматривает закладку границ, в которых гуманид санкционирует своё превосходство, колонизируя онтологическое пространство того, кого он определил в антропосы (те, которые лишь «поглощают» готовые наборы знаний).

Данное распределение напомнило мне о вопросе, которым задался однажды Ал-Газали (1058-1111 гг.). Он его формулирует в своём итоговом труде «Избавляющий от заблуждения» [1]. В нём философ поведал о кризисе веры, который испытал в молодости. Будучи пылким мусульманином, он догадался, что был бы таким же пылким евреем, или христианином, если родился бы в тех, «параллельных» обществах. Следовательно, его приверженность к исламу не основана на выборе. Это скорее родители, учителя, образование, среда, т.е. контингентные обстоятельства его жизни. Так, благодаря подсказке Ал-Газали, у нас

возникает отличная возможность, репродуцировать этот вопрос на *гуманид* и *антропов*, как оно возникает, и почему часть из нас получает такую метку? Ал-Газали отвечает на этот вопрос, ссылаясь на «ли Ибн-аби-Талиба (последнего из четырёх праведных халифов, правил с 656-661 гг.), сказавшего: «Не познавай истину через людей, но познавай истину саму по себе – ты узнаешь её по борникам» [1, с. 548]. Т.е. человек оставался для него основой истины: сгустком характеристик без географических, культурных границ, чьё мировоззрение выстраивалось скорее как реализм, основанный на идеализме. Применение такого видения сложно понимаемо в современном мире, так как мы привыкли к мысли о раздвоении, которое фиксируют картезианские границы интеллекта и души. Такой процесс заставляет нас втиснуть философию в универсальные структуры знаний, указывая на предварительно высланные пространства истины (усиливая границы этих сфер).

В условиях хаотического разделения и многочисленных сектантских споров внутри и вне ислама конца XI в. в космополитическом центре, каким был Багдад Аббасидов (750-1258 гг.) философ пишет об актуальности знаний как основы религии (без границ в ней и вокруг). Учитывая такое понимание, мыслителю предлагают возглавить выдающееся учебное заведение империи того периода – *Низамию*. И там Ал-Газали говорит, что целью образования является добродетельный человек (на тадж.-перс. *Инсони комил*) (такое платоновское мышление). Именно такой человек в ходе образования приобретает/познаёт свою богоподобную сущность.

Тогда как современное университетское образование нацелено на формирование компетентного человека. И насколько такой компетентный человек, или же иначе я сама, готова, по миньоловской схеме, преодолеть собственную изоляцию, на которую влияет патерналистская миссия Запада с её историзацией абстракций и с её принудительной демократизацией (или же отсталостью). Так мои размышления о границах подводят к зоне *пограничного мышления*, т.е. к признанию не только европоцентристской линейной «истины», а синтезу сразу нескольких потоков, включая локальные, местные истины.

Картезианский «нафс»

Выход из лабиринта оппозиции «*гуманиды* – *антропы*» скорее всего забаррикадирован картезианской эпистемологией: «я мыслю, следовательно, я есть, я существую» («*cogito ergo sum*»). Эту концепцию иногда сравнивают с идеей Ибн Сины (980-1037) «парящего человека». Известный философ Е. Фролова писала, что концепция «парящий человек», демонстрирующая способность разума вырваться из пут тела, близка (не по интенции и по описанию переживания) с декартовским доказательством сути «я мыслю» [11, с. 161]. И всё же близости между этими концепциями не так много. Ибн Сина своим «парящим человеком» вводит модифицированное понимание индивидуальной идентичности,

основанное на многообразии как норме. Такая платформа не допускает иерархии, свойственной картезианству. Дихотомия «тело – сознание», с точки зрения «парящего человека», скорее указывает на их соединение, делающее человека человеком [7, с. 47]. Эту идею Ибн Сина подхватил Ал-Газали. Он отвергал растворение в Боге и «считал, что в своём желании близости с Богом человек не должен терять своего «я»» [11, с. 86]. Человек имеет огромное значение, он уподобляется Богу и даже временами «воображает», что стоит вровень с ним. Такая способность даёт право Ал-Газали отвергать границы (внутри и вне человека) и позволяет поставить вопрос об истинности знаний в вере. Так же как ранее Ибн Сина, и впоследствии Декарт, Ал-Газали обращается к двум когнитивным способностям: к своим чувствам и интеллекту. Он, так же, как и коллеги, отвергает чувства, доказывая, что они искажают наши знания; настаивая на способности разума исправить ошибочность чувств. Ал-Газали говорит о когнитивной способности, которая может идентифицировать ошибки разума. Отсюда философ выводит своё заключение об актуальности знаний и науки в развитии и обосновании религии.

«Злой демон» Декарта, напоминающий «нафс» из хорасанской философии, напротив, подводит человека к мысли о том, что его тело лишь иллюзия. Перед нами не универсальное, а западное основание «я». Нелсон Малдонадо-Торрес полагает, что картезианская концепция ««я» – это западная точка зрения, гегемонистически обобщающая каждого отдельного индивидуума в рамках универсального определения человеческого бытия» [25, с. 241]. Этот путь позволяет Западу маргинализировать религию. Полученный вакуум заполняется властью, которая распространяется на историю, природу, человека, легитимируя тем самым колониальную власть. Вполне оправданно здесь сослаться на тот факт, что картезианский лозунг основан на возникшем 150 лет до него, имперском «ego conq̄uigo»: «я покоряю, следовательно, я есть» [19]. Это подкрепляется исторически: ведь Декарт (1596-1650) размышлял над своей философией в Амстердаме, именно тогда Республика Соединённых провинций Нидерландов (1581-1795 гг.) претендовала на то, чтобы стать в ряд колониальных держав (её первая колония Форт Нассау была учреждена в 1615 г.). Для поддержания своего статуса Республика начинает поощрять выдвижение многочисленных «проектов» по воспитанию «варваров». Один из них представили купеческие гильдии страны: проект Голландской Ост-Индийской компании (1602 г.). На её основе Нидерланды становятся постепенно самой мощной колониальной державой в Юго-Восточной Азии (удерживая этот пьедестал до 1945 г.).

Тем самым, картезианская философия, повлияв на оформление колониальной системы, превращается в «философию нулевой точки» [20], чей эпистемологический безликий субъект имел внутренний монолог лишь с самим собой, она вводит два ключевых направления:

- сохраняется имперский принцип «вещать от себя» и вводит границы, без признания тех, которые были до него и существовали вокруг;

- антиномию картезианства трудно отследить, из-за заложенной в неё объективизации науки и свободы по отношению к природе.

Обе инновации перенимает Гегель, и вероятно поэтому на картезианской основе оформляется его свобода воли, т.е. «созерцание самого себя» [2, с. 85], и критическая саморефлексивность. В то время как в стихах Хафиза отражается предвкушение свободы без фокусирования на себе: «Я преклоняюсь перед тем, кто в этом бренном мире/Свободен от любых оков: ни раб ничей, ни пленный» (пер. Г. Плисецкий).

Поступательно гегелевская свобода отразилась в книге «Номос Земли» Карла Шмитта (1950) [13], где был проанализирован процесс становления первого глобального международного режима, идущего от Вестфальской системы международных отношений и далее. Речь идёт о декларировании *Rex est imperator in regno suo* (лат.) – король остается императором в своём царстве. Таким образом, формировалась *jus publicum* (лат.), т.е. общественное право, которое отразилось на оформлении абстрактного универсального международного права. Исследователь не был ориентирован на то, чтобы брать в расчёт тех, кто за границами Вестфальского пространства, т.е. его не особо интересовал колониальный опыт, и это опять же его право. Однако смысл «Номоса Земли» К. Шмитта становится ещё более понятным, когда читатель допускает идею о том, что речь идёт об обосновании современной логики международного права. Такой подход возможно реализовать лишь через введение механизма исключения «другого», через эпистемологическую колонизацию, узаконив право и распределив тем самым знания так, как нужно *гуманиду*.

Дихотомия «европоцентризм – ориентализм»

Осмысление Вестфальского договора, как способность европейских держав решать проблемы путём договорных установок, или культуры, восходит к дискурсам начала XIX в. Парадокс в том, что такая интерпретация возникает как продолжение имперских амбиций (Наполеона, Александра I и т.д.), которые отразились на кристаллизации европейской исключительности. Логично, что такой подход отражается в Венской системе международных отношений, презентуемой как Европейский концерт (1814-1815 гг.). Такое фокусирование на европоцентризме подводит к разделению нормативного расхождения между европейскими МО и теми системами МО, что за пределами Европы.

И здесь самое время вспомнить Э. Саиду с его «Ориентализмом» [34]. Он говорит о формировании исторической и одновременно взаимозависимой дихотомии: европоцентризм и ориентализм. Она влияет на формирование другой важнейшей особенности того периода: состоялась начальная гомогенизация колониальной системы. Это не означает, что система оформилась как образец единодушия, скорее история разворачивала «текст без автора» [27, с. 3], в котором прослеживается консолидация многоуровневого единства. Таким образом фик-

сируются два основных момента: (1) признание особой внутренней спаянности колониализма, основанный на европоцентризме, и (2) разворот к Декарту, чья философия последовательно настаивает на превращении мира в безучастную к человеку машину. В такой колониальной «машине» (или «тексте») как будто закладывают установку: оккупация земли и реконструкция культурного пространства под себя (т.е. под европейца).

Российская империя в пост-наполеоновское время вывела международные отношения на принципиально новый уровень. Это произошло в контексте реализации двух мирных договоров: Туркманчайского (1828 г.) с Ираном и Адрианопольский (1829 г.) с Турцией. В соответствии с ними царская Россия приобретала не только земли, но, что ещё важнее, она создавала прецедент. В приложении к Туркманчайскому договору, в «Особом акте о торговле» говорилось: «во всех делах и тяжбах, могущих возникнуть на территории Ирана между русскими подданными или между ними и подданными какой-либо другой державы, русские подданные подлежали юрисдикции русских дипломатических представителей» [4, с. 216]. То есть произошла легитимация доминирования неподсудности российских подданных властям другого государства. О том, что такая легитимация необходима для укрепления власти, опытные британцы задумались лишь к середине XIX в. До этого в Индии они работали в рамках Парламентского акта 1774 г., связанного с именем первого генерал-губернатора Уоррена Гастингса (1773-1785 гг.). Этот акт позволял лишь номинальный надзор над Британской Ост-Индийской компанией (т.е. государство не фиксировало правовые/судебные отношения с колониями).

Лишь в 1841 г. Британская империя идёт на такой же шаг в контексте договора с цинским Китаем, и объявлением Гонконга своей колонией. Об этом упоминается в Конвенции Чуэньпи (Convention of Chuenpi, 1841 г.), и ещё подробнее задекларировано капитаном Чарльзом Эллиотом, главным суперинтендентом Гонконга. Он заявляет о «полной безопасности и защите всех британских подданных и иностранцев... и их подчинении власти Её Величества» [24, с. 5]. Позднее, к концу столетия Туркманчайская модель России будет взята на вооружение Бельгией, Германией, Францией.

Однако к середине XIX в. ситуация меняется не в пользу России. Это происходит на фоне чередований внутренней и внешней колонизационной политики России, которые «иногда конкурировали, а иногда неотличимы друг от друга» [14, с. 28-29]. Несмотря на успешность своих модернистских программ на Кавказе, и ещё нагляднее в Центральной Азии, империю как будто накрывает волна страха. Он чувствуется во всех последующих инициативах: в политике «Большой игры» между Россией и Британией, в попытках легализации цивилизаторской миссии Российской империи, в политике по отношению к протекторатам (Бухара и Хива), в спроектированном Туркестанском генерал-губернаторстве. Страх перед возможной «колонизацией» со стороны Запада. Российская история, так же, как и почти вся евразийская, начинает приобретать

субалтерный «налёт», поддаваясь своего рода «самовестернизации» по выражению В.Г. Белинского) [14, с. 29]. Она происходила синхронно вместе с последовательным игнорированием не-западного знания и превращением локальной европейской истории в глобальный нарратив.

Далее проблемы логично наслаиваются и для России, и для Европы. Нарастают волны антиколониальных выступлений по всему Востоку. Появляется плеяда интеллектуалов, защитников ценностей культуры, традиций стран Востока. Среди них крепла вера, что колониализм (вместе с его несправедливыми договорами, завоеваниями...) может быть отброшен благодаря модернизации. Дистанцируясь от бунтарей таких как Ал-Афгани (1838-1897 гг.), царская Россия ориентирует своих подданных на освоение колониального интеллектуального пространства Туркестана. Особенно активными на этом направлении были татарские предприниматели, просветители и т.д. В этом плане поучительна деятельность И. Гаспринского (1851-1914 гг.). С именем этого деятеля связано модернистское реформаторское движение, представляемое как джадидизм.

Центрально-азиатские джади́ды были первыми в регионе, кто попытался найти органический способ синтезировать идеи модернизма с исламскими социально-моральными концепциями (включая идеи, получаемые ими в контексте таких реформационных движений как Ал-Нахд или Танзимат). Им отчасти удаётся соединить ислам с марксистской методологией классового сознания, и через такой революционный «брак», джади́ды заново представляют важнейшую роль исламского просветительства в эпоху социальной апатии. В одной из книг один из учредителей бухарского джадидизма А. Фитрат писал: *«Ло! Аллах не изменит состояния народа до тех пор, пока народ не изменит то, что в его сердце..... Мы похваляемся по семьдесят раз на день что мы мусульмане, и сами же действуем совсем не как мусульмане...»* [23, с. 142].

Опыт Бухарской народной советской республики

Джади́ды доказали способность интеллектуалов не покоряться властям, создав Бухарскую народную советскую республику (БНСР). Вероятно, поэтому они часто напоминали друг другу слова Пророка. На вопрос, какой джихад является лучшим, он ответил: «Слова истины перед правителем-тираном».

Джади́ды не стремились присвоить исламу статус политической идеологии, и превратить религию в надзирателя (как это происходит у радикализирующихся исламистов). Скорее джади́ды хотели сохранить в своём будущем обществе теологический запрос, ориентированный на социальную справедливость. Поэтому они задаются вопросом, если индивидуум имеет неотчуждаемые права, о которых говорят марксисты, можно ли тоже самое говорить о народе? Если община свободна, означает ли это свободу для каждого ее члена? Разумеется, время от времени они увлекались национализмом, но это скорее была «дань»

времени, но даже в таких рамках, они предпочитали сохранять свою интеллектуальную свободу.

БНСР можно назвать первым на Востоке проектом *глокализации* – синтеза локального опыта и глобального колониального знания. БНСР не была скована ни имперским капитализмом, ни советскими стереотипами; однако сама модель самоопределения оставалась в рамках советской системы.

Такой сложный, многогранный подход отражается в конституции республики, где отсутствовало упоминание о диктатуре пролетариата, но говорилось о сохранении частной собственности и права наследования, о судебной системе, основанной на шариате [3, с. 362]. Джадиды отразили универсальное стремление ислама к эмансипации, солидарности, и отказались от определённых классовых/партийных границ и интересов. Но срок был слишком короткий, всего четыре года. И Бухару в 1924 г. лишают статуса центра (превратив её в провинциальный город), а джадидам велено перестать быть реформаторами. Но это уже другая печальная история, в которой нет джадидизма, но есть переплетение большевизма и национализма.

В целом историю джадидизма справедливо исследовать как начало деколонизации региона, учитывая его уникальный вклад, в котором было заложено развивающееся понимание собственных религиозно-культурных и социальных ценностей.

Гегельянское снятие противоречий «Вестфалья» на Центрально-азиатском «поле» Руми

«Вестфальская» история имеет своё продолжение в XXI в., сохраняя тем самым тренд по утаиванию «колониальной матрицы власти» со стороны Западных стран. Нынешний геополитический уклад, основанный на границах, и национальное государство благополучно вживаются в локальный контекст и ищут «оппозицию» между «внутренним» и «внешним». Вопрос заключается в следующем: почему в центрально-азиатском обществе редко задумываются о том, что спонтанно провозглашенная независимость – это реализация того самого прозападного содружества и последующих колониальных отношений?

На такой дихотомии создавались границы, которые формировали республики в ходе принятия европейского опыта, а вне «границ» – все те, кто за пределами «утверждённого» универсального мира. Соответственно суверенитет, в который верят все жители республик, не может быть представлен как добровольное применение универсально декларируемого права на самоопределение. Все пять членов Центрально-азиатского «клуба» образцовым образом «маршируют» и убеждают друг друга, и всех вокруг, что абстрактная универсальная форма международных отношений никоим образом не делает наш общий «загар» европоцентристским.

Одним из недавних доказательств представили мои земляки. В Душанбе (Таджикистане) 5 июля 2017 г. состоялась встреча с автором нашумевшей книги «Утраченное Просвещение. Золотой век в Центральной Азии от арабского завоевания до времен Тамерлана» Фредериком Старром. [29]. На этой встрече читатели в очередной раз продемонстрировали, что нам обязательно необходима ссылка на «Просвещение», чтобы «вообразить» себя частью общей истории.

Принять универсальность такого порядка для меня *архисложно*. На моей стороне *Фанон*, хотя он и не из Самарканда. Он из тех, кто сомневается в универсализме картезианства, считая его эпистемологическим расизмом. При этом, настаивая на своих культурных достижениях, мы, в определённой степени стимулируем условия сохранения колониализма. Фанон подчеркивает, что «колониализм никогда не обосновывал своего права на захваченные им земли отсутствием там культуры. И его не устыдить, разложив перед ним не признанные им культурные сокровища».

Доводы Фанона понятны, но они видятся отчасти как продолжение гегелианства; разница лишь в том, кого определить в привилегированные «цивилизованные нации», а кого отнести к категории «остальных». Возможно ли инициировать не очередной гегемонистский проект, а реальный де-колониальный сдвиг?

Возвращаясь к диалогу Хафиз – Гегель, спросим, почему упоминая Гегеля, мы редко категоризируем его философские или интеллектуальные идеи в соответствии с его религиозной принадлежностью? Откуда возникла конвенция, что Декарт, Гегель работали над универсальными идеями, с которыми сталкивается человек, и что нет необходимости задумываться об их религиозной принадлежности. Когда мы говорим об Ибн Сина и Ал-зали, мы каждый раз обязаны указать на исламские истоки их философии, снижая тем самым уровень универсальности их работ. Возможно ли обратиться к Бухарскому опыту и увидеть его универсальный потенциал в современном свете?

Есть следующие предположения:

- Современность подводит нас к необходимости девестернизации ислама, укрепления его социокультурного статуса, на чём базировалась культура региона, на что рассчитывали бухарские джадиды;
- Центральная Азия, как регион, может представить собственный вариант «открытого регионализма».

Оба направления основаны на допущении, что на протяжении всей своей долгой и многогранной истории Центральной Азии социальная сфера складывалась преимущественно из неформальной коммуникации, основанной на исламских космополитических ценностях с учётом местных социокультурных традиций. И если подобное управление на уровне города – Самарканда или Бухары – было временами успешными, тем не менее, на более высоком уровне – имперском или государственном – оно оставалась менее плодотворным. Сегодня благосостояние народов региона во многом зависит от возможности

осваивать ценности религии и культуры друг у друга и вспомнить, что мы можем видеть человека не как «Другого» (мусульманина, христианина, таджика, узбека), а скорее – как человека. Логично, что центрально-азиатская причастность к так называемым «национальным» культурам сложно соединяется с его разнообразием языков, традиций, стилей. Это ведёт не к чувству «многонациональности», а скорее к «много-локальности» (или иначе «много-общинности») внутри Душанбе, Самарканда, Ташкента, Бухары. Большинство таких общин отличаются национальным разнообразием, что естественно. Такой «ритм» продолжает делать регион более открытым друг другу внутри и к миру, преобразовывать его в «поле», расположенное по ту сторону добра и зла, правильного и неправильного, где происходит встреча разнообразия.

Список литературы

1. Газали, Мухаммад. Избавляющий от заблуждения / М. Газали, Пер. А. В. Сагадеева // Аверроэс. Опровержение опровержения. К.; СПб., 1999. С.528-589.
2. Гегель Г. В. Ф. Философия права. Пер. с нем.: Ред. и сост. Д. А. Керимов и В. С. Нерсисянц; Авт. вступ. ст. и примеч. В. С. Нерсисянц, М.: Мысль, 1990. 524 [2] с., 1 л. портр. (Филос. наследие). С.44-524
3. Иноятлов Х.Ш. Народы Средней Азии в борьбе против интервентов и внутренней контрреволюции. М.: Мысль, 1984. 463 с.
4. История внешней политики России. Первая половина XIX века. М., 1999. 384 с.
5. Лотман Ю.М. Избранные статьи в трех томах. Изд. выходит при содействии Открытого Фонда Эстонии. Т. 1 Статьи по семиотике и топологии культуры. Таллин: «Александра», 1992. 248 с.
6. Наумкин В. Кризис дает уникальный шанс объединения усилий в противопоставлении общим вызовам [Электронный ресурс]. URL: <http://www.intertrends.ru/twenty/007.htm> Том 13, № 1 (40). Январь–март 2015; (дата обращения: 09.11.2017).
7. Нурулла-Ходжаева Н.Т. Девестернизация «Парящего» бухарца (или притча о первом виртуальном эксперименте человечества) // Концепт: философия, религия, культура. 2017. 2 (2). С.43-53
8. Нурулла-Ходжаева Н.Т. Деколониальность исторических знаний и межкультурный «дахлез» в Центральной Азии // Вестник МГИМО-Университета. 2016. № 4(49). С. 16-25.
9. Ориентализм vs. ориенталистика: Сб. статей / отв. ред. и сост. В.О. Бобровников, С.Дж. Мири. М.: ООО «Садра», 2016. 440 с.
10. Тлостанова М.В. Культурное пограничье: пересечение, курсирование, инкорпорация или преодоление // Вопросы социальной теории. 2011. Т.5. С.119-125.
11. Фролова Е.А. Арабская философия: Прошлое и настоящее М.: Языки славянских культур, 2010. 464 с.
12. Хафиз Ш. Избранные газели. Душанбе: Ирфон. 1993. 384 с.
13. Шмитт К. Номос Земли. СПб.: Владимир Даль, 2008. 670 с.
14. Эткинд А. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. М.: Новое литературное обозрение, 2013. 448 с.
15. Ходизода Р. Махмудхучаи Бехбуди: Таърихи зиндаги ва такдири таърихи у // Гули мурод. 1997-1998. №10-12(4). С.35-49.
16. Hegel G.W.F. Grundlinien der Philosophie des Rechts [Электронный ресурс]. URL: <http://www.zeno.org/Philosophie/M/Hegel,+Georg+Wilhelm+Friedrich/Grundlinien+der+Philosophie+des+Rechts/Dritter+Teil.+Die+Sittlichkeit/Dritter+Abschnitt.+Der+Staat/C.+Die+Weltgeschichte> (дата обращения: 21.05.2017).
17. Chittick C. W. Sufism: A Beginner's Guide. One world publications, 2007. 248 p.
18. Ciccariello–Maher G. Decolonizing Dialectics. Duke University Press, 2017 256 p.
19. Dussel E. Anti–Cartesian Meditations: on the origin of the philosophical Anti–discourse of modernity [Электронный ресурс]. URL:<http://www.enriquedussel.com/txt/Art%C3%ADculos/2007-2.pdf> (дата обра-

- ния: 11.07.2017).
20. Grosfoguel R. Decolonizing Western Universalisms: Decolonial Pluri-versalism from Aimé Césaire to the Zapatistas // *Transmodernity*. 2012. № 1(3). P. 88-104.
  21. Grovogui S. Sovereigns, Quasi Sovereigns, and Africans: Race and Self-Determination in International Law. University of Minnesota Press, 1996. 296 p.
  22. Fanon F. *The Wretched of the Earth*. NBY: Grove Press. 1963. 251 p.
  23. Khan S. Abdal Rauf Fitrat // *Religion, State & Society*. 1996. Vol. 24. №. 2/3. P. 139-157.
  24. Norton-Kyshe, J.W. *The History of Laws and Courts of Hong Kong from the Earliest Period to 1898*. Honk Kong, Vetch and Lee Limited, 1971.
  25. Maldonado-Torres N. On the coloniality of being. Contributions to the development of a concept // *Cultural Studies*. 2007. Vol. 21, № 2-3. P. 240-270.
  26. Mignolo W. Geopolitics of sensing and knowing: on (de)coloniality, border thinking and epistemic disobedience // *Postcolonial Studies*. 2011. Vol. 14, № 3. P. 273-283.
  27. Said E. *Orientalism*. London: Penduin, 1978. 340 p.
  28. Singha R. Front lines and status lines: Sepoy and «Menial» in the Great War, 1916-1920' // Liebau et al. *The World in World Wars: Experiences, Perceptions and Perspectives from Africa and Asia*, Leiden: Brill, 2010. P. 55-106.
  29. Starr F. *Lost Enlightenment: Central Asia's Golden Age from the Arab Conquest to Tamerlane*. Princeton University Press, 2013. 634 p.
  30. Trotter D. Colonial Subjects // *Critical Quarterly*. 1990. Vol. 32. № 3. P. 3-20.

Об авторе:

Наргис Талатовна Нурулла-Ходжаева – д.ф.н., старший научный сотрудник Центра изучения Центральной Азии, Кавказа и Урало-Поволжья Института востоковедения РАН. 107031, Москва, ул. Рождественка, д. 12. E-mail: Nargis.nurulla@gmail.com.

DE-COLONIZING POLITICAL BOUNDARIES IN CENTRAL ASIA

Dr. Nargis T. Nurulla-Khodzhaeva
DOI 10.24833/2071-8160-2017-6-57-87-101

Oriental Studies Institute of Russian Academy of Sciences

The discourse of “borders” and decolonisation in the context of Central Asia has been a path unexplored until this moment, therefore a “startup” approach is logical. This “border” is a phenomenon that continuously shapes and transforms itself, therefore giving new light to the understanding of history and culture of Central Asia. This guiding principle influences the relationships that are built between close and distant neighbors on the planet. The other side opposite of this the notion is that of a modern state, that does not tolerate the lack of an identity; it requires one to cement a belonging to a certain geographical unit. The history of “modern and national” is articulated through the juxtaposition of “I” and “Other” (“outside of the border”). The interconnections of borders, states in Central Asia, and their orientalist platform do not lend themselves to an easy solution. The border does not hide or deny its artificiality, it has become ingrained as the norm. The innocent process of modern state-building is ensued by its «Westphalian» foundation. Naturally such interpretation of modern state raises more questions than answers. These questions are related to the uncertainty of the past of Central Asia, as well as the it’s bordering lands. The most fascinating characteristic of such uncertainty, is that it displays multi-locality (or otherwise, multi-community) rather than “multi-nationality. Inside Dushanbe, Samarkand, Tashkent, and Bukhara most

of these communities are distinguished by their national diversity, which is a given. This “rhythm” continues to make the region more open not just to each other internally, but also globally. Therefore, in this context the remaining colonial heritage should be treated differently, without constant references to “borders”, without attempts to reproduce the sense of subordination of former colonization. In this regard, the proximity (geographical, cultural, “Soviet”) to Russia should help with understanding its own Eurasian of interconnectedness. A real equilateral dialogue, with the incorporation of the accumulated common academic heritage. i.e. sovereignty (in which all the inhabitants of the republics are believed) cannot be represented as a voluntary application of the universally declared right to self-determination. All five members of the Central Asian “club” march and convince each other, that the abstract universal form of international relations in no way makes our common «stan» Eurocentric. While Central Asian involvement in so-called “national” cultures is difficult to materialize with its variety of languages, traditions, styles. Hence the difficulty of a sense of «multinationality».

This should rather be treated and seen “multi-locality” (or otherwise “multi-community”) in Dushanbe, Samarkand, Tashkent, Bukhara. National diversity of these communities are naturally inherent. This “rhythm” continues to make the region more open to each other and to the world, transforming it into a “field” located on beyond good, evil, right or wrong. The region is where the diversity meets.

Key words: Central Asia, colonialism, Russia, Westphalia, decolonialism, Islam, Bukhara, Jadids, orientalism.

References

1. Gazali, Muhammad. *Izbavlyayushii ot zabljudeniya* [The Deliverance from Error]. St.-Petersburg, 1999. Pp.528-589 (In Russian).
2. Hegel G. *Philosophy prava* [Elements of the Philosophy of Right]. Moscow: Thought, 1990. P. 44-524. (In Russian).
3. Inoyatov H. Sh. *Narodu Srednej Azii v borbe protiv interventov I bnutrennej kontrrevolutsii* [People of Central Asia in a struggle against of invaders and internal anti-revolution]. Mosow: Thought, 1984. 463 p. (In Russian).
4. *Istoriya vneshnej politiki Rossii*. [History of Russian Foreign politics. The first half of XIX cent.]. Moscow, 1999. 384 p. (In Russian).
5. Lotman U.M. *Izbrannue stat-I v trex tomax* [Selected articles in three volumes. Edited with support of Estonian Open Foundation]. Vol. 1 Tallin: Aleksandra, 1992. 248 p. (In Russian).
6. Naumkin V. *Krizis daet unikal-nyj shans ob`edineniq usilij v protivopostavlenii ob`im vyzovam* [The crisis gives a unique chance of combining efforts to oppose common challenges]. *Mezdunarodnie processy*. January–March 2015, vol. 13, no.1. (In Russian).
7. Nurulla-Khodzhaeva N.T. *Devesternizaciya «Par`shego» buharca* [De-westernization of the «Flying» Bukhahi]. *Concept: Philosophy, religion, culture*. 2017, vol. 2, no.2, pp.43-53. (In Russian).
8. Nurulla-Khodzhaeva N.T. *Decolonialnost- istprichekih znaniy I mejkul-turnyj «dahlez» v Centralnoj Azii* [Decoloniality of histprical knowledge and intercultural «dahlez» in Central Asia]. *MGIMO Review of International Relations*. 2016, no. 4 (49), pp. 16-25. (In Russian).
9. Bobrovnikov V., Miri S.J. (eds.) *Orientalism vs.orientalistika*. Moscow: OOO Sadra, 2016. 440 p. (In Russian).
10. Tlostanova M.V. *Kulturnoe poganiche: peresechenie, kursirovanie, inkorporaciq ili preodolenie* [Cultural border: crosscutting, incorporation and overcoming] *Social theory Journal*. 2011, vol. 5, pp.119-125. (In Russian).
11. Frolova E. *Arabic Philosophy: History and current time* [Arabskaia filosofia: Proshloe i nastoiashchee]. Moscow: Litres, Publ. 2017. 464 p.

12. Khafiz Sh. *Izbrannyye gazeli* [Selected poems]. Dushanbe: Irfon, 1993. 384 p. (In Russian).
13. Schmitt C. *The Nomos of the Earth*. St. Petersburg: Dal Publ., 2008. 670 p. (In Russian).
14. Etkind A. *Vnutrennyaya colonizatsiya* [Internal colonization]. Imperial experience of Russia. Moscow: New observation Publ. 2013. 448 p. (In Russian).
15. Hodzoda R. Mahmudhujai Behbudi: Ta'rihi zindagi va takdiri ta'rihi u [Mahmudhujai Behbudi: his life, and his historical destiny]. *Guli Murod*. 1997-1998, no. 10-12 (4), pp.35-49. (In Tajik).
16. Hegel G.W.F. *Grundlinien der Philosophie des Rechts*. URL: <http://www.zeno.org/Philosophie/M/Hegel,+Georg+Wilhelm+Friedrich/Grundlinien+der+Philosophie+des+Rechts/Dritter+Teil.+Die+Sittlichkeit/Dritter+Abschnitt.+Der+Staat/C.+Die+Weltgeschichte> (accessed: 21.05.2017).
17. Chittick C. W. *Sufism: A Beginner's Guide*. One world publications, 2007. 248 p.
18. Ciccariello-Maher G. *Decolonizing Dialectics*. Duke University Press, 2017 256 p.
19. Dussel E. *Anti-Cartesian Meditations: on the origin of the philosophical Anti-discourse of modernity*. URL:<http://www.enriquedussel.com/txt/Art%C3%ADculos/2007-2.pdf> (accessed: 11.07.2017).
20. Grosfoguel R. Decolonizing Western Universalisms: Decolonial Pluri-versalism from Aimé Césaire to the Zapatistas. *Transmodernity*. 2012. № 1(3). P. 88-104.
21. Grovogui S. *Sovereigns, Quasi Sovereigns, and Africans: Race and Self-Determination in International Law*. University of Minnesota Press, 1996. 296 p.
22. Fanon F. *The Wretched of the Earth*. NBY: Grove Press. 1963. 251 p.
23. Khan S. Abdal Rauf Fitrat. Religion, State & Society. 1996, vol. 24, no. 2/3, pp. 139-157.
24. Norton-Kyshe, J.W. *The History of Laws and Courts of Hong Kong from the Earliest Period to 1898*. Honk Kong, Vetch and Lee Limited, 1971.
25. Maldonado-Torres N. On the coloniality of being. Contributions to the development of a concept. *Cultural Studies*. 2007, vol. 21, no. 2-3, pp. 240-270.
26. Mignolo W. Geopolitics of sensing and knowing: on (de)coloniality, border thinking and epistemic disobedience. *Postcolonial Studies*. 2011, vol. 14, no. 3, pp. 273-283.
27. Said E. *Orientalism*. London: Penduin, 1978. 340 p.
28. Singha R. Front lines and status lines: Sepoy and «Menial» in the Great War, 1916-1920' in Liebau et al. (eds.) *The World in World Wars: Experiences, Perceptions and Perspectives from Africa and Asia*. Leiden: Brill, 2010. P. 55-106.
29. Starr F. *Lost Enlightenment: Central Asia's Golden Age from the Arab Conquest to Tamerlane*. Princeton University Press, 2013. 634 p.
30. Trotter D. Colonial Subjects. *Critical Quarterly*. 1990, vol. 32, no. 3, pp. 3-20.

About the author:

Nargis T. Nurulla-Khodzhaeva – Senior Research Fellow at the Center for Central Asian, Caucasian and Uralo-Povoljijn studies of Oriental Studies Institute of Russian Academy of Sciences. 107031 Moscow, Rojdestvenka-str. 12. E-mail: Nargis.nurulla@gmail.com.

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ СТАБИЛЬНОСТЬ В КИРГИЗСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

А.О. Блохина

Университет Старого Доминиона

В статье рассмотрено влияние изменений, внесённых в Конституцию Киргизской Республики (КР) в 2016 г., на поддержание и упрочение политической стабильности – заявленной цели реформы. В центре внимания автора находятся нововведения в сфере распределения полномочий между главой государства, премьер-министром и законодательной властью, анализ которых проведён в двух аспектах: нормативном и эмпирическом.

Основным аналитическим инструментом выступает модель соотношения полномочий президентов и легислатур, разработанная М.С. Шугартом и Дж. М. Кэри. При оценке тех или иных институциональных паттернов учитывается влияние неформальных политических норм и практик. В частности, обращается внимание на такие черты киргизского общества, как этнокультурная разделённость и неопатримониальные политико-культурные ориентации.

По результатам анализа сделан вывод, что изменения, касающиеся институциональных параметров взаимодействия президента, главы правительства и парламента, а также повышения партийной ответственности и дисциплины депутатов, могут иметь позитивный эффект с точки зрения поддержания в КР политической стабильности, особенно при повышении уровня институционализации партийной системы.

Ключевые слова: Киргизия, конституционные изменения, институциональный дизайн, президентализм, премьер-президентская система.

УДК 323.22/.28

Поступила в редакцию 17.10.2017 г.

Принята к публикации 15.12.2017 г.

Институциональные переменные, как свидетельствуют политологические исследования, влияют и на политический процесс, и на формирование национальной идентичности, и на экономические показатели, и на социальные протесты и беспорядки [7].

В конце 2016 г. в Киргизской Республике (КР) состоялся референдум по внесению поправок в Конституцию. Редактирование текста Основного закона не является для страны чем-то новым: после принятия в 1993 г. он подвергался существенным изменениям в 1994, 1996, 1998, 2001, 2003, 2007 и 2010 гг. Конституционную нестабильность можно считать одним из проявлений общей социально-политической нестабильности, которая предопределена не только тем, что Киргизия находится в процессе строительства новой суверенной государственности, но и спецификой социальных расколов: её общество является разделённым. Согласно Д. Горовицу, это такой тип общества, где аскриптивные расколы в высшей степени заметны в политике (в большей мере, чем альтернативные формы расколов, например, классовые), несколько групп борются за центральную власть и где существует история межэтнической вражды [15, р. 7].

В результате соперничества между основными клановыми группировками страна пережила две «цветные революции» (в 2005 и в 2010 гг.). Политическое регулирование противоречий осложняет значительное совмещение клановых и региональных расколов (север – юг), а также межэтническая напряжённость на юге, где проживает абсолютное большинство узбеков страны и где дважды, в 1990 и в 2010 гг., вспыхивали беспорядки. В разделённых обществах обеспечение политической стабильности в очень высокой степени зависит от качества институционального выбора [3; 8].

После 2010 г. восстановление и поддержание политической стабильности стали главной задачей для Киргизии. Этим было официально обосновано и очередное предложение о внесении поправок в Конституцию 2010 г., выдвинутое в 2016 г. проправительственными фракциями парламента (Жогорку Кенеша).

Для оценки эффективности этих конституциональных изменений представляется актуальным рассмотреть их с учётом предшествующего опыта институционального регулирования, используя модель соотношения полномочий главы государства, правительства и законодательной власти, разработанную М.С. Шугартом и Дж. М. Кэри [18]. При проведении исследования использован также неоинституциональный подход, позволяющий учитывать влияние неформальных политических норм и политико-культурных ориентаций на функционирование государственных институтов.

Институциональные изменения и политическая практика

При правлении Аскара Акаева (1990-2005) первая Конституция КР пересматривалась пять раз в направлении расширения полномочий президента, что было одной из главных причин протестов оппозиции, переросших в «тюльпа-

новую революцию» 2005 г. При президенте Курманбеке Бакиеве (2005-2010) в условиях кампании гражданского неповиновения и жёсткой критики власти парламентской оппозицией в 2006 г. изменения в Основной закон вносились дважды. Ноябрьская редакция закрепила «преимущественно парламентскую форму правления», а декабрьская – «преимущественно президентскую» [5, с. 19]. В 2007 г. Конституционный суд принял решение об отмене двух последних редакций на основании нарушения процедуры принятия изменений и дополнений в Конституцию¹, что отвечало интересам президентской администрации. Вслед за этим по инициативе президента был проведён референдум по новым поправкам в Конституцию, которые поддержали 76,5% избирателей.

Одновременно с этими поправками на референдуме был принят новый кодекс о выборах, предусматривавший переход к пропорциональной избирательной системе с заградительным барьером в 5%. Сразу после референдума парламент, который по закону должен был утверждать его итоги, был распущен, и объявлены новые выборы. В результате принятых поправок президент получил право назначать премьер-министра по предложению партии, получившей более половины мандатов депутатов (или другой партии в случае отсутствия таковой); одновременно процедура импичмента президента была усложнена. Учитывая создание пропрезидентской партии «АкЖол», возможности для оппозиции быть представленной во власти снова сократились. Результаты и парламентских выборов 2007 г., и президентских выборов 2009 г., которые вновь выиграл Бакиев, считаются сфальсифицированными и местными экспертами, и международным сообществом (позднее это подтвердили проверки Генеральной прокуратуры КР). В 2010 г. новый переворот привёл к отставке Бакиева, созданию Временного правительства «народного доверия» и принятию новой Конституции, изменившей соотношение полномочий ветвей власти в пользу парламентской.

Несмотря на содержащийся в новом Основном законе запрет на внесение в него изменений до 2020 г. (ст. 114), в 2016 г. Жогорку Кенеш стал вновь обсуждать проект закона «О назначении референдума по Закону КР “О внесении изменений в Конституцию Кыргызской Республики”». Его инициировали торага (спикер) Чыныбай Турсунбеков, а также лидеры партий и фракций Социал-демократической партии Кыргызстана (СДПК), «Республика – АтаЖурт», «Кыргызстан», «Онугуу-Прогресс», «Бир Бол». Президент (Алмазбек Атамбаев) также поддержал этот проект.

Целью изменений было названо «утверждение независимости страны» и продолжение движения «в сторону именно парламентской системы управления» (по словам президента, «в большинстве развитых стран выше стоит парламент»)².

¹ Обе редакции 2006 г. были приняты парламентом, фактически выступившим в роли Учредительного собрания (см. Решение Конституционного суда Кыргызской Республики от 14 сентября 2007 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fergananews.com/news.php?id=7089> (дата обращения: 31.07.2017).

² Атамбаев об изменениях в Конституции: Это «защита независимости от дурака» / CA-portal. 12.12.2016. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ca-portal.ru/article:31763> (дата обращения: 14.07.2017).

Стоит отметить, что на официальном сайте Жогорку Кенеша в разделе «История кыргызского парламента»³ (последнее обновление 15 июня 2016 г.) представлено историческое обоснование парламентаризма в Киргизии. Отсылки к «прошлым временам» и общественному устройству киргизов – проведению ежегодных всенародных курултаев, совету аксакалов и пр. – призваны утвердить и легитимировать парламентскую форму правления. При описании кыргызского каганата, основанного в IX-Xвв., совет аксакалов упомянут как орган с консультативно-совещательными функциями.

Иная версия о появлении новой редакции Конституции озвучивается оппозицией. Согласно ей, президент Атамбаев, который по закону не имел права баллотироваться на второй срок, готовился вновь занять кресло премьера⁴. Экс-министры Временного правительства (7 апреля – июль 2010 г.) под руководством Розы Отунбаевой⁵ в открытом письме выразили свой протест по отношению к референдуму и конституционным изменениям, указав, что Конституция, принятая в 2010 г., получила одобрение международной экспертизы Венецианской комиссии и других организаций, в то время как новая редакция ограничивает права и свободы граждан и подрывает независимость судебной ветви⁶. Об изменениях также критично отозвались Венецианская комиссия Совета Европы и Бюро по демократическим институтам и правам человека (БДИПЧ) ОБСЕ⁷.

Несмотря на низкую явку (42%), результаты референдума были засчитаны, большинство избирателей проголосовали за изменения (почти 80%).

Президенциализм и его риски

В рамках задачи стабилизации политической системы Киргизии наиболее важна одна из затронутых последними изменениями институциональных областей – исполнительная власть и контроль над правительством со стороны президента и парламента.

Согласно Шугарту и Кэри, идеальные типы режимов можно ранжировать по объёму президентских полномочий и степени разделения источников формирования и поддержания законодательной и исполнительной властей [18]. *Президентская форма правления*⁸ если не в нормативном (формально в Консти-

³ История кыргызского парламента / Жогорку Кенеш Кыргызской Республики. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kenesh.kg/ru/article/show/38/istoriya-kirgizskogo-parlamenta> (дата обращения: 10.05.2017).

⁴ Референдум раздора: зачем Киргизии новая Конституция / РБК. 10.12.2016. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rbc.ru/politics/10/12/2016/584aa7bb9a7947d07788c0ca> (дата обращения: 11.07.2017).

⁵ Р. Отунбаева занимала пост председателя Временного правительства (2010) и президента Переходного периода (2010-2011).

⁶ Венецианская комиссия СУ критикует поправки в конституцию Киргизии. [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/world/20150625/1087622500.html> (дата обращения: 12.07.2017).

⁷ Kyrgyz Republic - Preliminary Joint Opinion on the Draft Law "On Introduction of Amendments and Changes to the Constitution". [Электронный ресурс]. URL: [http://www.venice.coe.int/webforms/documents/?pdf=CDL-Pl\(2016\)009-rus](http://www.venice.coe.int/webforms/documents/?pdf=CDL-Pl(2016)009-rus) (дата обращения: 18.08.2017).

⁸ Идеальный президентский тип характеризуют раздельное формирование и поддержание исполнительной и законодательной власти и максимальный контроль президента над кабинетом.

туции была закреплена президентско-парламентская модель), то в прикладном отношении была прототипом той системы властвования, которая существовала в Киргизии до 2010 г. и для которой были характерны гипертрофированные президентские полномочия и несбалансированные отношения между ветвями власти. О. Зазнаев классифицирует подобные системы как системы с элементами президентализма [2, с. 64]; иногда политологи именуют их «суперпрезидентскими».

Так, поправки 1996 г. расширили полномочия президента, который определял структуру правительства, назначал премьер-министра с согласия Собрания народных представителей (упразднённой в 2005 г. второй палаты парламента, избираемой на основе представительства территориальных интересов) и членов правительства – по консультации с премьер-министром, принимал решение об отставке премьер-министра или правительства, назначал глав местных государственных администраций. Правительство становилось подконтрольным президенту, хотя парламент мог вынести вотум недоверия премьер-министру. Он также мог поднять вопрос об отрешении президента от должности, но сам президент получил право на роспуск одной или обеих палат парламента по достаточно широко сформулированным основаниям. Чтобы усилить контроль над парламентом, правящая элита учреждала «партии власти» («Алга, Кыргызстан!» при Акаеве, «Ак Жол» при Бакиеве). Невозможность сместить президента, недостаточная представленность этнокультурных групп при голосовании, слабые партии и другие проблемы можно было наблюдать в стране в период правления обоих лидеров.

Шугарт и Кэри подчёркивали, что президентская система плохо подходит для многосоставных обществ (об общих недостатках президентской системы см. [18, р. 28-36]). Однако многосоставность, точнее, разделённость [3, с. 18-19] является, как отмечалось, характерной чертой киргизского общества. Страна заселена неравномерно распределёнными субэтническими группами, чаще всего проживающими достаточно компактно.

В целом, этническая карта Киргизии выглядит следующим образом: центральные и восточные регионы заняты в основном киргизами и имеют низкий уровень этнического разнообразия. Северная часть страны вместе со столицей Бишкеком традиционно является этнически неоднородной, там проживает основная часть некоренных народов. Южная часть имеет этнически поляризованную структуру, именно там проживают большинство узбеков и таджиков, а представительство славянских и других народов сведено к минимуму [6].

Помимо этнической, в Киргизии существует клановая сегментация, также генерирующая политические противоречия. Киргизы традиционно причисляют себя к одной из трёх клановых групп: «правому крылу» («онг»), «левому крылу» («сол») и выделяемой отдельно группе «ичкилик» [1, с. 102].

Исторически северные и западные кланы, между которыми отмечается острое соперничество, формируют старшее «левое крыло». Историю Киргизии

можно проследить по периодам правления входящих в него кланов. Например, клан бугу формировал политическую элиту в первые годы советского периода, после сталинских чисток 1930 г. ведущие позиции захватил другой северный клан – сары багыш, из которого впоследствии вышли команда Акаева и он сам [1, с. 103].

«Правое крыло» замыкается на одном клане адыгине, происходящем из южной части страны. Основу «ичкилика» составляет субэтническая группа кипчаков, которая является народообразующей для узбеков и казахов. Децентрализованные клановые структуры руководствуются партикулярными интересами. Отток из страны некиргизского населения (русских, немцев, корейцев и др.) в 1980-1990-е гг. способствовал расширению их присутствия в политике.

Для Киргизии система с элементами президентализма повышает возможность отката к авторитарному правлению, когда власть сосредоточивается в руках одного лидера и, в условиях устойчивых позиций клановых групп, стоящего за ним клана [12; 13; 16]. Это создаёт высокие риски политической дестабилизации.

Парламентаризм и смешанные системы правления

В защиту *парламентской системы* выступают многие исследователи, в том числе Х. Линц, который в полемике с Д. Горовицем и С.М. Липсетом отмечает, что структурные изъяны, заложенные в президентских системах, повышают риск этих систем столкнуться с теми проблемами, которые парламентский режим уже преодолел, включая проблему соперничества между президентом и законодательной ассамблеей в сфере легитимности [17].

Однако другие учёные, например, Ж. Блондель, считают, что проблемы страны, которая пытается создать плюралистическую систему при слабой партийной системе, не могут решить ни президентская, ни парламентская модель. Президентство может легко перерасти в «цезаризм», а парламентаризм – усилить социальные расколы [11, р. 172]. В условиях высокой социальной и политической фрагментации (в КР зарегистрировано более 100 партий) парламентская форма практически не позволяет надеяться на формирование эффективной исполнительной власти: реальные полномочия премьера будут ограничены интересами партнёров по коалиции, а функции президента в таких системах имеют в основном представительский характер.

Может ли лучшее институциональное решение для Киргизии быть найдено в области моделей смешанного правления?

Как отмечалось выше, использование президентско-парламентской формы при слабом парламенте де-факто привело к формированию системы с элементами президентализма. Премьер-президентская система предполагает ведущую роль премьер-министра при наличии президента, обладающего существенными полномочиями. Однако право формировать правительство остаётся за

парламентом, президент не имеет законодательных способов контролировать правительство, хотя может распускать парламент, тем самым косвенно влияя на состав правительства. В этом случае сильны фигуры и президента, и премьера. Президент, хотя и избираемый всенародно, должен уметь сосуществовать с ним [18, р. 24-25].

Недостатки у этой системы тоже есть. Однако в отличие от президентской системы, даже проблему временной негибкости (президентский срок фиксирован, и, если парламент настроен оппозиционно, отрешить от должности президента нельзя) решить проще. В премьер-президентской системе, во-первых, президент не обязательно контролирует правительство: если парламент поддерживает правительство, сформированное партией/партиями оппозиции, то премьером назначается представитель оппозиции. Если же премьер возглавляет партию большинства (и президента), то проблемы со сроком президентских полномочий не возникает. Во-вторых, право президента распускать парламент и назначать новые выборы имплицитно нацеливает депутатов на поиск компромиссов и между собой, и в области взаимодействия с президентом. Важно отметить, что чаще всего в премьер-президентских системах президент не использует право вето, что сохраняет принцип взаимных сдержек властей.

В КР подобная смешанная система должна способствовать не только ограничению власти президента (как отмечалось, наличие у президента широких полномочий несёт опасность дестабилизации разделённых обществ), но и развитию партийной дисциплины.

Следует отметить, что одобренные на референдуме новые положения Конституции очевидно направлены на повышение устойчивости коалиционного большинства: с декабря 2017 г. решение о выходе из коалиции большинства будет приниматься не менее чем двумя третями от общего числа депутатов соответствующей фракции, оформляться постановлением и подписываться каждым членом фракции, проголосовавшим за выход. Это представляется актуальным: с 2010 г. в Жогорку Кенеше семь раз распадалась коалиция большинства, что негативно сказывалось и на политическом управлении, и на законотворческой деятельности. Ужесточение правил выхода из коалиции должно решить эту проблему. В случае распада коалиции большинства торага Жогорку Кенеша должен уйти в отставку, как и правительство. Он также может быть отозван по решению парламента,

В соответствии с новой редакцией полномочия премьер-министра значительно расширяются: он сможет направлять президенту представление об освобождении от должности членов правительства за исключением руководителей, ведающих вопросами обороны и национальной безопасности (и в случае отсутствия соответствующего указа в течение пяти рабочих дней освободить министра от должности своим решением), а также сохранять депутатский мандат и право голосования на пленарных заседаниях. Отставка от должности влечёт восстановление его депутатских полномочий в полном объёме. Также премьер

сможет лично назначать глав местных администраций. Кабинет министров зависит от коалиционного большинства в парламенте, в случае распада которого уходит в отставку.

Парламент сохраняет возможность отказать кабинету в доверии, однако постановление о выражении недоверия правительству принимается уже не простым большинством, а двумя третями голосов от общего числа депутатов. Более того, финансовая деятельность Жогорку Кенеша также теперь контролируется правительством: парламент может принимать законы касательно увеличения расходов за счёт государственного бюджета лишь с одобрения правительства.

Президент, как и ранее согласно ст. 68 Конституции, не может отправлять правительство в отставку и назначать досрочные выборы в парламент; также теперь он не может выдвигать собственную кандидатуру на пост президента в случае досрочных выборов.

Очевидно, что эффективность работы премьера и кабинета зависят от прочности коалиционного большинства, обеспечение которого в условиях разделённости киргизского общества представляет собой непростую задачу. В связи с этим необходимо обратить внимание на состояние партийной и избирательной системы республики.

Партии и выборы

Партийная система в значительной степени зависит от избирательной. Некоторые избирательные системы способствуют формированию политических партий, другие дают шанс пройти во власть независимым кандидатам. Конструкция избирательной системы оказывает влияние на возможность альянсов между партиями или их отсутствие, вовлечённость в политический процесс широких групп населения или выражение интересов этнокультурных и региональных групп. Она может положительно или отрицательно воздействовать на смягчение социальных расколов, а также на политическую осведомлённость и образованность избирателей в зависимости от более или менее сложной системы голосования.

В частности, Институт за демократию и содействие выборам (IDEA International) отдельно предупреждает, что сочетание мажоритарной системы и президентской формы правления в этнокультурно разделённой стране, где ни одна из групп не имеет абсолютного большинства, будет создавать взрывоопасную ситуацию⁹.

Первоначально Жогорку Кенеш состоял из двух палат – Законодательного собрания и Собрания народных представителей. До 2000 г. избирательная система в КР была мажоритарной, позже – пропорциональной. В 2005 г. Парламент стал однопалатным. В парламенте созыва 2007 г. большинство получила

⁹ Разработка избирательных систем. Новое руководство Института за демократию и содействие выборам (International IDEA). Бишкек: IFES, 2005. 288 с.

пропрезидентская партия «Ак Жол» (47% голосов, 71 депутатский мандат из 90) при республиканском избирательном барьере в 5% и региональном – 0,5% (для областей и городов Бишкек и Ош). К выборам были допущены 12 партий, но восемь из них не смогли преодолеть республиканский барьер, а партия «АтаМекен», представлявшая объединенную оппозицию, – региональный. Парламент был распущен в 2010 г.

После событий 2010 г. в КР при участии международных организаций был разработан пакет мер по стабилизации, включая и изменения в системе выборов. В соответствии с ними число депутатских мест было увеличено до 120, при этом ни одна партия не могла получить более 65 мест (ст. 70 Конституции).

По результатам парламентских выборов 2010 г. правящая парламентская коалиция включала СДПК (26 мандатов), «Ар-Намыс» (25) и «АтаМекен» (18). Оппозицию представляли партии «АтаЖурт» (28 мандатов) и «Республика» (23). В октябре 2014 г. произошло объединение двух оппозиционных партий. Новая структура получила название «Республика – АтаЖурт», в 2015 г. в неё вошла небольшая партия «За реформы».

Последние парламентские выборы прошли в октябре 2015 г. также по пропорциональной системе с голосованием по закрытым партийным спискам в едином избирательном округе с двойным порогом (республиканский порог был повышен до 7%, а региональный – до 0,7%). ЦИК Киргизии зарегистрировал списки кандидатов 14 партий, состав которых соответствует требованиям о гендерной (не менее 30% женщин) и этнической (не менее 15% кандидатов, имеющих разную этническую принадлежность) квотах. Нововведением стала биометрическая регистрация населения для снижения риска манипуляций. По результатам выборов избирательный порог преодолели шесть партий: СДПК (38 мандатов), «Республика – АтаЖурт» (28) и «АтаМекен» (11), которые входили в прежний состав Жогорку Кенеша, а также «Кыргызстан» (18), «Онугуу-Прогресс» (13), «Бир-Бол» (12 мандатов). В 2017 г. избирательный порог был увеличен для республиканского уровня до 9% (региональный оставлен без изменений), что должно способствовать укрупнению партий¹⁰.

Вариант списочного пропорционального представительства оказался оптимальным для политических реалий Киргизии. Преимущество системы заключается в лучшей возможности для этнокультурных групп быть представленными в парламенте за счёт сбалансированных списков кандидатов. При закрытых партийных списках неформальное закрепление кандидатов за участками позволяет отчасти преодолевать такую серьёзную проблему республики, как разрыв связи между избирателями и депутатами.

Судя по представленным в парламенте партиям, можно сказать, что его состав достаточно дифференцирован. Не все партии, однако, концентрируют вни-

¹⁰ Конституционный закон «О выборах Президента Кыргызской Республики и депутатов Жогорку Кенеша». [Электронный ресурс]. URL: https://shailoo.gov.kg/ru/konstitucionnye-zakony-kr/konstitucionnye-zakony-kr/O_vyborah_Pr-1913/ (дата обращения: 12.08.2017).

мание на необходимости преодоления кланового формата политики. Соответствующие положения есть в программах партий «Республика» и «Кыргызстан».

В целом проблема Киргизии всегда заключалась не в том, что партии не формируются или что их число недостаточно, а в том, что они выражают партикулярные интересы, а их идейно-политические платформы очень расплывчаты. В основном все партии построены на авторитарных началах, малочисленны, у них преимущественно отсутствуют региональные низовые звенья и нет устойчивого электората в общенациональном масштабе (о проблемах партийной институционализации см. [14]). Сохраняются претензии партий друг к другу и обвинения в подтасовках. Повышение республиканского избирательного порога до 9%, как и конституционные нововведения относительно повышения партийной дисциплины и затруднения выхода из правящей коалиции (см. выше), соответствуют объективной необходимости повышения партийной ответственности и легитимности.

Потенциальный вызов представляет собой политизация ислама. Создание политических партий на религиозной или этнической основе, преследование религиозными объединениями политических целей в КР конституционно запрещено. Однако после обретения независимости в стране имел место резкий рост религиозных организаций: если в 1990 г. функционировали 39 мечетей и несколько христианских религиозных заведений, то на 2016 г. официально зарегистрированы 2989 религиозных организаций, из которых 2595 исламского (доля мусульман составляет около 80%) и 380 христианского толка, а также одна буддистская и одна еврейская община и 12 общин бахаи [10, с. 5]. В числе зарегистрированных такая транснациональная исламская организация, как «Таблиги Джамаат»¹¹; также в стране есть сторонники религиозно-политической транснациональной партии «Хизб ат-Тахрир», салафитов и ваххабитов, которые не имеют регистрации. Особенности ислама как религиозной и социальной системы [4, с. 158-159] позволяют предположить постепенный рост присутствия мусульманской религии в публичной сфере и использование её в политических целях. По мнению киргизских экспертов, этому способствуют низкая религиозная грамотность населения, социально-экономические проблемы, особенно массовая бедность и безработица, проблемы в межэтнических отношениях, трудовая миграция¹². Также в законодательстве не определены границы, разделяющие религию и политику, отсутствует чёткое определение светскости¹³. Вне сённое в Конституцию определение семейного союза только как брака между мужчиной и женщиной отражает рост влияния традиционных ценностей.

¹¹ Организация «Таблиги Джамаат» запрещена в РФ, Таджикистане и Казахстане как распространяющая ислам радикального толка.

¹² Восприятие населением Кыргызской Республики идеологии религиозного экстремизма и его оценка государственной политики в противодействии экстремизму. Аналитическое исследование / Центр исследования религиозной ситуации при ГКДР КР. [Электронный ресурс]. С. 69. URL: http://religion.gov.kg/wp-content/uploads/2016/11/%D0%A1%D0%BE%D1%86_%D0%B8%D1%81%D1%81%D0%BB%D0%B5%D0%B4_%D1%86%D0%B8%D1%80%D1%81.pdf (дата обращения 18.07.2017).

¹³ Там же. С. 71.

Конституция в новой редакции вступит в силу в декабре 2017 г. Изменения, касающиеся институциональных параметров взаимодействия президента, главы правительства и парламента, а также повышения партийной ответственности и дисциплины депутатов, можно рассматривать как позитивные с точки зрения стабильности республиканского политического процесса. Наиболее благоприятным условием для эффективности формирующейся премьер-президентской системы выступает достижение консолидированного большинства, когда президент, премьер и большинство в парламенте принадлежат к одной партии / партийному блоку. В этом случае такая система власти обладает наименьшим конфликтным потенциалом и, соответственно, риском превышения президентом полномочий (что не раз приводило в стране к социально-политическим потрясениям) и является оптимальной с точки зрения поддержания политической стабильности [7].

Однако ни одна из парламентских партий КР не имеет абсолютного большинства, а правящие коалиции нестабильны. Подвижки в этом направлении объективно затруднены невысоким качеством партийной жизни и работы парламентских фракций, что даёт основания А. Доолоткельдиевой и А. Уолтерсу классифицировать парламентаризм в Киргизии как «пустотелый» (“*hollow*”) [14]. Тем не менее, реальная электоральная конкуренция и увеличение избирательного порога до 9% позволяют надеяться на рост уровня партийной институционализации. Религиозный фактор до настоящего времени не определяет параметры политического процесса, однако тема ислама присутствует в публичном дискурсе.

На президентских выборах в октябре 2017 г. победу одержал кандидат президентской партии (СДПК) Сооронбай Жээнбеков (более 54% голосов избирателей при явке около 56%). Выборы были конкурентными и прошли без серьёзных нарушений, обеспечив мирную передачу власти. По оценке экспертов, фактор регионализма по-прежнему влияет на позицию избирателей, однако у кандидатов присутствует и поддержка избирателей не из «своих» регионов¹⁴.

Список литературы

1. Годы, которые изменили Центральную Азию. М.: Центр стратегических и политических исследований Института востоковедения РАН, 2009. 332 с.
2. Зазнаев О.И. Атипичные президентские и полупрезидентские системы // Ученые записки Казанского государственного университета. Гуманитарные науки. 2005. Т. 147. Кн. 1. С. 54-69.
3. Кудряшова И.В. Как обустроить разделенные общества // Политическая наука. 2016. № 1. С. 15-33.
4. Кудряшова И.В. Политические изменения и трансформация идентичности в странах мусульманского Востока // Политическая идентичность и политика идентичности: в 2 тт. Т.2.: Идентичность и социально-политические изменения в XXI веке / отв. ред. И.С. Семенов. М.: РОССПЭН, 2012. С.155-184.
5. Медушевский А. Киргизия в поисках модели конституционного устройства (о двух новых редакциях Конституции) // Сравнительное конституционное обозрение. 2007. №2 (59). С. 18-31.
6. Мкртчян Н., Сарыгулов Б. Изменение этнического состава населения // Население

- Кыргызстана в начале XXI в. / под ред. М.Б. Денисенко. Бишкек: UNFPA, 2011. С. 82-92. Цит. по: Демоскоп Weekly. 12-25 ноября 2012 г. № 531-532. URL: http://demoscope.ru/weekly/2012/0531/analit06.php#_FNR_1 (дата обращения: 10.07.2017).
7. Харитонова О.Г. Президентство и демократия: Состояние дискуссии // Политическая наука. 2012. № 3. С. 199-213.
  8. Харитонова О.Г. Этнические войны и постконфликтная демократия // Политическая наука. 2016. № 1. С. 34-59.
  9. Хауг В. Демографические тенденции, формирование наций и межэтнические отношения в Киргизии // Население Кыргызстана / под ред. З. Кудабаява, М. Гийо, М. Денисенко. Бишкек: Национальный статистический комитет Кыргызской Республики, 2004. С. 109-157.
  10. Элебаева А.Б., Эсенаманова Н.С., Чотаев З.Д. Влияние религиозного фактора на социально-политическую ситуацию в Кыргызской Республике. Социологическое исследование / Государственная комиссия по делам религий Кыргызской Республики. Бишкек: Триада Принт, 2016. 205 с.
  11. Blondel J. Dual Leadership in the Contemporary World // Parliamentary Versus Presidential Government. Ed. by A. Lijphart. N.Y.: Oxford University Press, 1992. Pp. 162-172.
  12. Collins K. Clans, Pacts, and Politics in Central Asia // Journal of Democracy. 2002. Vol. 13. Iss. 3. Pp. 137-152.
  13. Collins K. The Logic of Clan Politics: Evidence from the Central Asian Trajectories // World Politics. 2004. Vol. 56. No 2. Pp. 224-261.
  14. Doolotkeldieva A., Wolters A. Uncertainty Perpetuated? The Pitfalls of a Weakly Institutionalized Party System in Kyrgyzstan // Central Asian Affairs. 2017. Vol. 4. Iss. 1. Pp. 26-50.
  15. Horowitz D.L. Ethnic Power Sharing: Three Big Problems // Journal of Democracy. 2014. Vol. 25. No 2. Pp. 5-20.
  16. Khamidov A. Kyrgyzstan's Unrest Linked to Clan Rivalries / EurasiaNet.org. 05.06.2002. URL: <http://www.eurasianet.org/departments/insight/articles/eav060502.shtml> (дата обращения: 17.07.2017).
  17. Linz J.J. The Virtues of Parliamentarism // Journal of Democracy. 1990. Vol. 1. No 4. Pp. 84-91.
  18. Shugart M.S., Carey J.M. Presidents and Assemblies: Constitutional Design and Electoral Dynamics. N.Y.: Cambridge University Press, 1992. 316 p.

Об авторе:

Алёна Олеговна Блохина – независимый исследователь, член Международной ассоциации политической науки (МАПН). Perry Library at Old Dominion University, 4427 Hampton Blvd, Norfolk, VA 23508. E-mail: blokhina.alena@gmail.com.

Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проект № 16-03-00872.

INSTITUTIONAL CHANGES AND POLITICAL STABILITY IN THE KYRGYZ REPUBLIC

A.O. Blokhina
DOI 10.24833/2071-8160-2017-6-57-102-115

Moscow State Institute of International Relations (University)

The article analyzes the impact of 2016 amendments to the Constitution of the Kyrgyz Republic on maintaining and strengthening of political stability in the country, which was the official goal of the amendments. The author focuses on new elements in the sphere of divi-

sion of powers between the head of state, the prime minister, and the legislative power. There are two aspects to the analysis: the normative and the empirical. The main analytical tool was the model of relationship between presidents and assemblies, devised by M. S. Shugart and J. M. Carey. The article also utilizes the neo-institutional approach, which can account for the influence of informal political norms and practices when evaluating various institutional patterns. In particular, it examines such peculiarities of the Kyrgyz society as ethnocultural dividedness and neopatrimonial political and cultural orientations. The author concludes that alterations made to the institutional framework of relationship between the president, the head of parliament, and the parliament, and to the growth of responsibility and discipline of deputies may have a positive effect on maintaining of political stability especially given the level of institutionalization of the party system rises.

Key words: Kyrgyz Republic, constitutional changes, institutional design, presidentialism, premier-presidentialism.

References

1. *Gody, kotorye izmenili Tsentral'nuuiu Aziyu* [The years that have changed Central Asia]. Moscow, Tsentr strategicheskikh i politicheskikh issledovaniy Instituta vostokovedeniia RAN, 2009. 332 p. (In Russian)
2. Zaznaev O.I. Atipichnye prezidentskie i poluprezidentskie sistemy [Atypical presidential and semi-presidential systems]. *Uchenye zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki*, 2005, vol. 147, book 1, pp. 54-69. (In Russian)
3. Kudriashova I.V. Kak obustroit' razdelennye obshchestva [How to equip divided societies]. *Politicheskaya nauka*, 2016, no. 1, pp. 15-33. (In Russian)
4. Kudriashova I.V. Politicheskie izmeneniia i transformatsiia identichnosti v stranakh musul'manskogo Vostoka [Political changes and transformation of identity in the Muslim East countries]. *Politicheskaya identichnost' i politika identichnosti* [Political identity and identity policy]. In 2 vol. Vol. 2.: Identichnost' i sotsial'no-politicheskie izmeneniia v XXI veke [Identity and socio-political changes in the XXI century]. / Ed. by I.S. Semenenko. Moscow, ROSSPEN Publ., 2012. Pp.155-184. (In Russian)
5. Medushevskii A. Kirgiziia v poiskakh modeli konstitutsionnogo ustroistva (o dvukh novykh redaktsiakh Konstitutsii) [Kyrgyzstan in Search of a Model of the Constitutional Structure (on Two New Editions of the Constitution)]. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie*, 2007, no. 2 (59), pp. 18-31. (In Russian)
6. Mkrtchian N., Sarygulov B. Izmenenie etnicheskogo sostava naseleniia [Change in the ethnic composition of the population]. *Naselenie Kyrgyzstana v nachale XXI v.* [Population of Kyrgyzstan at the beginning of the XXI century]. Ed. by M.B. Denisenko. Bishkek, UNFPA Publ., 2011. Pp. 82-92. (In Russian)
7. Kharitonova O.G. Prezidentstvo i demokratiia: Sostoianie diskussii [Presidency and Democracy: The State of Discussion]. *Politicheskaya nauka*, 2012, no. 3, pp. 199-213. (In Russian)
8. Kharitonova O.G. Etnicheskie voyny i postkonfliktnaia demokratiia [Ethnic Wars and Post-Conflict Democracy]. *Politicheskaya nauka*, 2016, no. 1, pp. 34-59. (In Russian)
9. Khaug V. Demograficheskie tendentsii, formirovanie natsii i mezhetnicheskie otnosheniia v Kirgizii [Demographic trends, the formation of nations and interethnic relations in Kyrgyzstan]. *Naselenie Kyrgyzstana* [Population of Kyrgyzstan]. Ed. by Z. Kudabaev, M. Giio, M. Denisenko. Bishkek, Natsional'nyi statisticheskii komitet Kyrgyzskoi Respubliki Publ., 2004, pp. 109-157. (In Russian)
10. Elebaeva A.B., Esenamanova N.S., Chotaev Z.D. Vliianie religioznogo faktora na sotsial'no-politicheskuiu situatsiiu v Kyrgyzskoi Respublike. Sotsiologicheskoe issledovanie [The influence

- of the religious factor on the socio-political situation in the Kyrgyz Republic. Sociological research]. Gosudarstvennaia komissiiia po delam religii Kyrgyzskoi Respubliki. Bishkek, Triada Print Publ., 2016. 205 p. (In Russian)
11. Blondel J. Dual Leadership in the Contemporary World. *Parliamentary Versus Presidential Government*. Ed. by A. Lijphart. New York, Oxford University Press Publ., 1992. Pp. 162-172.
  12. Collins K. Clans, Pacts, and Politics in Central Asia. *Journal of Democracy*, 2002, vol. 13, iss. 3, pp. 137-152.
  13. Collins K. The Logic of Clan Politics: Evidence from the Central Asian Trajectories. *World Politics*, 2004, vol. 56, no 2, pp. 224-261.
  14. Doolotkeldieva A., Wolters A. Uncertainty Perpetuated? The Pitfalls of a Weakly Institutionalized Party System in Kyrgyzstan. *Central Asian Affairs*, 2017, vol. 4, iss. 1, pp. 26-50.
  15. Horowitz D.L. Ethnic Power Sharing: Three Big Problems. *Journal of Democracy*, 2014, vol. 25, no 2, pp. 5-20.
  16. Khamidov A. *Kyrgyzstan's Unrest Linked to Clan Rivalries* / EurasiaNet.org, 05.06.2002. Available at: <http://www.eurasianet.org/departments/insight/articles/eav060502.shtml> (Accessed: 17.05.2017).
  17. Linz J.J. The Virtues of Parliamentarism. *Journal of Democracy*, 1990, vol. 1, no. 4, pp. 84-91.
  18. Shugart M.S., Carey J.M. *Presidents and Assemblies: Constitutional Design and Electoral Dynamics*. New York, Cambridge University Press Publ., 1992. 316 p.

About the author:

Alyona O. Blokhina – independent researcher, IPSA member. Perry Library at Old Dominion University, 4427 Hampton Blvd, Norfolk, VA 23508. E-mail: blokhina.alena@gmail.com.

The article is written with the financial support of Russian Foundation for the Humanities, project No. 16-03-00872.

RUSSIA AND THE WEST: A ROADMAP TO COOPERATION THROUGH FOREIGN POLICY LINKAGE OF MIDDLE EAST AND EASTERN EUROPE¹

Lord D. Owen

The House of Lords of the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland

The article discusses the current state of relations between Russia and the West. The author presents long-term assessment of rising tensions between Russia and the West. The article identifies the NATO expansion as one of the most important factors that contributed to the current deterioration. The author argues that the NATO expansion was a political miscalculation of the Western countries.

The author believes that the relations between Russia and the West can be improved through foreign policy linkage of two regions: Middle East and Eastern Europe. It is the place for significant political transformations (especially in the Middle East) and both sides are politically involved there. The first major recent shift in the global political landscape there is Russian-Syrian alliance that has changed the development of the civil war in the country as well as global counterterrorist efforts. The second major shift occurs in the Saudi Arabia where a more moderate leadership has come to power.

The author proposes the diplomatic framework for improving relations 5+1 format that includes the USA, major European states and Russia. However, the main issue is not the format of negotiations, but its essence. Russia could use its current potential as a mediating power to fully restore the Syrian state and calm down the tensions between Saudi Arabia and Iran. In return, the West can be more flexible in conflicts in the post-Soviet space.

Key words: diplomacy, the West, Russia, the Middle East, mediation.

УДК 327

Поступила в редакцию 20.11.2017 г.

Принята к публикации 01.12.2017 г.

---

¹ The article is based upon the speech given by Lord Owen to MGIMO-University, 16 November 2016.

NATO expansion, condescension, Libya and sanctions: the roadmap to confrontation

The veteran US diplomat and Russian expert George Kennan was warning in February 1997 of the risks of NATO stretching to the boundaries of the Russian Federation: «The view, bluntly stated, is that expanding NATO would be the most fateful error of American policy in the entire post-cold-war era. Such a decision may be expected to inflame the nationalistic, anti-Western and militaristic tendencies in Russian opinion; to have an adverse effect on the development of Russian democracy; to restore the atmosphere of the Cold War to East-West relations, and to impel Russian foreign policy in directions decidedly not to our liking»².

Having been ignored by the Clinton Administration, Kennan returned to the charge in May 1998 in an interview with Thomas L. Friedman of the New York Times when he commented on the US Senate's agreement on NATO expansion: «I think it is the beginning of a new Cold War. I think the Russians will gradually react quite adversely and it will affect their policies. I think it is a tragic mistake. There was no reason for this whatever. No one was threatening anybody else. This expansion would make the founding fathers of this country turn in their graves. We have signed up to protect a whole series of countries, even though we have neither the resources nor the intention to do so in any serious way. [NATO expansion] was simply a light-hearted action by a Senate that has no real interest in foreign affairs. I was particularly bothered by the references to Russia as a country dying to attack Western Europe. Don't people understand? Our differences in the Cold War were with the Soviet Communist regime. And now we are turning our backs on the very people who mounted the greatest bloodless revolution in history to remove that Soviet regime»³.

Well before NATO's bombing of Kosovo in 1999 Russian-NATO diplomatic cooperation was cooling. I talked to Russian diplomats early on in the conflict and they predicted bombing would not succeed but that the time was not right for an early intervention and they would wait and intervene diplomatically later. The true story over Kosovo has never been told, I suspect because Yeltsin and Chernomyrdin were of a generation that zealously regarded Gazprom's reputation for not being used as a diplomatic tool by closing gas pipelines. I am of the view that when Yeltsin's special envoy, Chernomyrdin, first visited President Milosevic in Belgrade by himself, that he warned him that when he returned a few weeks later with the UN special envoy and Finnish President Ahtisaari he would be demanding a Serbian military withdrawal from Kosovo and that if this was not done there would be a total cut off of Russian gas.

² Kennan G.F. A Fateful Error. *New York Times*, 05.02.1997. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.netwargamingitalia.net/forum/resources/george-f-kennan-a-fateful-error.35/> (дата обращения: 01.12.2017).

³ Friedman T.L. Foreign Affairs; Now a Word From X. *New York Times*, 02.05.1998. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nytimes.com/1998/05/02/opinion/foreign-affairs-now-a-word-from-x.html> (дата обращения: 01.12.2017).

I am sure it was this far more than a fear that the US under President Clinton would intervene militarily with troops on the ground, which forced Milosevic to order a reluctant Serbian military to withdraw despite having successfully withstood more than 80 days of NATO bombing.

Whether NATO enlargement or expansion was an active policy decision in some quarters or an inadvertent lack of attention is discussed in the book *British Foreign Policy After Brexit* which I have written with David Ludlow [6]. The end result was the same – a growing feeling of humiliation and resentment in Russia, and a harkening for a return to the glory days, as Robert Skidelsky highlights in an article: «...Robert Gates, who headed the CIA in the early 1990s, later conceded that the West, and particularly the US, ‘badly underestimated the magnitude of Russian humiliation in losing the Cold War’. The spectacle of ‘American government officials, academicians, businessmen, and politicians’ arrogantly ‘telling the Russians how to conduct their [...] affairs’ inevitably ‘led to deep and long-term resentment and bitterness’»⁴.

Vindictiveness was not the problem as much as condescension. This attitude started with President George W. Bush ignoring in 2001 the substance of Putin’s speedy offer of cooperation after 9/11 with the closure of bases in Cuba and North Korea. Then Bush and Blair grossly mishandled Afghanistan and Iraq from 2003-2006. Then Obama, intellectually dismissing Russia as a regional power, failed to anticipate that war in Syria gave Russia the opportunity to return to a position of influence in the Middle East. Empires hang on to exaggerated power because of their history and the aspiration to exert influence. It can be a somewhat painful adjustment period as we in the UK experienced after the Suez Canal failure in 1956 and you in Russia experienced in Afghanistan in the 1980s. But Empires leave a legacy which cannot be glibly disparaged, particularly if the will of the people wants to remain a player internationally as they believe they do in both Russia and in the UK.

I hoped that after 1989 it would be through a developing mixed economy in Russia that commercial relationships would build up trust between Russia and the rest of the world, and your Communist command economy would never return. Commercial relationships did lead to a better intergovernmental relationship for twenty years and gather in its wake personal relationships that still bind business people together. I remain of the view that this will be the dynamics for the rebuilding of our currently very strained national relationships. I fear the figure that some use today that 70% of the Russian economy is controlled by the Russian Government. One of the many bad consequences of our current economic standoff and sanctions is that it is pushing Russia back into the command economy of the past with all its diseconomies and threats to freedom of choice.

There was no single event which of itself triggered the present deterioration in relations between NATO countries and Russia but a sequence of ongo-

---

⁴ Skidelsky R. Reset For West’s Relations With Russia. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.socialeurope.eu/2017/01/reset-wests-relations-russia/> (дата обращения: 01.12.2017)

ing events. Georgia 2008, Libya 2011, Syria 2011, Ukraine 2014. I believe the most poisonous is the lack of trust in the Security Council that was generated over Libya.

The controversy around the military intervention in Libya continues to this day, as the country has both collapsed into chaos and become a major trafficking hub for migrants seeking to cross to Europe. Once again, the lack of sufficient boots on the ground after initial destructive aerial bombing has raised questions about the continued use of this particular strategy of intervention confined to the use of air power. The reluctance to involve Russia from the start in continuing discussions at the UN Security Council was an error. By abstaining in the Security Council vote, Russia and China had let the UN resolution approving action through, but they had been assured throughout that regime change was not the objective. Dmitry Medvedev, who was, at the time, the President of the Russian Federation, was helped in his decision not to use the veto by Obama saying publicly: «Broadening our military mission to include regime change would be a mistake ... If we tried to overthrow Gaddafi by force our coalition would splinter». Whatever the rights or wrongs of handling Gaddafi, a large section of global opinion believes France and the UK in particular were intent on removing him, and much of what Sarkozy and Cameron said at the time fed the impression that their goal was to capture Gaddafi dead or alive, allowing Putin, then Russian Prime Minister, to talk later of the Libyan operation as a medieval crusade by the West. President Medvedev deserved better from the UK and France. At the very least, they should have involved the Russian military through the NATO–Russia Council on the real problems of target selection, as Gaddafi continued to operate as the controlling force of the military. Thereafter, it appears Russian policy has been never to let a UN Security Resolution pass over Syria that could be used to justify damaging President Assad, and this was a serious blow to solving the civil war. The one moment of hope was when Foreign Ministers Lavrov and Kerry negotiated over zarin gas in Syria and there is little doubt that a very large part of that stock was removed and destroyed under UN supervision.

President Obama, in an interview with the *Atlantic* magazine in 2016 was also critical of the UK and France for failing to stop Libya becoming what he called a ‘mess’. He singled out Cameron for allegedly becoming ‘distracted by a range of other things’. Certainly, without US air power the Libyan ground-to-air missiles would never have been so comprehensively destroyed before French and British airplanes flew bombing sorties. This was the major contribution that the US Secretary of Defence, Robert Gates, made. While being opposed to the whole intervention, Gates made sure that at least in the early stages NATO, because of the US, had the means to create an effective no-fly zone. Gates never made any secret that implementing a no-fly zone is a declaration of war. In Libya, military from Qatar made an important contribution in ground-to-air control, but it is still necessary to reappraise no-fly zones as an instrument of intervention. In Syria, Turkey wanted one to create a safe haven and if done then it could have been extended to cover Aleppo.

Linking foreign policies in the Middle East and Eastern Europe: a roadmap to possible cooperation

Middle East

Andrew Monaghan's book «The New Politics of Russia. Interpreting Change» is a very good starting place as to how the West and Russia might start to change [5, p. 9]. He writes about «strong linguistic dissonance, both in terms of translation and different interpretation of terminology» suggesting that the Ukraine crisis has revealed that the West and Russia are speaking different dialects on security. There are gaps in terminology that reflect divergences: in Western terms, for instance, Crimea was «annexed» by Russia, but in Russian terms, Crimea was «reunified» with Russia. Similarly, NATO's policy is one of «open door» or «enlargement» whereas the Russian term is «expansion». Linguistic differences were commonplace in the Cold War whether in terms of peace, détente and deterrence. But there is more than linguistics to the breakdown in relations that I believe have been highlighted in Syria and now permeate the Middle East.

Two areas of foreign policy – the Middle East and Eastern Europe – must come together with sufficient, cooperative activity to rebuild again the relationship which has led to hostility between Russia and NATO.

The relevant concern we have is the growth in the belief amongst informed NATO military opinion that your Russian conventional forces are now able to punch a hole in NATO's conventional defences, particularly in the Baltic region. This is the rational case for increased NATO defence spending; to allow that new feature to consolidate would lead to a risk that NATO would be forced to make a choice over resorting to nuclear weapons at a far earlier stage than hitherto [10]. It is essential, therefore, that the UK puts money and effort into our deterrence strategy in its modern setting and its relationship to cyber warfare.

The Sixth US Strategic Command Deterrence Symposium on 27–28 July 2016 looked at deterrence in its widest context. One conclusion of the symposium was that «space is not deterred in space and cyber is not deterred in cyber, they must be considered in conjunction». The symposium saw hybrid warfare – characterized by misinformation, unconventional activity and ambiguity – as designed to be kept below the threshold which would involve conventional conflict, and carefully planned to avert state conflict, but supportive of an overall hostile strategy.

Renewed Russian political and military involvement in the Middle East is not new. It is easy to forget that on 24 October 1973 Leonid Brezhnev nearly sent a Soviet airborne force to the Arab-Israeli war zone and US forces were put on increased alert. Fortunately, that dire crisis passed. Later a conference was held in Geneva in December 1973, which was co-chaired by the US and the Soviet Union. Following the conference, the Soviet Union's influence in the Middle East, however, began to wane. Nevertheless, on 1 October 1977 a joint US–Soviet statement on the Middle East was made by US Secretary of State Vance and Soviet Foreign Minister Gromyko. A vituperative

attack on this statement by Begin's government showed they were totally opposed to a reconvening of any Geneva Conference. This view was reinforced by the Jewish community in the US. Also President Sadat of Egypt had private doubts about yet further involvement of the Soviet Union, then Egypt's main arms supplier, and was trying to back away from Egypt being seen as part of a Soviet sphere of influence. President Carter had also wisely sent Sadat a handwritten note towards the end of October appealing for a bold and statesmanlike move to help overcome the hurdles to the Geneva process.

On 13 November 1977, after some private diplomacy between Egypt and Israel, Menachem Begin invited Sadat to come to Israel, and on 18 November Sadat flew into Israel to propose a world summit in East Jerusalem to be attended by Syria, Jordan, Egypt and the PLO with the US, Soviet Union, China, France and the UK. That proposal was soon dropped in favour of the start of a dialogue between Sadat and Begin, but it had merit then and it could yet have merit forty years later.

Experience over the last 24 years shows that US Presidents Clinton, George W. Bush and Obama – all second-term Presidents – when they are meant to have more scope to influence the Israeli government have not been politically capable of exercising sustained authority to force a compromise. The UN, Russia and the EU were for much of this time corralled into the so-called Quartet with the US, making it hard for the UK or France to take independent positions. Attempts were made to improve the economy of the Palestinian Arab areas by the appointment of special envoys as representatives of the Quartet. The first was the previous head of the World Bank, James Wolfensohn, who initially did well but stepped down after a year because of restrictions in dealing with Hamas and the withholding of money from the Palestinian Authority. Initial objections were made by Russia to the second envoy, Tony Blair, as to the scope of his authority. But Blair's views on potential military action against Iran in light of its nuclear programme – a matter totally outside his remit – helped neither the Palestinians' relations with him nor the British government, who did not agree with his views. Attacks from southern Lebanon, Gaza and the West Bank continued into Israeli-held territory. A high wall has been built between the two potential states by Israel, highlighting the image of irreconcilability but perhaps only temporarily leading to some diminution in attacks.

During much of this time the Israeli government, but not many of their key strategic commanders, wanted the US to help them bomb Iran. Fortunately, that resistance from the Israeli military and intelligence community has so far succeeded in preventing any such pre-emptive military action. It is to the credit of President George W. Bush that he made it publicly clear in the transitional period of the incoming President Obama that he had refused the request of the then Prime Minister Olmert, making it easier for President Obama to also refuse Prime Minister Netanyahu.

A fresh approach has to take account of two dramatic changes in the recent politics of the Middle East. The first was in the summer of 2015 when Assad during a visit to Moscow warned President Putin that the road link between Damascus and the

Mediterranean was in danger of being blocked militarily by rebel forces, and Putin responded swiftly and intelligently. In September 2015, the Russian naval base, which was at place since 1971, was quickly reinforced by adapting a nearby Syrian airfield, and Russian planes began a bombing campaign to tilt the balance back in favor of Assad, while claiming you were going primarily to attack ISIS [1]. Russia was obviously now going to control an area of Syria in the west like the Turks had wanted to do in the east. President Obama should have acted at this stage very differently, for the threat to Damascus, to which your President Putin was responding, was real. Had Damascus, a multi-religious centre, not dissimilar to Jerusalem, been captured with ISIS already ensconced in the suburbs, it would have been devastating. Obama should have suggested to Putin that Russia focus on Damascus and the Alawite Mediterranean stronghold while the US would help protect Aleppo and work with Turkey to create from the air the safe haven for refugees on Syrian territory. They might not have agreed but Russia was embarking on a risky venture and did want to collaborate over ISIS. The situation in the Middle East now involves Lebanon which has created a situation where both Russia and the US must cooperate. Neither can resolve it on their own.

We can go on with Russia working in its interests and the US in theirs, but it will not deal with Iran and Saudi Arabia, the UAE and some other Arab countries are locked into the war in Yemen. Any moment war can extend to Lebanon. Take another example. NATO is in danger of losing Turkey as a member, something which would be both a grave strategic loss, and a serious political loss. In the short term you in Russia who are obviously wooing Turkey think this will help you. I doubt it will, even in the short term. There are many Muslim countries with which you have strong strategic and political links, one need only mention the «Stans». Whereas the US, the UK, France and Germany have far fewer Muslim countries not locked in conflict. Why try to reduce them? Turkey in NATO widens our perspective on the Muslim World. Narrowing that perspective will be detrimental to us, but also to you in Russia.

The other dramatic change of huge potential importance is the recent announcement by the 32-year-old Crown Prince of Saudi Arabia, Mohammed bin Salman, to create over his lifetime a new i-city Neom that will be representative of the modern Saudi Arabia. He is intent on returning Saudi Arabia to moderate Islam introducing social change in relation to women and religious change in a distancing of the government from the powerful Wahhabi sect in Saudi Arabia. Wahhabism has done huge harm to Russia – think of their attempt to destabilize Chechnya. Also to the US; think of 9/11 with 15 of the 19 perpetrators coming from Saudi Arabia and masterminded by Bin Laden on the Afghan border with Pakistan. As yet the Crown Prince has not spoken about engaging Gaza in his Neom vision but this I am sure will come and could be crucial for creating a prosperous Palestine.

A Gaza able to «breathe» across the Egyptian border could hasten the emergence of Palestine as a stable state. Hamas now accepting the Palestinian Authority personnel on Gaza's border points with Egypt and the Israeli military is a much-needed stabilising move.

There can be no stability in a Middle East with the Sunni and Shia people divided and while Iran and Saudi Arabia pursue their present enmity. Russia, the US, Europe, Israel, Palestine and Egypt can all be a crucial influence ending this divide. Firstly, the Shia-led Iraq should become ever more important. Secondly, Israel's pragmatic relations with the Alawite-led Syrian government over the decades has been important and Golan surprisingly stable. You in Russia did not make the same mistaken judgement as the US and many European governments, including the UK, that the Assad regime was likely to be overthrown by the uprising within Syria in 2011. Now Syria must be rebuilt.

In Iraq there is still the unfulfilled potential for Haider al-Abadi, the Prime Minister since 2014, to garner the confidence of the Sunnis but their disillusionment with Baghdad is growing now particularly after ISIS has been routed in Syria and Iraq, a more precise word incidentally than beaten. ISIS are moving elsewhere but are still ensconced in Sinai. The Saudis may be in the process of stepping back from their hitherto supportive role for Iraqi Sunnis which could have consequences. In Parliament, the Sunni-led grouping has 78 seats correctly proportional, dwarfed by the Shia grouping which has 182 and the Kurdish element 65 seats. Yet that Parliament is seen to be heavily influenced by Iran, more so than the government. In April next year al-Abadi will come up for re-election and he will need to win support from the Sunni group, as well as the Kurds who are alienated following al-Abadi's military action after Barzani's ill-fated referendum. Stability in Iraq is still suffering from the consequences of the US/UK de-Baathification in 2003. Under Prime Minister al-Maliki from 2006-2014 many Sunnis were further deprived of prominent jobs in the military and government; some jobs came back under al-Abadi. Financially, Sunnis ask, who is going to help rebuild Mosul? What about towns like Karma with a population of around 95,000 liberated in May 2016? Money has been promised but is yet to materialise in anything like the amounts that will be needed. Al-Abadi as a Shia will obviously want to maintain good relations with Iran but there are few signs that he wishes to be dominated by Iran. Yet short-sighted policies from Saudi Arabia, US and Europe could very easily deepen al-Abadi's dependence on Iran. Bombing Iran would be exactly the wrong way to proceed. There is no future whatever for the US, UK, France, Russia or Israel in taking sides between the Shia and the Sunni population in the Middle East. Nor is there any future for the Saudi-dominated Sunni grouping's economic and political, often illegal, actions against what some refer to as the Islamist Sunni grouping of Qatar and Turkey.

The first line of defence against the Iranian Revolutionary Guard becoming an expeditionary force beyond the boundaries of the Islamic Republic is to encourage a more moderate Iraqi Shia government to play a mainstream role in the Middle East politics.

The second line of defence is to create a Syria genuinely independent and not dominated by Iran. Can Assad be such a leader? Certainly, his father was never in the pocket of the Shah or until very recently so dependent for survival on Iran. Here the role of Russia is becoming ever more important but the most stable solution is to mo-

bilise the Middle East regionally to reject any assumption that Assad can be allowed to control the whole of Syria without defining security conditions affecting his neighbours. In Syria, a well-judged Kurdish policy could help reduce Iranian influence. As could a new push for Sunni unity. The strengthened American military in Iraq and Syria that is focussed on ISIL has work to do to help constrain Assad. How much better if that could be done as a regional policy and supported by Russia.

In that process there is no substitute for a US/Russian military dialogue and that must extend at the right time to Trump and Putin. This will be difficult given US domestic politics. It has been one of the successes of Putin's personal diplomacy in the Middle East that it has been surprisingly inclusive. Netanyahu has been frequently consulted. Russia, so far, has not fallen into the trap of being identified only with the Sunni or the Shia. Putin has also seen the Saudis and talked to Iran. All this gives me hope.

Despite much comment a permanent land bridge has not yet been established from Tehran to Beirut. Israel will not accept this. Yet the potential for the Iranian Revolutionary Guard to achieve this is considerable [3; 9]. It looked as if after his successful visit to Saudi Arabia that President Trump was determined that the US should side with Saudi Arabia's views, but that appears to have been too simplistic an assumption. US diplomacy has helped Kuwait moderate somewhat the hostility between Qatar and Saudi Arabia and the UAE. The US Secretary of State has warned about intervention in the Lebanon after the resignation of the Lebanese Prime Minister announced from Saudi Arabia. The need to continue to suppress ISIL and their associates means the American military ought to be able to continue to work closely with Russia. Much depends on President Putin and President Trump and both most recently talked at the Asia-Pacific summit held in November 2017 in Vietnam.

President Trump on Iran, instead of abandoning the Joint Comprehensive Plan of Action with Iran (JCPOA), the multilateral agreement negotiated by China, France, Germany, Russia, the UK and the US, referred the matter to the US Congress. This was a clever and wise move. Congress will recognise that the Plan is enshrined in UN Resolution 231 unanimously adopted by the UN Security Council in early 2016 and cannot just be overthrown. Congress is wisely taking their time and fixing many hearings. China is well placed to influence Congress as is the UK, France and Germany in such hearings. On Iran there are critical issues on which the US Congress will be justified in demanding progress such as missile programmes, regional responsibilities, cooperation with al-Qaeda and their stance on Israel, and more generally on human rights. What they must not do and in my opinion will not do is challenge the essence of the Plan of Action. The one forum for negotiation with the Islamic Republic of Iran that has worked for the US is this one. That forum I profoundly believe is the only way now in which Russia and the US can together work with Iran to help stabilise the Middle East. I suggest we do not need to reinvent the wheel. Work with what works.

China will not be silent on Iran. China has a very direct interest in Iranian oil and gas, as well as Saudi, Qatar and the Gulf States, coming out through the straits of

Hormuz and turning left into the Indian Ocean. Whereas in the past the US had an overriding interest in Iranian and Saudi oil turning right outside the straits, the US build up of regional and national self-sufficiency in oil and gas has made them far less dependent. China played a very constructive role in JCPOA. They do not want to see that Agreement swept away by the US. They, I hope, can be persuaded as a permanent member of the Security Council to go on using influence for a wider purpose such as over Syria, to define steps that a recognised government must accept as part of Middle East recognition. Particularly the passage of arms, on the ground or in the air, and military personnel from any country into another; whether Saudi Arabia or Israel, not just Iran to Lebanon. Here again there needs to be a dialogue between you in Russia with your naval and air facilities in the Alawite-dominated Mediterranean area only minutes flying time from Lebanon and with the UK in Cyprus as well as and the US and Israel. Some of that dialogue is already happening between the respective military in all these countries. Russian aircraft have twice breached Israel's boundary but were not shot down as they were once by Turkey. We need restraint.

In Lebanon unless there are significant checks placed on the Iranian Revolutionary Guard-Alawite-Hezbollah axis there will be war involving Israel again. The increased Shia influence in Lebanon is a reality but it risks becoming Iran dominated. Hezbollah is basically a Lebanese phenomenon though backed by Iran. They will not go away but they have to be contained. Hezbollah has fought in Syria using heavy weapons in a way they have never done in Lebanon. They are in possession of many more sophisticated missiles than they have ever had in their armoury before [2; 8].

It is logical to assume that an Iranian military presence in Lebanon is unacceptable to many countries in the Middle East. An Iranian presence on the Syrian parts of the Golan Heights is also unacceptable. The Russian surface to air missiles such as the S-300, if deployed within range of the Golan Heights is very provocative. A Russian-influenced Syrian government can be persuaded that limitations such as these must be negotiated. This must not be a purely US or Israeli demand, it must come from a Russian medium-term assessment of what is in your self interest. But, more importantly, such bans must have the authority from a consensus in the Middle East regionally. It will not be easy to achieve.

Any Iranian government lead by President Rouhani has to recognise the strength of the Iranian Revolutionary Guard. It is an industrial organisation in Iran, not just a military one. It helped save Iran during the Iran/Iraq war despite the US and Europe turning a blind eye to Iraq's use of chemical weapons. But so did the Iranian air force still flying US aircraft bought under the Shah and the Iranian naval special forces who before 1982 helped hit Iraqi military installations. Both played a crucial role in forcing Iraqi forces out of Iran.

President Rouhani, having won the Presidency for a second time, will feel he has to move very carefully. He knows the problems of rapid movement in changing policy towards the Revolutionary Guard. Yet the record shows the Islamic Revolution has

moved slowly but definitely back into a dialogue with the rest of the world [4]. That dialogue will take longer to develop than we all want. Patience is, however, an essential prerequisite for dealing with Iran.

I can only conclude with one simplistic assertion. There will be no peace in the Middle East if Russia sides with the Iran-Alawite-Hezbollah axis alone. Yet being realistic, President Putin, at the moment, has every reason to continue to focus Russian attention on that axis because he and Russia feel in their own backyard in the Ukraine that Russian interests are being ignored. The skill is for Russia to feel they have more to gain from becoming an overall peace negotiator with the US in Eastern Europe and in the Middle East as a region.

Geographical linkage is a proven diplomatic tool. Where your room for manoeuvre is limited, you trade across geographical boundaries and linkage of negotiating forums is also a proven source for compromise. There is, therefore, a very strong case for using the same combination of P5+1 (the Security Council permanent members plus Germany) that underpins the JCOPA across the Middle East and the same combination in Eastern Europe. A more prominent Chinese input, I have already shown, will help a wider Middle East strategy. The American military are feeling their way towards a joint strategy for dealing with North Korea with China while not ignoring Russia. There is much evidence that the US military are much respected by President Trump. The case for China being involved in Eastern Europe is that they are now a major global power and any forum needs balance and Russia should find some comfort in their involvement. Your two countries have also very successfully agreed your own boundary.

What about influencing Saudi Arabia? The new factor is the Crown Prince Mohammed bin Salman of Saudi Arabia. He may still be attracted to bombing Iran but he is on a rapid learning curve and I detect signs that he is realizing that a Middle East solution cannot be reached by just working with the US, also bombing Iran is no longer on anyone's agenda.

It is a Middle East interest that Iran understands that they cannot follow the path that they seem set on of a military axis from Tehran through Iraq and the Alawite in Syria to install Hezbollah in power in Lebanon. It is increasingly clear that while the military and security experts in Washington and Tel Aviv have found common ground in their forthright opposition over the last few years to a pre-emptive attack on Iran they are identifying Lebanon, in the light of what has happened in Syria, as the place to call a halt to an Iranian military presence.

There has been a chain of events starting with what the Crown Prince has done in initiating reform in Saudi Arabia, already described, and the promise of a revived economic region around Neom with Jordan and Egypt, to what has been happening in Gaza in the reconciliation of Palestinian Authority with Hamas, to developments in and around Syria over the last week. There is not in place any proven mechanism to stop an outright military confrontation between Hezbollah, Iran, Israel and Saudi Arabia.

Such a confrontation will not take place if President Putin is determined to stop it and if he is helped by President Trump and Prime Minister al-Abadi in Iraq. A genuine Middle Eastern settlement in which Russia and America act in concert would be a breakthrough. Its essential message must be that Hezbollah are not going to be allowed to control the Lebanon and a new very serious attempt must accompany that to forge a peace agreement between Israel and Palestine.

Look how rapidly things have moved. On 31 October 2017, the Israeli army blew up Islamic Jihad attack tunnels under the border of the Gaza strip. On November 1st it was reported out of Syria that the Israeli air force had bombed a Hezbollah weapons factory in central Syria and anti-aircraft missiles were fired at Israeli planes as they flew over Lebanon. The Israeli army then said it would intervene militarily to prevent the occupation of a Druze village called Khadeer in the Syrian Golan Heights, some 3km from the Israeli border that was being threatened by the Islamic Nusra Front. While the situation on the ground appears to have eased since then it is clear Israel is asserting a position on which they are likely to stick. The Lebanese Prime Minister Saad Hariri resigned during a trip to Saudi Arabia alluding to an assassination attempt. He has lived constantly with death threats and his father was assassinated when Prime Minister in 2005. He declared in Saudi Arabia – whether under pressure or not – using unequivocal terms in his TV broadcast that “Iran arms in the region will be cut off”.

There are new signs that Israel is serious about easing the horrendous humanitarian situation that has been allowed to develop in Gaza. Major General Mordechai, the coordinator of Israeli ground activities in Gaza, has called for the implementation of an equivalent of a Marshall Plan in an article with two others published by the Institute for National Security Studies. The article does not specify the source of the funding but it does not require a genius to see the potential link to the new economic region that the Crown Prince of Saudi Arabia sees developing at Neom linked with Jordan and Egypt.

Palestinian reconciliation in Gaza is the result of ongoing talks between Egypt, Hamas, the Palestinian Authority, Saudi Arabia and the UAE and it is an integral part of the Arab effort to cut Hamas off from Iran and advance the peace process. They are setting a new path in the Middle East that is both an optimistic and dangerous.

Eastern Europe

The best diplomatic response would be for Russia and the US to suggest the P5+1 nations that worked on the Iranian nuclear question, together with different personnel, should focus on the Middle East as a whole. They are used to working with Iran and Iran with them. China, already mentioned, has a greater interest than any other nation in oil and gas coming from Iran, Iraq, Saudi Arabia and all the Gulf states.

At the moment, the incentives for Russia to create strains in its relationship on the ground with Syria, Iran and the Iranian Revolutionary commander and his troops, as well as Hezbollah, are not persuasive enough. Russia will, in my view, only play the constructive role that it could in its new position, with a military airfield close

to Lebanon, if we in the other four nations in 5+1 – Germany, France, US and the UK – offer to enter with you into a constructive dialogue in the area, above all, which is of immediate concern for Russia, namely east Ukraine and Crimea. A readiness to establish formal 5+1 negotiations for the settlement of not only these boundary disputes but also involving those near Moldova, namely Transnistria. Also Georgia, Nagorno Karabakh and even perhaps Kosovo, could be a way of unblocking the present standoff in negotiating directly with Ukraine and sets the dialogue in terms of other boundary changes.

Despite a second peace agreement («Minsk II») being signed in Minsk in February 2015, the fighting has continued and economic and political sanctions remain in place against Russia, with no final resolution in sight. The role of the EU and its member states, in managing the negotiations with Ukraine on the Association Agreement and ultimately in dealing with the subsequent crisis, has come in for much justified criticism. Richard Sakwa, in his article, «The death of Europe? Continental fates after Ukraine», wrote: «The Ukraine crisis exposed the flaws in Europe's post-Cold War development... In the Ukraine crisis the EU not only proved inadequate as a conflict regulator but itself became the source of conflict. The EU's ill prepared advance into what was always recognized to be a contested neighborhood provoked the gravest international crisis of our era, but once the crisis started Europe was sidelined»[7].

The UK's role has also been minimalist. Despite its position as a signatory of the Budapest Memorandum, the UK has not had any real role in trying to find a solution to the crisis. Germany and France have taken the lead in Europe helped by Poland. A House of Lords report highlighted this: «As one of the four signatories of the Budapest Memorandum (1994), which pledged to respect Ukraine's territorial integrity, the UK had a particular responsibility when the crisis erupted. The government has not been as active or as visible on this issue as it could have been». Playing a key role in reaching a resolution to this crisis and developing a new relationship with Russia must form a key plank in any UK foreign policy outside of the EU. It will be by no means easy.

Finding a common approach will require patience and there are likely to be disruptions on the way. The US will not like making any concessions, as they will see them, to Russia over the boundaries of NATO. Yet NATO has made a number of moves to recognize Russia's special position, such as the establishment of the NATO–Russia Council, and bringing Yeltsin's Russia into the G8. Accepting Russia as a major player does not mean acquiescing to every Russian demand; however, it does require a much greater level of genuine engagement on Russian concerns and some greater limits set on NATO expansion than has been the case in the recent past. Patiently, persuasively and persistently in the P5+1 on Eastern Europe and on the Middle East deals can be made that balanced across these two separate regions could help to rebuild the relationship between Russia and the US and involve Iran in the context of Russian help in stabilizing the Middle East.

We in the UK as part of NATO, meanwhile, will continue to deploy 800 troops in Estonia where present tensions continue. Prime Minister May's comments in her

speech to the Republican Party conference in January 2017 provide a good starting point for the rebuilding of the UK's relationship with Russia: «There is nothing inevitable about conflict between Russia and the West. And nothing unavoidable about retreating to the days of the Cold War. But we should engage with Russia from a position of strength. And we should build the relationships, systems and processes that make co-operation more likely than conflict – and that, particularly after the illegal annexation of Crimea, give assurance to Russia's neighboring states that their security is not in question»⁵.

The scope of P5+1 negotiations would primarily establish a new international map of the many controversial boundaries in the areas already spelt out. Possible confidence-building agreements should be considered so as to help ensure there are no violations. The tensions on either side of any new borders must be addressed. These limited P5+1 negotiations would be a first step. They will hopefully lead on to negotiations on specific bilateral nuclear and conventional weapon reductions, military exercises and conventional force reductions and limitations in both regions. The boundary questions should not take long to conclude, the issues are known to all countries whose territory will be discussed. They must be fully represented in any specific negotiation on their boundaries. The process should be time limited from the start to run for no more than a year. Existing sanctions could be temporarily, partially or totally lifted as negotiations proceeded.

The *Times* of London editorial on 13 November «War Drums. The Hezbollah terror group is destabilizing the Middle East at the behest of Iran» is blunt⁶. We are on the threshold of another war in the Middle East involving Lebanon and the surrounding countries. We are already in a war in the Ukraine that has cost over 10,000 lives and could have cost many thousands more. There is war in the Yemen. With cooperation, generals and diplomats in Moscow and Washington can do much to defuse both conflicts and in the process help lay the foundations for a regional settlement between Israel and Palestine. We need Presidents Putin and Trump to authorize this process and the sooner the better and start to develop a measure of regard for each other's domestic arrangements. They will not repair all the strains and stresses quickly, but a civilized dialogue can and must be restored.

References

1. Allison R. Russia and Syria: explaining alignment with a regime in crisis. *International Affairs*, 2013, no. 89, pp. 795–823.
2. Blanga Y.U. Saudi Arabia's Motives in the Syrian Civil War. *Middle East Policy*, 2017, no. 24, pp. 45–62.
3. Esfandiary D., Tabatabai A. Iran's ISIS policy. *International Affairs*, 2015, no. 91, pp. 1–15.
4. Ismail M. Iran's Nuclear Program: Regional Implications and Possible Outcomes. *Asian Politics & Policy*, 2015, no. 7, pp. 245–263.

⁵ Prime Minister's speech to the Republican Party conference 2017. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gov.uk/government/speeches/prime-ministers-speech-to-the-republican-party-conference-2017> (дата обращения: 01.12.2017).

⁶ War Drums. The Hezbollah terror group is destabilising the Middle East at the behest of Iran. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.thetimes.co.uk/article/war-drums-zvx5ts5kj> (accessed: 1.12.2017)

5. Monaghan A. *The New Politics of Russia. Interpreting Change*. Manchester, Manchester University Press, 2016. 184 p.
6. Owen D., Ludlow D. *British Foreign Policy After Brexit: An Independent Voice*. London, Biteback Publ., 2017. 356 p.
7. Sakwa R. The death of Europe? Continental fates after Ukraine. *International Affairs*, 2015, no. 91, pp. 553–579.
8. Schmierer R.J., Jeffrey J.F., Nader A., Nazer F. The Saudi-Iranian Rivalry and the Obama Doctrine. *Middle East Policy*, 2016, no. 23, pp. 5–30.
9. Wastnidge E. Iran and Syria: An Enduring Axis. *Middle East Policy*, 2017, no. 24, pp. 148–159.
10. Wolff A.T. The future of NATO enlargement after the Ukraine crisis. *International Affairs*, 2015, no. 91, pp. 1103–1121.

About the author:

David Owen – former British Foreign Secretary, Member of The House of Lords of the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland. The House of Lords, London SW1A 0PW, United Kingdom.

E-mail: davidowen@lorddavidowen.co.uk.

РОССИЯ И ЗАПАД: «ДОРОЖНАЯ КАРТА» СОТРУДНИЧЕСТВА ЧЕРЕЗ УВЯЗКУ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ ИНТЕРЕСОВ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ И В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ

Лорд Дэвид Оуэн

DOI 10.24833/2071-8160-2017-6-57-116-131

Палата лордов Соединённого Королевства Великобритании и Северной Ирландии

В статье рассматривается современное состояние отношений России и Запада. Автор анализирует данные отношения с точки зрения долгосрочных тенденций, выявляет причины растущей напряжённости между Россией и Западом. Расширение НАТО автор считает просчётом западных стран, который внес значительный вклад в существующую напряжённость. Признание данного факта означает, что нынешняя стратегия Запада в отношении России нуждается в доработке.

Автор считает, что отношения между Россией и Западом должны анализироваться с точки зрения глобальной политической динамики, а не региональной, прежде всего европейской (и связанной с НАТО). Другими словами, огромные перемены происходят на Ближнем Востоке, и это имеет значение для учёных и политиков. Первым крупным сдвигом в глобальном политическом ландшафте можно считать недавнее сближение Сирии и России, которое изменило не только ход гражданской войны в Сирии, но и глобальную борьбу с терроризмом. Второй крупный сдвиг произошёл в Саудовской Аравии, где к власти пришло более умеренное руководство.

Автор предлагает дипломатический формат «5+1» для улучшения отношений между Россией и Западом, в который могут войти США, крупные европейские государства и Россия. Однако главная проблема заключается не в формате переговоров, а в их содержании. По мнению автора, Россия могла бы стать посредником между суннитами и шиитами на Ближнем Востоке. Цель переговоров – восстановление государственного управления в Сирии при одновременном сдерживании Ирана в регионе. В свою очередь, Запад может быть более гибким в конфликтах на постсоветском пространстве.

Ключевые слова: дипломатия, Запад, Россия, Ближний Восток, посредничество.

Список литературы

1. Allison R. Russia and Syria: explaining alignment with a regime in crisis // *International Affairs*. 2013. No. 89. Pp. 795–823.
2. Blanga Y.U. Saudi Arabia's Motives in the Syrian Civil War // *Middle East Policy*. 2017. No. 24. Pp. 45–62.
3. Esfandiary D., Tabatabai A. Iran's ISIS policy // *International Affairs*. 2015. No. 91. Pp. 1–15.
4. Ismail M. Iran's Nuclear Program: Regional Implications and Possible Outcomes // *Asian Politics & Policy*. 2015. No. 7. Pp. 245–263.
5. Monaghan A. *The New Politics of Russia. Interpreting Change*. Manchester, Manchester University Press, 2016. 184 p.
6. Owen D., Ludlow D. *British Foreign Policy After Brexit: An Independent Voice*. London, Biteback Publ., 2017. 356 p.
7. Sakwa R. The death of Europe? Continental fates after Ukraine // *International Affairs*. 2015. No. 91. Pp. 553–579.
8. Schmierer R.J., Jeffrey J.F., Nader A., Nazer F. The Saudi-Iranian Rivalry and the Obama Doctrine // *Middle East Policy*. 2016. No. 23. Pp. 5–30.
9. Wastnidge E. Iran and Syria: An Enduring Axis // *Middle East Policy*. 2017. No. 24. Pp. 148–159.
10. Wolff A.T. The future of NATO enlargement after the Ukraine crisis // *International Affairs*. 2015. No. 91. Pp. 1103–1121.

Об авторе:

Дэвид Оуэн – бывший глава МИД Великобритании, член Палаты лордов. SW1A 0PW, Лондон, палата лордов. E-mail: davidowen@lorddavidowen.co.uk.

ИСЛАМСКАЯ ЭКОНОМИКА В «ИСЛАМСКОМ ГОСУДАРСТВЕ»?

Р.И. Беккин

Институт Африки РАН

Принципы исламской экономики были сформулированы во второй половине 1940-х гг. учёными из Египта и Британской Индии. В 1970–1980-х гг. в ряде государств (Судане, Иране и Пакистане) были предприняты попытки исламизировать собственные финансовые системы. Однако во всех трёх странах эксперимент оказался неудачным. В дальнейшем в мусульманском мире уже не предпринимались попытки построить финансовую систему на принципах исламской экономики и финансов, однако интерес к применению отдельных институтов исламской экономики не угас.

В статье рассматривается опыт реализации принципов исламской экономической доктрины при формировании «государственного» бюджета в террористическом образовании «Исламское государство» (ИГ)¹. Автор анализирует вопрос, в чём состоят принципиальные различия между теоретическими построениями исламской экономики и их практической реализацией на территориях, подконтрольных ИГ. Фактически ИГ реализует совершенно иную концепцию исламской экономики и исламских финансов (фундаменталистскую), чем та, к применению которой стремились в целом ряде мусульманских стран (модернистскую). Рассматривая опыт применения исламской экономики в «Исламском государстве», автор статьи развивает свой тезис, высказанный в его ранних публикациях, о том, что не существует единой универсальной исламской экономической доктрины, которая могла бы с некоторыми модификациями применяться в любом обществе и в любой юрисдикции. Более того, различные интерпретации экономических положений шариата могут вступать в серьёзное противоречие друг с другом. На это, в частности, указывает опыт ИГ, где с помощью дозволенных мусульманским правом институтов пытаются легализовать незаконную с точки зрения шариата деятельность. Другой важной особенностью финансовой политики в ИГ является незначительный интерес к современным исламским финансовым институтам: банкам, страховым (*такафул*) компаниям и др. Автор объясняет это следующим: в своей попытке построить халифат, идеологи ИГ и их последователи следуют тра-

УДК 339.74, JEL A310

Поступила в редакцию 13.09.2017 г.

Принята к публикации 01.10.2017 г.

¹ Здесь и далее: организация, запрещённая в РФ.

диционалистской схеме, в которой нет места институтам, неизвестным в VII-XIII вв. Для традиционалистов такие институты, как исламские банки и др., сформировавшиеся во второй половине XX столетия, являются зачастую недозволенными нововведениями.

Ключевые слова: «Исламское государство», исламская экономика, закят, джизья, золотой динар.

Исламская экономика и её финансы как наиболее значимая часть исламской экономической модели [6] вызывают повышенный исследовательский интерес не только в мусульманском мире. Работы, посвящённые данной проблематике, можно условно разделить на три группы: 1) те, в которых затрагиваются теоретические аспекты исламской экономики [20; 21; 22]; 2) рассматривающие технические вопросы имплементации отдельных финансовых институтов и инструментов с правовой точки зрения [14; 17]; 3) изучающие опыт применения исламской экономической модели в отдельных странах [13; 15; 19]. Особого внимания, на наш взгляд, заслуживают исследования, относящиеся к последней группе. Сравнительный анализ экономической и правовой ситуации в разных странах, где действуют институты исламской экономики, позволяет прийти к пониманию того, каковы перспективы у исламской экономической модели в рамках мировой экономики.

Рассматривая опыт применения принципов исламского финансирования на практике, автор этих строк часто задавался вопросом: почему они так и не были реализованы в полной мере ни в одном государстве? В конце 1970-х – первой половине 1980-х лишь в трёх странах в мире – Пакистане, Иране и Судане – был предпринят эксперимент по «исламизации» собственных финансовых систем [2; 3; 4; 16]. Это выражалось, в частности, в запрете банкам использовать основанные на ссудном проценте инструменты. Реформами была затронута и налоговая сфера. В качестве государственного налога вводился *закят* (в Судане и Пакистане).

Однако эксперимент по «исламизации» оказался не вполне удачным. Так, уже к концу 1980-х гг. Иран отказался от попыток построения исламской экономики в отдельно взятой стране. В 2001 г. Верховный суд окончательно снял с повестки дня вопрос об «исламизации» финансовой системы Пакистана.

В Судане после падения режима Дж. Нимейри в 1985 г. строительство исламской экономики было приостановлено. Однако в 1992 г. политика «исламизации» была возобновлена. Единство монистической исламской финансовой системы в Судане было нарушено после Всеобъемлющего мирного соглашения по Южному Судану 2005 г. На Юге – вплоть до провозглашения независимости Южного Судана в 2011 г. – исламские банки не функционировали [11, с. 185-187]. Таким образом, на сегодняшний день Судан является единственной в мире

страной, где формально действует безальтернативная монистическая модель исламских финансов. Одним из главных признаков этой модели является поэтапный или единовременный отказ всех банков в государстве от использования ссудного процента в своих операциях [6, с. 224-225].

Ключевым фактором, повлиявшим на судьбу реформ по «исламизации» финансового сектора, являлась политическая целесообразность. Стремление разыграть «исламскую карту» и желание опереться на определённые влиятельные группы общества, выступавшие за усиление роли ислама и шариата, подвигли правительства Пакистана и Судана начать политику «исламизации» в финансовой сфере. Когда стало понятно, что внедрение исламского банкинга в качестве безальтернативной банковской системы препятствует интересам определённых влиятельных групп, реформы по «исламизации» финансового сектора были свернуты. При этом и Пакистан, и Судан всё же смогли получить дивиденды от попыток внедрения исламской экономической модели в виде инвестиций от арабских монархий Персидского залива. Несколько сложнее обстояло дело в Иране. Здесь на судьбу исламской экономики также оказала влияние политическая и экономическая ситуация в стране, находившейся в состоянии войны с Ираком. Но большее значение имел и богословско-юридический аспект рассматриваемой проблемы.

Ранее, мной были выделены два подхода в вопросе реализации принципов исламской экономики [5]. Первый подход подразумевает, что принципы и механизмы исламской экономической модели могут найти применение практически в любой юрисдикции. Степень «применимости» такой экономики (или точнее исламской финансовой системы) зависит от профессионализма специалистов по финансовому инжинирингу, их способности разработать банковские и иные продукты, в основе которых лежат соответствующие методы финансирования. Второй подход означает, что построить исламскую финансовую систему можно только в исламском государстве или обществе.

Мы условно назвали первый подход «суннитским», потому что он нашел наибольшее применение именно в суннитской среде. Второй подход был обозначен как «шиитский», потому что именно среди шиитов джафарицкого *мазхаба* возобладало понимание экономики как (в первую очередь) одного из средств сближения с Аллахом и механизма реализации религиозной морали, а не как инструмента удовлетворения потребностей человека.

В упомянутой выше статье мы также развивали тезис о том, что не существует единой исламской экономики, универсальной для любого мусульманского сообщества [5]. Применение принципов ислама в экономике может принимать разные формы, которые зависят от целого ряда факторов, в т.ч. правовой системы, господствующей богословско-правовой школы, политического режима и др.

К сожалению, данный тезис не поняли или не услышали авторы многочисленных статей по проблематике исламской экономики и исламских финансов,

появившихся за последние несколько лет на русском языке. Они продолжают рассматривать исламскую экономическую модель как нечто монолитное, динамично развивающееся, но исключительно в заданном формате. Тезис о том, что такое понимание исламской экономики является, по меньшей мере, упрощённым и даже вульгарным, мне хотелось бы проиллюстрировать на одном важном примере – т.н. «Исламского государства».

Коль скоро исламская экономика является универсальной теорией развития для мусульманского мира, то вполне ожидаемо, что террористическое образование, возникшее в 2006 г. и поставившее себе задачу строительство халифата (с 2014 г.) должно было в скором времени озаботиться вопросом применения исламских принципов финансирования на практике. Однако на деле всё вышло несколько по-иному. На территориях, контролируемых ИГ, действительно были созданы некоторые исламские финансовые институты. Рассмотрим далее, что они собой представляли и насколько соотносились с тем, что в наши дни принято понимать под исламской экономикой и финансами.

В докладе Международного центра по изучению радикализации и политического насилия, по данным на 2016 г., перечислены шесть основных источников формирования бюджета ИГ: 1) налоги и платежи, 2) природные ресурсы, 3) выкуп за похищенных людей, 4) торговля антиквариатом, 5) иностранная помощь, 6) грабежи, конфискации и штрафы².

Взяв за основу данный перечень, мы посчитали необходимым изменить структуру и порядок расположения статей дохода при формировании бюджета «Исламского государства».

1) Исламские налоги и сборы. По данным на 2016 г., налоговые поступления в бюджет ИГ составили 200-400 млн дол. США в год (аналогичный показатель за 2015 г. составил 400-800 млн)³. Одним из ключевых налогов, взимаемых на территории, контролируемой ИГ, является *закят*. *Закят*, согласно исламскому вероучению, представляет собой обязательную очистительную милостыню, которую обязан выплачивать каждый дееспособный мусульманин. В большинстве мусульманских стран в современном мире *закят* не является государственным налогом: его сбором и распределением занимаются неправительственные организации. Но даже в тех странах, где *закят* был объявлен государственным налогом, он не стал стержнем налоговой системы и выступает лишь как разновидность традиционного налога с имущества [7, с. 480-481]. Стандартная ставка *закята* составляет 2,5%, однако на территории ИГ она достигает 10% – независимо от облагаемого актива⁴. По той же ставке рассчитывается другой

² Heißner S., Neumann P.R., Holland-McCowan J., Basra R. Caliphate in Decline: An Estimate of Islamic State's Financial Fortunes (2017). [Электронный ресурс]. URL: <http://icsr.info/wp-content/uploads/2017/02/ICSR-Report-Caliphate-in-Degradation-An-Estimate-of-Islamic-States-Financial-Fortunes.pdf> P. 7. (дата обращения: 01.12.2017)

³ Ibid.

⁴ Jones S. Diverse funding and strong accounting give Isis unparalleled wealth // Financial Times. 2014. 22 June. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ft.com/content/21e8c922-f95d-11e3-bb9d-00144feab7de> (дата обращения: 01.12.2017).

исламский налог, считающийся разновидностью *закята*, – ‘*ушр* (буквально: десятая). Взимается в ИГ и *джизья* – подушная подать с иноверцев, обладающих определённым достатком. Это также известный классическому исламу налог. Её размер менялся на протяжении веков. В обмен на уплату *джизьи* исламское государство обязано было предоставлять защиту налогоплательщикам-мусульманам и обеспечивать их безопасность. Однако такого, как известно, не происходит на территориях, контролируемых ИГ. Несмотря на то, что согласно Сунне, допустимо взимать подушную подать и с многобожников, в ИГ *джизья* взимается только с Людей Писания.

Таким образом, несмотря на использование исламских по своей природе налогов, в ИГ нарушаются богословско-правовые основания, регулирующие вопросы их взимания и распределения. Так, одним из главных принципов при сборе и распределении *закята* является правило, что очистительная милостыня должна распределяться в той местности, где она собрана. На практике же *закят* направляется на финансирование террористической деятельности и не расходуется на цели, чётко сформулированные в Коране, за исключением лишь своеобразно понимаемой статьи расходов «на пути Аллаха». Похожая картина с использованием термина *закят* для обозначения принудительных сборов на неблагоприятные цели была отмечена и на территории России. А.А. Ярлыкапов подчёркивал, что ещё в 2000-е гг. бизнесмены на Северном Кавказе облагались «налогом» в размере 2,5% от общего имущества. Предприниматель получал письмо, в котором ему предлагалось уплатить данный налог [12, с. 339]. Иными словами, теневая экономика для своей легитимизации в глазах верующих облекается в исламскую терминологию.

2) Неисламские налоги, сборы и другие обязательные платежи. Одним из источников пополнения бюджета служит налог с зарплат лиц, работающих как в частном секторе, так и в условной бюджетной сфере. Данный налог может варьироваться от 10 до 50%. Значительные пополнения до недавнего времени также давали таможенные сборы, взимаемые с транспорта, въезжающего на территорию, контролируемую ИГ. По данным на 2015 г., такие сборы составляли в среднем 500 дол. США с каждого транспорта⁵. Неисламские налоги с дозволенных товаров и видов деятельности были введены уже в правление халифа ‘Умара (634-644) и впоследствии были признаны мусульманскими правоведами как соответствующие шариату.

3) Торговля сырой нефтью. По данным на 2016 г., поступления от продажи нефти составили 200-250 млн дол. США в год⁶. Согласно Сунне Пророка природные ресурсы принадлежат всей мусульманской общине и потому доход от их продажи должен справедливо распределяться между верующими [8].

⁵ ISIS Financing in 2015 [Электронный ресурс]. URL: <http://cat-int.org/wp-content/uploads/2016/06/ISIS-Financing-2015-Report.pdf> P. 15. (дата обращения: 01.12.2017).

⁶ Heißner S., Neumann P.R., Holland-McCowan J., Basra R. Caliphate in Decline: An Estimate of Islamic State's Financial Fortunes (2017) [Электронный ресурс]. URL: <http://icsr.info/wp-content/uploads/2017/02/ICSR-Report-Caliphate-in-Decline-An-Estimate-of-Islamic-States-Financial-Fortunes.pdf> P. 8. (дата обращения: 01.12.2017).

4) **Получение выкупа за похищенных людей.** Данная статья доходов составила по данным на 2016 г. от 10 до 30 млн дол. США⁷. Объектом похищения становятся гражданские лица, не участвующие в боевых действиях, что является грубым нарушением правил ведения войны по шариату.

5) **Продажа антикварных предметов, добытых в результате разграбления памятников искусства и культуры.** Кроме того, ИГ выдаёт платные лицензии чёрным археологам и взимает плату за право вывоза добытых артефактов⁸. Объём поступлений по данной категории точно не известен.

6) **Грабежи, конфискации и штрафы.** Приблизительный объём поступлений в данной группе составил в 2016 г. от 110 до 190 млн дол. США в год⁹. Материальные ценности, попадающие в руки ИГ, рассматриваются в качестве военной добычи (*ганима*). Объектом грабежа становятся также денежные средства. Так, после взятия города Мосула в руки ИГ попала значительная по своим объёмам наличность, хранившаяся в городских банках, в т.ч. в филиале центрального банка Ирака (425 млн дол.)¹⁰. Конфискации подлежат имущество противников режима, которое затем продаётся на рынке, а доход от продажи поступает в бюджет ИГ. То, что рассматривается в качестве военной добычи, не всегда может считаться таковой с точки зрения большинства мусульманских правоведов. Штрафы на территории ИГ взимаются, помимо прочего, за нарушение положений шариата и могут составлять солидную сумму – до 500 дол.¹¹.

7) **Иностранная помощь.** Эксперты отмечают, что внешняя помощь составляет незначительную часть доходов ИГ и не превышает 5%¹². Однако не поддаются контролю денежные средства, поступающие через неформальную систему денежных переводов *хавалья* [9]. Принципиальное отличие ИГ от «Аль-Каиды» состоит в том, что последняя в огромной степени зависела от внешней помощи. «Исламское государство» же опирается на самофинансирование.

Рассмотренные выше статьи формирования бюджета ИГ позволяют нам сделать несколько важных выводов:

– формально значительная часть получаемых ИГ доходов не противоречит принципам шариата и представляет собой традиционные источники пополнения бюджета с точки зрения мусульманско-правовой доктрины. Однако сама практика применения исламских финансовых институтов на территориях, кон-

⁷ Ibid.

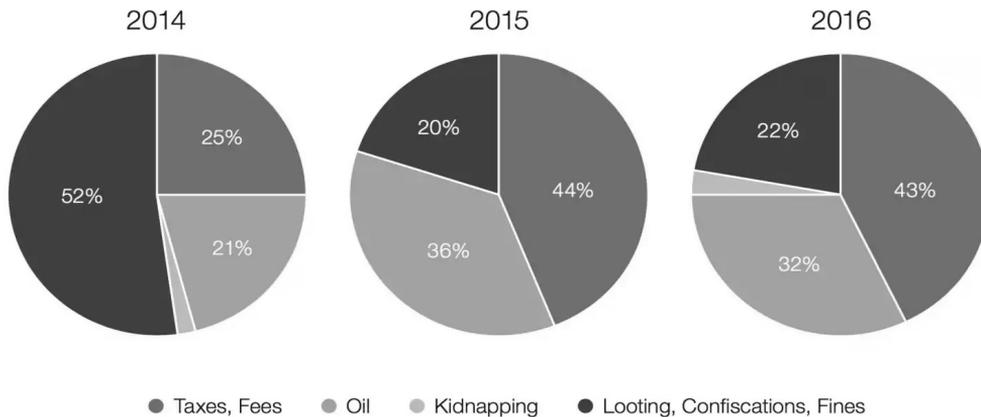
⁸ Ibid.

⁹ Ibid.

¹⁰ ISIS just stole \$425 million, Iraqi governor says, and became the 'world's richest terrorist group' [Электронный ресурс]. URL: www.washingtonpost.com/news/morning-mix/wp/2014/06/12/isis-just-stole-425-million-and-became-the-worlds-richest-terrorist-group/?utm_term=.9f2d84885ae4 (дата обращения: 01.12.2017).

¹¹ ISIS Financing in 2015. [Электронный ресурс]. URL: <http://cat-int.org/wp-content/uploads/2016/06/ISIS-Financing-2015-Report.pdf> P. 17. (дата обращения: 01.12.2017).

¹² Noak R. The Islamic State's 'business model' is failing, study says // Washington Post. 17.02.2017. [Электронный ресурс]. URL: www.washingtonpost.com/news/worldviews/wp/2017/02/17/the-islamic-states-business-model-is-failing-study-says/?utm_term=.ecd814212183 (дата обращения: 01.12.2017).

Рис. 1. Удельный вес различных источников в формировании доходов «Исламского государства»¹³.

Fig. 1. Share of various sources of the “Islamic state” budget.

тролируемых ИГ, зачастую связана с грубым нарушением принципов мусульманского права, лежащих в их основе.

– В «Исламском государстве» действительно были созданы некоторые институты исламской экономики, но лишь те, которые существовали ещё во времена Пророка и его сподвижников. Что касается исламских банков, страховых (*такафул*) компаний и других современных финансовых институтов, то они де-факто не были созданы, несмотря на декларируемые намерения¹⁴.

Причина отсутствия большого интереса к современным исламским финансам со стороны ИГ, на наш взгляд, состоит в следующем. В своей попытке построить халифат, идеологи ИГ воспроизводят традиционалистскую схему, в которой нет места институтам, неизвестным в VII–XIII вв. Для традиционалистов такие институты как исламские банки и др., сформировавшиеся во второй половине XX столетия, – нововведения.

При этом несправедливо будет говорить о «правильной» и «неправильной» исламской экономике. На наш взгляд, речь идёт лишь о разных интерпретациях принципов ведения хозяйственной деятельности в соответствии с шариатом. Одна из них (та, что применяется на территории, контролируемой ИГ) базируется на фундаменталистском¹⁵ понимании того, как должно работать соответ-

¹³ Heißner S., Neumann P.R., Holland-McCowan J., Basra R. Caliphate in Decline: An Estimate of Islamic State's Financial Fortunes // The International Centre for the Study of Radicalisation and Political Violence. 2017. [Электронный ресурс]. URL: <http://icsr.info/wp-content/uploads/2017/02/ICSR-Report-Caliphate-in-Decline-An-Estimate-of-Islamic-States-Financial-Fortunes.pdf> (дата обращения: 01.12.2017).

¹⁴ Так, после взятия Мосула войсками ИГ обсуждался вопрос о создании на базе одного из крупнейших банков, попавших в руки террористов, исламского финансового учреждения. Однако банк, насколько нам известно, так и не был создан.

¹⁵ «Под религиозным фундаментализмом следует понимать концепцию возврата к первоначальной чистоте веры, к её истокам или к изначальной ортодоксально-богословской (доктринальной) основе вероучения, сложившейся на базе санкционированного наиболее авторитетными средневековыми богословско-юридическими школами толкования священных текстов» [10, с. 77].

ствующее шариату народное хозяйство. Другая (представленная сторонниками концепции исламской экономики) базируется на модернистском взгляде на природу экономических отношений в обществе. Обе интерпретации не являются, строго говоря, антагонистичными, они лишь ставят разные акценты. Так, для фундаменталистов приоритетным является воссоздание исламской налоговой системы, в том виде, в котором она существовала «во времена праведных предков», и возвращение к системе биметаллизма (золотого динара и серебряного дирхама).

Знаковым явлением для понимания идеологических основ финансовой системы в фундаменталистском разрезе стала неудачная попытка введения в качестве валюты ИГ золотого динара. Сообщения об этом появились ещё в 2014 г. и, наконец, летом 2016 г. были отчеканены золотые динары¹⁶. Предполагалось, что золотой динар выступит в качестве финансового оружия, призванного подорвать финансовую мощь США и их союзников¹⁷. Однако было очевидно, что золотой динар не станет полноценной валютой в ИГ, поскольку большую часть денежных операций как на территории «Исламского государства», так и вне его осуществляется в американских долларах. Однако если абстрагироваться от практических аспектов валютной политики ИГ, то с идеологической точки зрения проект золотого динара является не дополнением к концепции исламской экономики, а прямой альтернативой ей¹⁸.

Для модернистов же во главе угла стоит формирование конкурентоспособной финансовой системы, которая могла бы выступить в качестве альтернативы традиционным (неисламским) финансовым институтам и инструментам. Что касается налоговой сферы, то эта проблематика интересует модернистов преимущественно в контексте налогообложения на рынке исламских финансовых услуг. Не видят они смысла и в возвращении к золотому динару, поскольку данная валюта затруднит и без того непростую жизнь исламских банков и других финансовых институтов.

Таким образом, ответ на вопрос о том, можно ли применить исламскую экономику в отдельно взятой стране, поставленный в заголовке статьи, не имеет и не может иметь однозначного ответа. Все зависит от того, что понимает под исламской экономикой спрашивающий. Для одних это – вопрос богословский, для других – экономический.

¹⁶ Daftari L. ISIS introduces 'Golden Dinar' currency, Hopes it will collapse U.S. dollar // Foreign desk news. 06.07.2016. [Электронный ресурс]. URL: www.foreigndesknews.com/world/middle-east/isis-introduces-golden-dinar-currency-hopes-will-collapse-u-s-dollar (дата обращения: 01.12.2017).

¹⁷ Ibid.

¹⁸ Идеолог проекта 'Умар Вадильо выступает с жёсткой критикой концепции исламской экономики как несоответствующей шариату. Подробнее о проекте золотого динара см. [1; 18].

Список литературы

1. Беккин Р.И. Золотой динар – вызов мировой финансовой системе или утопия? // Проблемы современной экономики. 2010. № 3 (35). С. 213-218.
2. Беккин Р.И. Иран: опыт исламизации экономики // Центральная Азия и Кавказ. 2006. № 4 (46). С. 169-176.
3. Беккин Р.И. Исламская экономика в Пакистане // Проблемы современной экономики. 2007. № 4 (24). С. 390-394.
4. Беккин Р.И. Исламская экономика в Судане // Проблемы современной экономики. 2007. № 3 (23). С. 446-447.
5. Беккин Р.И. Исламская экономика: универсальная теория развития или одна из моделей третьего пути? // Восток (Oriens). 2012. № 5. С. 99-112.
6. Беккин Р.И. Исламская экономическая модель и современность. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Изд. дом Марджани, 2010. 367 с.
7. Беккин Р.И. Исламские налоги как эффективный инструмент решения социально-экономических проблем в местах компактного проживания мусульман в России // Проблемы современной экономики. 2009. № 3 (31). С. 480-481.
8. Беккин Р.И. Право собственности на природные ресурсы в мусульманском праве (на примере четырех суннитских мазхабов) // Международное право = International Law. 1999. № 2. С. 73-82.
9. Беккин Р.И. Трансграничные денежные переводы: история и современность (на примере хавали) // Проблемы современной экономики. 2007. № 4 (24). С. 376-380.
10. Левин З.И. Очерки природы исламизма. М.: ИВ РАН, 2014. 124 с.
11. Прудникова Ю.О. Исламский финансовый сектор в Судане: до и после отделения Юга // Проблемы современной экономики. 2012. № 1 (41). С. 185-187.
12. Ярлыкапов А.А. Роль ислама в формировании экономического сознания и поведения мусульман // Культура и экономическое поведение. М., 2011. С. 330-346.
13. Behdad S. A Disputed Utopia: Islamic Economics in Revolutionary Iran // Comparative Studies in Society and History. 1994. Vol. 36 (4). Pp. 775-813.
14. Bekkin R. The Experience and Challenges of Islamic Insurance in the Post-Soviet Space: Case Studies of Russia and Kazakhstan // Kyoto Bulletin of Islamic Area Studies. 2015. No. 8, March. Pp. 141-154.
15. Gimigliano G. Investigating Islamic banking in Italy // International Journal of Islamic and Middle Eastern Finance and Management. 2016. Vol. 9(3). Pp.364-387.
16. Hearn B., Piesse J., Strange R. The role of the stock market in the provision of Islamic development finance: Evidence from Sudan // Emerging Markets Review. 2011. Vol. 12(4). Pp.338-353.
17. Herwany A., Febrian E., Imam Buchari. Greece Financial Crises and Sukuk Markets: Experience From Gulf Countries // Al-Iqtishad: Jurnal Ilmu Ekonomi Syariah. 2016. Vol. 9(1). Pp.95-106.
18. Muchammad Ichsan. The Use of Gold Dinar and Silver Dirham in Moslem Countries in the Contemporary Era // Jurnal Media Hukum, 2017. Vol. 24(1). Pp.35-41.
19. Rudnyckyj D. Islamic Finance and the Afterlives of Development in Malaysia // Political and Legal Anthropology Review. 2014. Vol. 37(1). Pp. 69-88.
20. Rudnyckyj D. Islamizing finance: From magical capitalism to a spiritual economy // Anthropology Today. 2016. Vol. 32 (6). Pp.8-12.
21. Salman A. The Libertarian Character of the Islamic Economy // Economic Affairs, February 2013. Vol. 33 (1). Pp.108-118.
22. Zygan M. Islam and economy // Współczesne Problemy Ekonomiczne. Globalizacja. Liberalizacja. Etyka, 2014. Iss. 9. Pp.109-119.

Об авторе:

Ренат Ирикович Беккин – д.э.н., ведущий научный сотрудник Института Африки РАН. 123001, Москва, ул. Спиридоновка, д. 30/1. E-mail: bekkin@mail.ru.

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ/РГНФ. Проект № 16-07-00009 «Феномен "Исламского государства" в контексте развития современного восточного общества».

ISLAMIC ECONOMY IN «ISLAMIC STATE»: IS IT POSSIBLE?

Renat I. Bekkin

DOI 10.24833/2071-8160-2017-6-57-132-142

Institute of African Studies

Muslim scholars from Egypt and British India formulated the principles of Islamic economy in the second half of the 1940s. At the turn of the 1970s-1980s a number of countries (Sudan, Iran and Pakistan) attempted to Islamize their financial systems. However, in none of the three, the experiment was successful. Afterwards, the Muslim world has not undertaken to build a financial system based on the principles of Islamic economics and finance any more. However, interest in the application of individual institutions of the Islamic economy has not faded away.

The article examines how the principles of Islamic economic doctrine were applied in the formation of the "state" budget in the terrorist entity "Islamic State" (IS). The author analyses the principal differences between the theoretical constructions of the Islamic economy and their practical implementation in the territories controlled by the IS. In fact, the IS implements a completely different concept of Islamic economy and Islamic finance (fundamentalist) from the one that was applied in a number of Muslim countries (modernist). Considering the practice of application of Islamic economic principles by the IS, the author of the article develops the thesis expressed in his earlier publications that there is no single universal Islamic economic doctrine that could be applied with some modifications in any society and in any jurisdiction. Moreover, the various interpretations of the economic provisions of Shariah can come into serious contradiction with each other. This is indicated, in particular, in the case of the IS, where, with the help of law-permitting institutions, they try to legalize activities that are illegal from the point of view of Shariah. Another important feature of the financial policy in the IS is the insignificant interest in modern Islamic financial institutions: banks, insurance (takaful) companies, etc. The author explains this as follows. In their attempt to build a caliphate, the ideologists of the IS and their followers take a traditionalist approach in which there is no place for institutions unknown in the 7th-13th centuries. For traditionalists, such institutions as Islamic banks, etc., formed in the second half of the XX century, are often unauthorized innovations (bida').

Key words: "Islamic state", Islamic economy, zakah, jizyah, gold dinar.

References

1. Bekkin R.I. Zolotoi dinar – vyzov mirovoi finansovoi sisteme ili utopia? [The Gold dinar: a challenge to the global financial system or an Utopia?]. *Problemy sovremennoi ekonomiki*, 2010, no. 3 (35), pp. 213-218. (In Russian).
2. Bekkin R.I. Iran: opyt islamizatsii ekonomiki [Iran: Islamization of economy]. *Central Asia and the Caucasus*, 2006, no. 4 (46), pp. 169-176. (In Russian).
3. Bekkin R.I. Islamskaya ekonomika v Pakistane [Islamic economy in Pakistan]. *Problemy sovremennoi ekonomiki*, 2007, no. 4 (24), pp. 390-394. (In Russian).
4. Bekkin R.I. Islamskaya ekonomika v Sudane [Islamic economy in Sudan]. *Problemy sovremennoi ekonomiki*, 2007, no. 3 (23), pp. 446-447. (In Russian).
5. Bekkin R.I. Islamskaya ekonomika: universalnaya teoriya razvitiya ili odna iz modelei tretyego puti? [Islamic economy: a universal theory of development or one of the models of the Third way?]

- Vostok (Oriens)*, 2012, no. 5, pp. 99-112. (In Russian).
6. Bekkin R.I. *Islamskaya ekonomicheskaya model i sovremennost* [Islamic economic model nowadays]. Moscow, Mardjani publ., 2010. 367 p.
  7. Bekkin R.I. Islamskie nalogi kak effektivnyy instrument resheniya socialno-ekonomicheskikh problem v mestah kompaktnogo prozhivaniya musulman v Rossii [Islamic taxes as an effective tool for solving social and economic problems in the regions of Russia densely populated by Muslims]. *Problemy sovremennoi ekonomiki*, 2009, no. 3 (31), pp. 480-481. (In Russian).
  8. Bekkin R.I. Pravo sobstvennosti na prirodniye resursy v musulmanskom prave (na primere chetyrekh sunnitskih mazhabov) [Ownership to natural resources under Islamic law (on the example of four Sunni madhhabs)]. *Mezhdunarodnoe pravo - International Law*, 1999, no. 2, pp. 73-82. (In Russian).
  9. Bekkin R.I. Transgranichniye denezhniye perevody: istoria i sovremennost (na primere hawali) [Cross-border money transfers: history and modernity (on example of hawala system)]. *Problemy sovremennoi ekonomiki*, 2007, no. 4 (24), pp. 376-380. (In Russian).
  10. Levin Z.I. *Ocherki prirody islamisma* [Essays on the nature of Islamism]. Moscow, IV RAN Publ., 2014. 124 p. (In Russian).
  11. Prudnikova Yu.O. Islamskiy finansoviy sektor v Sudane: do i posle otdeleniya Yuga [Islamic financial sector in Sudan: before and after secession of the South]. *Problemy sovremennoi ekonomiki*, 2012, no. 1 (41), pp. 185-187. (In Russian).
  12. Yarlykapov A.A. Rol' islama v formirovaniy ekonomicheskogo soznaniya i povedeniya musulman [The role of Islam in shaping the economic consciousness and behavior of Muslims]. *Kultura i ekonomicheskoe povedeniye*, Moscow, Max Press Publ., 2011, pp. 330-346. (In Russian).
  13. Behdad S. A Disputed Utopia: Islamic Economics in Revolutionary Iran. *Comparative Studies in Society and History*, 1994, vol. 36 (4), pp. 775-813.
  14. Bekkin R. The Experience and Challenges of Islamic Insurance in the Post-Soviet Space: Case Studies of Russia and Kazakhstan. *Kyoto Bulletin of Islamic Area Studies*, 2015, no. 8, pp. 141-154.
  15. Gimigliano G. *Investigating Islamic banking in Italy*. *International Journal of Islamic and Middle Eastern Finance and Management*, 2016, vol. 9(3), pp. 364-387.
  16. Hearn B., Piesse J., Strange R. The role of the stock market in the provision of Islamic development finance: Evidence from Sudan. *Emerging Markets Review*, 2011, vol. 12(4), pp. 338-353.
  17. Herwany A.; Febrian E.; Imam Buchari. Greece Financial Crises and Sukuk Markets: Experience From Gulf Countries. *Al-Iqtishad: Jurnal Ilmu Ekonomi Syariah*, 2016, vol. 9(1), pp.95-106.
  18. Muchammad Ichsan. The Use of Gold Dinar and Silver Dirham in Moslem Countries in the Contemporary Era. *Jurnal Media Hukum*, 2017, vol. 24(1), pp.35-41.
  19. Rudnyckiy D. Islamic Finance and the Afterlives of Development in Malaysia. *Political and Legal Anthropology Review*, 2014, vol. 37(1), pp. 69-88.
  20. Rudnyckiy D. Islamizing finance: from magical capitalism to a spiritual economy. *Anthropology Today*, 2016, vol. 32(6), pp. 8-12.
  21. Salman A. The Libertarian Character of the Islamic Economy. *Economic Affairs*, 2013, vol. 33 (1), pp. 108-118.
  22. Zygan M. Islam and economy. *Współczesne Problemy Ekonomiczne. Globalizacja. Liberalizacja. Etyka*, 2014, no. 9, pp.109-119.

About the author:

Renat I. Bekkin – D.Sc. in Economics, senior research fellow, the Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences. 123001, Moscow, ul. Spiridonovka, 30/1. E-mail: bekkin@mail.ru.

The article is prepared with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research. Project No. 16-07-00009 «The Phenomenon of the Islamic State in the Context of the Development of the Modern Oriental Society».

ВОЗОБНОВЛЯЕМЫЕ ИСТОЧНИКИ ЭНЕРГИИ В РАЗВИТИИ АРАБСКОГО ВОСТОКА (НА ПРИМЕРЕ СТАНОВЛЕНИЯ ГЕЛИОЭНЕРГЕТИКИ)

А.О. Филоник, В.А. Исаев, В.М. Морозов

Институт востоковедения РАН
Институт стран Азии и Африки МГУ
Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России

В статье анализируется проблема становления солнечной энергетики на Ближнем Востоке и в Северной Африке. Арабский мир традиционно крупнейший производитель и поставщик углеводородов на внешний рынок. Он и сам является крупным потребителем энергосырья. Статья фокусирует внимание на том, что переработка больших масс горючего внутри региона уже создаёт серьёзную напряжённость для развития. Безопасное следование по этому пути возможно только при минимизации угроз, концентрирующихся вокруг проблемы потепления климата и защиты от парниковых газов. Перспективы снижения напряжённости связаны с расширением использования возобновляемой энергии, источники которой на Арабском Востоке представлены в достаточной мере, но основная роль на текущем этапе отводится солнечной энергетике, как наиболее эффективной в конкуренции с традиционными видами энергии. Авторы акцентируют факт, что арабский мир ещё не готов к фронтальному её освоению. Препятствием служит разность экономических потенциалов арабских стран и проблемы с мобилизацией внутренних накоплений для промышленного освоения нового вида энергии. Наряду с макроэкономическими факторами действуют и социально-экономические императивы. Ограничители в виде нехватки опыта и недостатка компетенций, сопровождаются ещё более весомыми обстоятельствами – инертностью национального капитала, бюрократическими препонами, некорректным распределением полномочий среди управляющих структур. Кроме того, отсутствие внятной политики цен на конечную электроэнергию, корректно выстроенной тарифной сетки ныне не позволяют реализовывать преимущества солнечной энергии и создавать эффективные стимулы её роста.

УДК 332.122.62, JEL Q42, Q47
Поступила в редакцию 13.10.2017 г.
Принята к публикации 30.11.2017 г.

Проведённое исследование приводит к выводу, что промедление с разработкой адекватной основы функционирования рынка электроэнергии вносит элемент неопределённости во всё предприятие. А намеченная арабскими странами стратегия развития солнечной энергетики на обозримый период может оказаться эффективной только частично.

Ключевые слова: возобновляемая энергия, солнечная энергия, концентрированная солнечная энергия, фотоэлектрическая энергия, минеральное топливо, инвестиции, экология, глобальное потепление, субсидии, цены.

Экономическое и политическое значение Арабского Востока в первую очередь определяется гигантскими углеводородными ресурсами. До относительно недавнего времени энергетическая безопасность здесь, в той или иной мере, считалась обеспеченной. Однако после мирового кризиса платежности 2008 г. стали болезненно ощущаться финансовые, а затем и энергетические дефициты, в связи с чем в регионе распространились опасения повторения и в будущем подобных стрессов. Именно тогда начальный процесс диверсификации источников энергии получил дополнительный импульс, а роль движущей силы явочным порядком отошла к нефтеэкспортёрам арабского мира.

Внимание к радиационным и тепловым ресурсам солнца для формирования новой базы генерации ныне уделяется практически во всех странах арабского мира. И уже не только в Персидском заливе, но и в Марокко, Египте, Тунисе и далее, где новые реалии встречают понимание, хотя приживаются не без трудностей. Ведь арабское пространство не едино, страны заметно дифференцированы по множеству показателей, в том числе по энерговооружённости, составу генерирующих мощностей и задачам энергетической политики. Одни на её основе стремятся продемонстрировать готовность к техническому прогрессу и к совершенствованию уже благоуханной окружающей среды. Другие видят возможность диверсифицировать экономику и получить доступ к дешевой энергии. Такой фон только подчёркивает серьёзные различия, которые дробят арабское пространство, нередко «смазывая» общий курс и затрудняя получение однозначных выводов по поводу реальности и эффективности политик в той или иной области развития.

Основная задача статьи – выявить особенности становления солнечной энергетики и проанализировать результаты практических действий в создании новой отрасли генерации, которая должна преобразовать энергетическую нишу региона, изменить количественные пропорции её составляющих и поднять экономику за счёт крупных элементов нового техно-

логического уклада в виде мощного фотоэлектрического и коллекторного потенциала¹.

Литература по рассматриваемой теме достаточно разнообразна и представлена главным образом публикациями в специализированных изданиях достаточно общего плана, а также материалами в других источниках. Обобщающие работы ограничиваются немногочисленными монографиями, которые имеют преимущественно узконаправленный характер. Отдельная библиотека создана статистическими и обзорными сборниками, которые несут большой объём сведений по возобновляемым источникам в мире и регионах. Однако применительно к Арабскому Востоку ситуация складывается так, что в целом ряде случаев из имеющегося материала трудно вычлениить конкретные показатели по солнечной энергетике, поскольку они, в одном случае, интегрированы в контекст всего Африканского континента, а в других – объединены в общей группе возобновляемых источников или приводятся в связке с ветровой энергией. К тому же искомые сведения часто разбросаны по более мелким работам и не всегда согласуются между собой.

Ускоряющийся прогресс в исследовании природных явлений и новые инженерные решения уже сейчас вводят мир в эпоху колоссальных сдвигов в технике, технологиях, экономике и других сферах. Нынешние тенденции к созданию зелёных ареалов и защите окружающей среды на базе качественно нового состояния производительных сил являются частью этих будущих сдвигов. Их признаки не только в новейших безопасных способах производства, но и в противоречиях, создаваемых традиционной энергетикой. Будучи одним из столпов современного роста, она одновременно имеет статус самого грязного производственного агента, вредящего экологии и подрывающего биологическое разнообразие. Проблема чрезвычайно актуальна для всего БВСА и особенно той его части в Персидском заливе, которая перенасыщена добывающей инфраструктурой и существует как комплекс опасных для природы производств, связанных с промышленной добычей и переработкой углеводородного сырья. Вредоносные качества его ещё более усугубляются неблагоприятными климатическими условиями.

В последнее время на многих арабских площадках заметно активизировалась деятельность, которая может разрядить ситуацию, угрожающую самой жизнеспособности региона. Основным средством избрана именно солнечная энергия, которая чрезмерно инсолирует территорию, но одновременно даёт возможность получения чистой природной энергии и использования её для замещения вредного по химическому составу топлива.

Применение её с растущим эффектом уже практикуется в Европе, США, Китае, Индии и в целом ряде других мест, но с разной степенью успеха. Араб-

¹ Метод получения электроэнергии с помощью фоточувствительных элементов, использующих эффект светодиода. Другое название – фотовольтаическая энергия. Технология получения теплового эффекта реализуется посредством концентрации солнечной энергии зеркальными или линзовыми коллекторами.

ский сегмент в этой тематике практически повторяет мировую динамику. С одной стороны, потому, что процесс инициирован недавно, с другой, существует инерционность в подходах к новому начинанию, развёртывание которого требует осмысления и поиска оптимальных решений серьёзных технических задач. К тому же Арабский Восток по природе своих ресурсов сильнее других привержен углеводородам и конвенциональной энергетике. А устойчивый консерватизм способствует тому, что даже страны, не обладающие нефтью и газом, будут трудно расставаться с традиционным источником энергии. Ныне же этот последний получает в лице солнечной энергетике серьёзного конкурента, которому придется в довольно жёстком противостоянии отвоёвывать законную нишу в генерации электрической энергии.

Пока такое соперничество, тем более не реальное, а ещё назывное, не вызывает обеспокоенности в арабском мире. Здесь существует общее мнение относительно того, что роль энергетической инфраструктуры, как стабилизирующего ядра национальных воспроизводственных систем, основы интеграционных процессов, платформы для развития человеческого потенциала не оспаривается. Однако на практике она не выполняет и доли тех функций, которыми наделена.

Изначально сложившееся социально-экономическое неравенство ныне усугублено как войнами, так и их последствиями, которые ещё больше подорвали основы крайне дефицитного для большинства стран региона благосостояния. Они выпали из своих ниш в ходе внутренних вооруженных конфликтов и ныне страдают от острой дестабилизации экономики, развала внутреннего рынка и годами будут нести тяготы послевоенной реконструкции хозяйственных систем. Это весомый фактор, который породит ещё больший разброс по темпам роста и отразится на результатах развития чистых энерготехнологий на всём поле Арабского Востока.

На этом фоне все преимущества в овладении солнечной энергией находятся на стороне аравийских монархий, которые имеют «долгоиграющие» стимулы для наращивания чистых энергетических активов. Основной опорой прогресса здесь продолжает оставаться обеспеченное нефтью финансовое благополучие, вылившееся в колоссальное экономическое и социальное обустройство национальных территорий малых государств Аравии.

Переход к гелиоэнергетике удачно ложится в их настойчиво проводимое в жизнь стремление коренным образом модифицировать экономическую модель и, не теряя образа энергетической кладовой мира, создавать мощнейший инфраструктурный хаб в своей части Индийского океана. Во исполнение этой задачи в течение полувека им удалось коренным образом диверсифицировать экономики, усилить индустриальную составляющую роста, создать мощную базу энергетических, транспортных и иных услуг, вообще существенно видоизменить все хозяйственные секторы.

На этом фоне освоение новых видов генерации едва ли может рассматриваться ими как абсолютное мерило возможностей и испытание сил. Скорее, это

очередная задача, и тон публикаций по теме отражает их уверенность в достижении успеха, по крайней мере, на начальных этапах преобразования национальной энергетики.

В известной мере изменяющиеся расклады на мировом экономическом пространстве отражаются и на других частях Арабского Востока, менее ассоциируемых с внутренними хозяйственными достижениями, но всё же вынужденных осваивать технические новшества, продуцируемые внешним миром. Особенно заметно это сейчас, когда арабский мир втянулся в глобализацию, расширяет применение электронных средств информации и управления, отдельными сегментами втягивается в цифровую экономику, овладевает инновационными способами эксплуатации ресурсов окружающей среды и стоит перед блоком колоссальных задач, порождённых чётко обозначенным в мире переходом на более высокий уровень функционирования воспроизводственных систем.

Практика мирового развития показывает, что выход на новые горизонты сопровождается резким ростом спроса на электроэнергию. Совершенно очевидно, что отмеченная закономерность правомерна и в отношении Арабского Востока, насыщенность которого энергоёмкими предприятиями, средствами производства и повседневным оборудованием в обозримом будущем будет только расширяться. Именно в связи с этими явлениями и растёт внимание к солнечной энергетике, как к самому перспективному и эффективному способу генерации, максимально отвечающему природным особенностям БВСА. А выбор рациональной энергетической политики становится определяющим фактором стратегии развития на обозримую перспективу, как минимум, в части наиболее дееспособных арабских экономик. Но даже в этом варианте гелиоэнергетика ещё не образует мейнстрима, а занятые ею ниши нескоро интегрируются в большие энергетические сообщества, но будут существовать в окружении других, менее прикрытых или просто оголённых, зон застоя. Они и создают своего рода противофазные моменты, которые делают приведённую выше картину не столь оптимистичной, как это видится наблюдателям за эволюцией энергетического сектора в рассматриваемом регионе.

В этой связи возникает довольно близкая коннотация с догоняющим развитием, но как бы более низкого уровня, которое реализуется уже внутри самой арабской системы и воспроизводит ту же закономерность, что свойственна концепции, как таковой. То есть, она олицетворяет в целом позитивный процесс, но абсолютно не гарантирует возможности достичь качества оригинала.

Несколько лет назад в Институте востоковедения РАН был подготовлен прогноз развития Арабского Востока до 2050 г. [3]. Это исследование отразило особый интерес к энергетике. Продолжит ли арабский мир следовать в направлении, на котором движущей силой остаётся вечная энергетика», или ему грозит «возвращение в пустыню»? Чисто интуитивно в условиях начавшегося перехода промышленных наций к инновационной модели роста и соответствующему технологическому укладу такую дилемму можно считать самой актуальной.

Мнения специалистов по вопросу разделились, но факты таковы, что арабский мир в целом, видимо, не намерен бездействовать, а готовится по мере сил участвовать во всех глобальных процессах, в том числе связанных и с солнечной энергетикой, которые коренным образом будут менять господствующие ныне представления. Однако запоздалый старт и реактивный характер корпоративной системы управления энергетическим блоком изначально составили причины, которые обусловили низкий конечный показатель арабских достижений в альтернативной энергетике.

К середине текущего десятилетия солнечная составляющая, по данным международной группы PV Market Alliance, как отмечалось, активно развивается на Западе и в ведущих государствах зарубежного Востока. Удельный же вес Ближнего Востока в сочетании с Африкой в суммарном показателе установленной мощности новых энергоносителей составляет всего примерно 1%.

Такой результат в общем как-то соотносим с мировым «стандартом», хотя и не достигает его. Но никак не может быть даже отдалённым подобием той революции, которую арабский мир одномоментно совершил в области цен на нефть в середине 1970-х гг. прошлого века и тем самым коренным образом изменил ситуацию на мировых рынках традиционных источников энергии. На таком фоне достигнутый показатель выглядит аномалией из-за своей мизерной величины, но по факту вписывается в тренд, хотя отягощён множественными арабскими дисбалансами, которые имеют длительную историю и продолжают действовать. Их нейтрализация отвлекает значительные средства и ресурсы, менее болезненные для стран-нефтеэкспортёров, но чрезвычайно чувствительные для их антиподов.

Этот момент, своего рода, универсальный, и постоянно оказывает давящее воздействие на факторы роста. Но нынешнее акцентирование значения возобновляемого сегмента электрогенерации и особенно солнечной его составляющей для экономического подъёма можно уверенно расценивать как знак новой энергетической идеологии и практики, проникающей в государства Машрика и Магриба.

С наступлением нового века началась более системная фаза перехода к применению апробированных к этому времени во внешнем мире разработок. С 2004 г. и до 2015 г. совокупный мировой объём инвестиций в эту сферу, хотя и не плавно, но рос довольно последовательно и по развитым, и по развивающимся странам и совокупно достиг максимального уровня в 312 млрд долл. в конечном году, по сравнению с 47 млрд в базовом году, т.е. вырос в 6,6 раза².

Действительно, статистика 2015 г. показывает, что «все регионы мира были свидетелями роста капиталовложений в возобновляемую энергетику к 2013 г.»³.

² Мировая солнечная энергетика устанавливает новые рекорды в 2015 г. // Solar Soul. 04.02.2016. [Электронный ресурс] URL: <http://solarsoul.net/mirovaya-solnechnaya-energetica-ustanavlivaet-novye-rekordy-v-2015-godu> (дата обращения 19.09.2017).

³ Renewables 2015 Global Status Report. 2015, p. 80.

И уже в следующем году в одноимённом источнике было подчёркнуто, что это был выдающийся год для этой индустрии.⁴

Инвестиционный рынок такого рода можно признать весьма энергичным. Однако его недостаточно, чтобы «разогнать» процесс и придать ему ту инерционность (в хорошем смысле этого слова), которая способна сглаживать сбои в финансировании отрасли или ослаблять действие неблагоприятных факторов, например, ценового. Ведь в условиях нестабильности мировой и региональных экономик случайности могут возникать регулярно, и требуются значительные усилия для ослабления их последствий.

Последняя из них имела место в 2016 г. Возраставший до этого момента приток средств в новый вид генерации тогда довольно заметно сократился. Их суммарный объём снизился до 242 млрд долл. в связи с продолжающимися тенденциями на мировом нефтяном рынке, т.е. поступления опустились на 20% по отношению к базовому году⁵.

При этом по развитым странам наблюдалось «сваливание» в сторону меньших показателей за один 2016 г. со 145 млрд до 125 млрд долл., а по их визави – с 167 млрд до 117 млрд, т.е. возникший «недобор» по обеим категориям составил, соответственно, 20 и 50 млрд долл. В итоге, развивающийся блок потерял больше и не смог быть на уровне и прежде не столь высокой активности в маневрировании ресурсами. В период инвестиционного взлёта, который для индустриальных держав пришёлся на 2011 г. (193 млрд), они более чем в два раза опережали развивающиеся страны, а те с пиковым значением в 167 млрд долл. на 2015 г. практически остались на той же линии отрыва с недополученными 26 млрд долл. Но, по мере приближения к концу рассматриваемого периода, разрыв между инвестициями обнаруживает тенденцию к сокращению (соответственно 8,10 и 8 млрд долл. по трём последним годам).

Показательно, что разница в объёмах инвестирования для «старшей» (193 млрд долл.) и «младшей» (88 млрд), с точки зрения обеспеченности финансовыми ресурсами, групп, в рекордном для первой из них 2011 г. составляла 105 млрд долл., и на тот момент в 2,2 раза превышала показатель по второй. Последняя же, добившись максимума в 2015 г. и имея тогда 167 млрд инвестиций, превышала первую (145 млрд), но всего на 22 млрд долл, только на одну пятую уступая конкурентам.

Очевидно, что процесс финансового обеспечения для освоения альтернативных источников и внедрения их в экономическую практику с заметным постоянством удачнее складывался для промышленно развитой части мира. Тем не менее, в 2016 г. накопленный потенциал движения не мог реализоваться в достаточной степени и быть одинаково успешным для всех участников процесса.

⁴ Renewables 2015 Global Status Report. 2015, p. 6

⁵ Подсчитано по: Global trends in Renewable Energy Investment 2017. UN Environment. Bloomberg New Energy Finance. Frankfurt 2017 с. 15.

Последствия одномоментного падения инвестиций в 2016 г. не следует преувеличивать. На сегодня прошло совсем мало времени, чтобы драматически оценивать инвестиционный сбой. Скорее всего, он не будет разрушительным для проектов, поскольку интерес к альтернативному электричеству и его продвижению с очевидностью растёт, и длительный откат едва ли случится.

С одной стороны, инвестиции в возобновляемый сегмент (за исключением больших гидропроектов) сократились почти на четверть. С другой, независимо от этого, установленные мощности возросли со 127,5 ГВ в 2015 г. до 138,7 ГВ в 2016 г. Все имеющиеся на тот момент альтернативные источники (работающие за счёт использования силы ветра, солнечной энергии, биомассы, геотермальные, мелкие гидростанции и приливные) обеспечили 55,3% прироста мирового объёма гигаватт, снятых в этом секторе генерации. И впервые значительный прирост был достигнут именно в солнечной энергетике. Подобный факт обусловлен тем, что дефицит инвестиций был нивелирован резким снижением капитальных затрат на солнечные панели и в определённой мере на оборудование для солнечных станций⁶.

Арабский Восток отдельными странами удержался в процессе и на некоторых направлениях даже извлёк выгоду. Во всяком случае, именно в это время в ОАЭ девелоперы из ACWA Power достигли соглашения о строительстве солнечной станции за рекордно низкую на январь 2015 г. цену в 5,85 амер. цента за один мегаватт-час. Ещё одним знаковым событием стало привлечение Иорданией из ЕБРР и Мирового банка 1,2 млрд долл. для расширения установленных мощностей как средства защиты от нестабильных цен на импортное минеральное топливо. Рост капиталовложений составил 148%, но из них только половина пришлась именно на солнечную генерацию.

В том же году компании «Масдар» и «Абдельятыф Джамиль» (Abdul Latif Jameel) обрушили тендер, оценив свои услуги в качестве операторов следующей стадии строительства дубайской станции на 800 МВ уже по 2,99 амер. цента)⁷.

Марокко же постигла неудача в начале 2016 г. на торгах по гибридной солнечной станции, из-за чего недобор капвложений, против расчётного составил 75%. Египту вообще не удалось добиться инвестиций в гелиопроекты, и ситуация по ним осталась для него нулевой в 2015 г., который знаменовал пик спада.

Несмотря на сжатие финансирования, в целом в 2016 г. новые инвестиции во все альтернативные источники на Ближнем Востоке и в Африке достигли 7,7 млрд долл., что примерно соответствовало показателям по Индии или Бразилии, но арабскую долю в мобилизованных ресурсах довольно трудно вычис-

⁶ Global trends in Renewable Energy Investment 2017. UN Environment. Bloomberg New Energy Finance. Frankfurt 2017 p. 12

⁷ DiChristopher T. Arab gulf firms set their sights on the region's growing appetite for solar power // CNBC. Renewable Energy. 12.01.2017. [Электронный ресурс] URL: <https://www.cnbc.com/2017/01/12/arab-gulf-firms-set-sights-on-growing-market-for-solar-power.html> (дата обращения 12.09.2017).

⁸ Global trends in Renewable Energy Investment 2017. UN Environment. Bloomberg New Energy Finance. Frankfurt 2017, pp.28-30.

лить из-за особенностей статистического сопровождения проектов в этой части мира⁸. Главное же в том, что начавшийся процесс трудно остановить. Даже в ухудшившихся условиях он только замедляется, но, так или иначе, в инициативных странах сохраняет живучесть.

В принципе, прошлый год показал, что арабский энергетический рынок чувствителен к колебаниям мировой конъюнктуры в области конвенциональной и возобновляемой энергии, а его реакция на спады недостаточно агрессивна. Причём в том числе в странах, которые делают заявку, если не на лидерство, то, по крайней мере, на почётные места в региональном солнечном проекте как, например, упоминавшиеся Марокко и Египет. Но, конечно, при оценке их возможностей следует учитывать объективные конъюнктурные причины, связанные, например, с нехваткой инвестиционных предложений, вообще с неблагоприятным стечением рыночных обстоятельств.

Спад 2016 г. имел несколько причин. Это, прежде всего, изменение курса доллара. Затем сыграл роль временной фактор, когда финансирование гелиопроектов было открыто в предшествовавшем году, а в строй они вступили только в следующем, что разрывает связь между этими актами и искажает отчётность. Ещё одна причина в том, что некоторые перспективные развивающиеся рынки альтернативной энергии показали рекордные инвестиции в 2015 г., но в 2016 г. резко опали вследствие пауз в работе тендерных комиссий. Имело значение и то, что возникла мощная тенденция к инвестированию в офшорные ветровые проекты, популярные в ряде развитых приморских стран из-за большей производительности, хотя и требуют больших затрат в расчёте на один мегаватт. Тем не менее, этот факт не помешал оттоку финансирования в открывшуюся нишу⁹.

Энергетический рынок в арабском мире остается разнородным, с точки зрения организации деятельности, глубины и размаха реформирования и структурирования его сегментов, устоявшихся приоритетов и степени вмешательства государства в процессы управления. То же касается и ситуации с возобновляемой энергией с учётом того, что её удельный вес незначителен и пока не требует, по мнению управленцев разного уровня, специальной корректировки. То есть, альтернативная электрогенерация практически не выделилась в самостоятельную отрасль и работает в условиях, определяемых рынком традиционной энергии.

В ряде арабских государств рынок конвенциональной электроэнергии полностью либерализован. Другие находятся в растянувшемся во времени процессе приватизации. Третьи ограничиваются частичным дерегулированием, оставляя за собой функцию производителя электроэнергии, но освобождаясь от обязанности содержать распределительные сети и заниматься транспортировкой энергии. Практически из всех арабских стран только в Марокко в законодательном порядке закреплена частная генерация на базе возобновляемых источников

⁹ Global trends in Renewable Energy Investment 2017. UN Environment. Bloomberg New Energy Finance. Frankfurt 2017 pp. 12, 13

энергии. В Абу-Даби и Дубае, несмотря на довольно энергичное продвижение проектов зелёной энергетики, вопрос о придании статуса независимых её производителей только рассматривается¹⁰.

В подавляющем большинстве арабских стран функционируют разрозненные локальные квазирынки альтернативной энергии, что связано с наличием мелких поставщиков, не рассчитывающих на обслуживание большого круга потребителей, с «мелкотоварными» объёмами производства. Тем более, что пока не сложились предпосылки в виде крупных капиталоемких гелиоэнергопредприятий с соответствующей инфраструктурой, которые могли бы органично дополнять конвенциональную систему энергоснабжения. Однако уместно полагать, что расширение ниши альтернативной энергетики, в том числе и гелиосектора, в итоге, приведёт к необходимости придать такому рынку более чёткую организационную форму.

Арабский Восток реально обладает более чем достаточным набором возобновляемых ресурсов и имеет богатейшие возможности использовать их для целей развития. Большим плюсом для подъёма гелиоэнергетики арабская экспертиза считает ныне государственную заинтересованность в проектах, доступность кредита в арабских и международных банках, снижение цен на соответствующие технологии. Дополнительным «подспорьем» становится появление мелких местных предпринимателей и инвесторов, претендующих на решение несложных технических задач, например, монтажа и обслуживания домашних солнечных панелей, создания простейших электросетей, приуроченных к одному источнику с перспективой развития в более интегрированный цикл и т.п.

Но есть и встречные ограничители как, например, лимитированный доступ к микрофинансированию, неготовность госорганов работать с малым энергобизнесом, влияние нефтяных цен на конкурентоспособность альтернативных источников, низкий рыночный спрос и т.п. Арабский министерский совет по энергетике констатирует в качестве серьёзного упущения отсутствие долгосрочных маркетинговых планов вывода чистого энергетического продукта на домашний, коммерческий и индустриальный рынки и неоднократно высказывал озабоченность относительно способности альтернативной энергетики выдерживать давление со стороны конвенционального конкурента¹¹.

В равной мере это касается и проблемы тарификации и биллинга, прежде всего, введения оплаты по времени суток. Вообще тарифная политика государства, рассчитанная на выработку и распределение больших потоков конвенционального электричества, и в этом случае довлеет над отраслью и нередко игнорирует присутствие альтернативной генерации. Отсюда проистекают противоречия, которые могут иметь долгосрочные последствия для освоения возобновляемой энергии. Особенно сильно в этом случае подрывается идея ис-

¹⁰ Pan-Arab Renewable Energy Strategy 2030. Roadmap of Actions for Implementation. IRENA, 2014, pp. 81-85

¹¹ Pan Arab Strategy for the Development of Renewable Energy Applications 2010-2030. The Secretariat of the Arab Ministerial Council for Electricity. p. 29.

пользования малыми коммерческими предприятиями и домовладениями нетрадиционных источников энергии, которые в существующей рыночной среде обречены на низкий спрос.

Сильным сдерживающим фактором остается субсидирование цен на горючее. Только в Абу-Даби в 2014 г. на эти цели были израсходованы около 5 млрд долл. Саудовская Аравия в период острого изменения конъюнктуры энергетического рынка сжигала до 1 млрд барр. в месяц, чтобы поддержать потребительский спрос на уровне бросовых цен. При падении доходов от нефти наполовину такая практика разрушала бюджет. Именно эти две страны первыми ввели меры эффективного ценообразования. Если эта практика приживется, цены на электричество повысятся, и стоимость несубсидируемой альтернативной энергии станет привлекательной¹².

Между тем, изменение схемы оплаты – процесс крайне сложный для нынешнего этапа, и таким он останется и на обозримую перспективу, учитывая огромное количество стыковок и увязок между множественными инстанциями. Причём они обусловлены не только организационно-техническими трудностями. В традиционном обществе велика роль консервативной ментальности и привычки, которые могут стать серьёзным препятствием для развития солнечной энергетики. Процесс, видимо, и далее будет развиваться в очаговом формате по объективным и субъективным причинам.

Вместе с тем нельзя утверждать, что традиционализм и обыденность полностью господствуют на Арабском Востоке. Есть отдельные примеры того, что коррекция платежной системы местами реализуется, но это не имеет характера системного явления. И пока доминируют валовый подход.

Между тем, экономический и финансовый факторы являются определяющими для строительства фотоэлектрических и коллекторных тепловых станций. По прогнозам Международного агентства по возобновляемым источникам, только ОАЭ смогут сэкономить 87 млрд долл. (что эквивалентно 2,5 млрд барр. нефти) при отказе от исключительного потребления углеводородов за счёт увеличения доли альтернативной энергетики. Эмираты в одном 2015 г. уже смогли сберечь от 1 до 3,7 млрд долл., благодаря более решительным шагам в дальнейшем освоении нового типа энергии¹³.

Ещё одно выигрышное обстоятельство, связанное с созданием фотоэлектрических и коллекторных гелиостанций индустриального типа, состоит в том, что они занимают обширные площади. При гигантских пустынных пространствах их размещение на незанятых территориях создаёт серьёзный коммерческий эффект – увеличивает конкурентоспособность генерации, вводит в хо-

¹² Majzoub H. Solar Surges in the Middle East and North Africa // TriplePundit. 18.09.2015. [Электронный ресурс] URL: <http://www.triplepundit.com/2015/09/solar-surges-in-the-middle-east-and-north-africa/> (дата обращения: 22.09.2017)

¹³ 10 things to know about the UAE's renewable energy landscape // Invest in Group. Snapshot. August 2016 [Электронный ресурс]. URL: <http://investingroup.org/snapshot/278/10-things-to-know-about-the-uaes-renewable-energy-landscape-united-arab-emirates/> (дата обращения 12.09.2017)

зыйственный оборот бросовые земли и позволяет и, по сути, даёт возможность экономить на аренде¹⁴).

Арабская экспертиза уверена, что правящие режимы всё большего числа стран, как политики, так и технократы, считают крайне позитивным явлением расширение капиталовложений в зелёную энергетику. Их убеждённость в необходимости сложения усилий арабских стран на этом поприще материализовалась в принятой в 2013 г. на Третьем арабском социально-экономическом саммите Панарабской стратегии развития возобновляемой энергии на 2020-2030 гг.

В её рамках создаётся новое видение института чистой энергетики и целей её развития в интересах региона в целом. Она становится инструментом включения в промышленный оборот инновационного энергоносителя, благодаря которому можно увеличить интеграционный потенциал региона, сообщить дополнительный импульс развитию рынка электроэнергии, вообще привести арабский ареал к иному качеству жизни.

План 2020-2030 должен стать своего рода дорожной картой, следуя которой можно добиться объединения целого региона в стремлении улучшать условия существования по трём стратегическим направлениям. Главное из них – собственно альтернативная энергетика, которая в перспективе будет способна обеспечивать и два других. Это поддержание жизнестойкости окружающей среды и сохранение подземных источников воды от истощения и превращения их в неприкосновенный запас.

Реализация подобных задач актуальна для всего арабского мира без исключения. Но для Аравии их решение – вопрос особой важности. Здесь действует наибольшее в мире количество опреснительных заводов, которые потребляют гигантские количества минерального топлива и наносят двойной ущерб – коммерческий, и экологический обусловленный «неадресным» использованием углеводородного сырья. Оба они – стратегические разрушители окружающей среды, особенно злостно проявляющие себя в зоне Персидского залива. В частности, тем, что образующиеся от обессоливания морского рассола соляные отвалы ежегодно, причём, по неполным данным, десятилетиями поступают обратно в его воды в количестве до 400 тыс. т в год [1, с. 186]. Риски крайне велики, поскольку по солёности Залив уступает только Мёртвому морю.

Замена ископаемого топлива на солнечную энергетику в таких угрожающих условиях, видимо, вопрос времени, поскольку уже сейчас запущены экспериментальные мощности, например, в Катаре, сберегающие природный газ, не продуцирующие парниковый эффект и щадящие живую природу.

Немногочисленные стратегические проекты подобного назначения реализуются усилиями многих «стейкхолдеров», в числе которых специализирован-

¹⁴ Соловьева З.А. Развитие солнечной энергетики в Марокко // Восточная аналитика. Сетевой аналитический журнал Института востоковедения РАН 07.02.2017 [Электронный ресурс]. URL <https://va.ivran.ru/articlesartid=6893> (дата обращения: 3.10.2017)

ные национальные и международные организации от ЛАГ до ЭСКЗА и от Арабского министерского совета по электричеству до Международного агентства по возобновляемой энергии. Как органичное сопровождение подобных проектов в видах на их распространение по всему региону и стимул для развития промышленности выдвинута идея организации собственной арабской производственной базы, выпускающей комплектующие стационарных тепловых коллекторов и солнечных панелей.

Помимо упомянутого Катара, и другие аравийские монархии – Оман, Кувейт, Саудовская Аравия, а также Иордания могут рассчитывать на положительные результаты активности в вопросе о внедрении ресурсосберегающих технологий в производство электрической энергии. Алжир, Египет и особенно Марокко также имеют довольно чёткую перспективу превратиться в важный рынок voltaической и концентрированной солнечной энергетики.

Арабский «солнечный» проект почти совпал по времени с принятой в январе 2016 г. повесткой дня в области устойчивого развития на период до 2030 г., за которой последовало Парижское соглашение по климату. Волна активности, в русле которой оказалась арабская инициатива, вызвала энтузиазм в арабском мире и уверенность в возможности выполнения поставленных задач. Ведь ещё в канун конференции арабские лидеры неоднократно высказывались о выгодах устойчивой энергетики, о новых подходах к экологии, поддерживали идею снижения нагрузки от парниковых газов.

По данным на 2014 г., Катар, Кувейт, ОАЭ и Бахрейн, Саудовская Аравия и Оман по вредным выбросам на душу населения занимали конечные места в рейтинге Всемирного банка. Их средний показатель составлял 25 метрических тонн по сравнению со средним по арабскому миру показателем, составлявшим 4,9 т в указанном году.

Приведённый индикатор свидетельствует о крайне опасной для Аравии ситуации. Учитывая объём задач на энергетическом фланге развития и субрегиона, и арабского мира в целом, можно полагать, что решение такой объёмной задачи будет выходить далеко за пределы 2030 г. Во всяком случае Дубай заявлял о том, что только к 2050 г. сможет поднять долю зелёной энергии в общем объёме производства до 75%. Пока же для извлечения энергии продолжает интенсивно использоваться природный газ и нефть в соотношении 60 к 34.

По состоянию на 2013 г., на Арабском Востоке на долю ветра и солнца в общей генерации приходились соответственно всего 0,1% и 0,5%. Малая часть выработанного ресурса обеспечивалась за счёт гидроэлектростанций – 4,6% и сжигания угля – 1%. Из цифр следует, что даже гидроэлектростанции мало типичны для БВСА, где всего в нескольких странах есть крупные водные артерии, а что касается угля, то этот способ и вовсе можно считать экзотическим¹⁵.

¹⁵ Energy in the Arab Region. Regional Coordination Mechanism (RCM). Issues Brief for the Arab Sustainable Development Report. UN ESCWA. 2015 p. 10

И в 2015 г. на фоне явного преобладания минерального сырья в производстве энергии роль нетрадиционных источников оставалась ничтожной: доля солнечной энергии не превышала 0,4%, ветровой 0,9% и остальных – 0,02%, не считая гидроэлектростанций, поставляющих 4,7% объёма генерации¹⁶. Впрочем, и усреднённые мировые показатели варьируются близко к указанным.

Установленные мощности для эксплуатации возобновляемых ресурсов в регионе довольно сильно распылены между странами. В фотоэлектрическом спектре они расположены в следующей последовательности. Ведущее место в 2014 г. принадлежало Алжиру (274 МВ), второе – ОАЭ (33 МВ), третье – Египту, Иордании и Саудовской Аравии (25, 26, 25 МВ), четвертое – Марокко и Тунису (18 и 15 МВ соответственно), замыкающими были Бахрейн, Ливан, Катар (5; 5 и 3 МВ). По суммарной установленной мощности эти государства распределялись в следующем порядке. Открывал список Алжир – 299 МВ, затем следовали Эмираты – 132 МВ, далее Египет, Марокко и Саудовская Аравия – 45, 26 и 25 МВ, ещё далее Тунис с 15 МВ Катар – 3 МВ, Ливан и Бахрейн – по 5 МВ¹⁷.

Выработка тепловой энергии солнечными коллекторами (как правило, крупными инфраструктурными предприятиями) на тот период не получила особого распространения, и была представлена несколькими частными случаями: в Эмиратах – 100 МВ, Алжир – 25 МВ и Египет и Марокко – по 20 МВ¹⁸.

Очевидно, что фотоэлектрический компонент доминирует в гелиоэнергетике Арабского Востока – 433 МВ против 145 МВ коллекторного. На данный момент преимущества первого над вторым определяются главным образом разницей в затратах на реализацию проектов. Их количественный рост на обоих направлениях будет означать выход на промышленные масштабы производства.

И всё же системообразующие объекты инновационной энергетики наперечёт. Поэтому не следует преуменьшать значения малых сил и форм, которые, по мере возможности, раздвигают рамки зелёной энергетики, в частности, в интересах сельской электрификации и транспорта, опреснения, нагрева и охлаждения воды. Внедрение мелкотоварных поставщиков электроэнергии на локальном уровне должно выполнять важную социальную функцию. Спрос на их генерацию может только увеличиваться в связи с тем, что характерные для арабского мира в последние десятилетия проблемы и в будущем будут нарастать по восходящей: это бедность, дефициты разного рода, демографический фактор и многие другие, сводящие усилия больших общественных групп в разных странах к борьбе за выживание.

На этом фоне ожидается ежегодный прирост потребления электроэнергии в регионе на 3-8%, и более всего по странам, добывающим углеводородное сы-

¹⁶ IRENA International Renewable Energy Agency. League of Arab States. Overview of Developments. p.9

¹⁷ World Energy Council. World energy Renewables. 2016 pp. 62-70

¹⁸ Energy in the Arab Region. Regional Coordination Mechanism (RCM). Issues Brief for the Arab Sustainable Development Report. UN ESCWA. 2015, p.8.

рьё, которые предположительно и сами рискуют со временем оказаться в числе импортеров электроэнергии¹⁹.

Избежать возникновения ещё одного кризиса можно в том только случае, если параллельно выстроить надежно застрахованную альтернативу. Не случайно вокруг возобновляемой энергетики в БВСА отмечается повышенная активность целого сообщества международных и национальных организаций, иностранных фирм и компаний, к процессу присоединились и крупные местные инвесторы.

Деятельность этих субъектов экономических отношений имеет шансы вылиться в создание физических активов, которые при благоприятных обстоятельствах смогут объединяться в крупные конфигурации, благодаря концентрации капиталов по месту и времени. Цель этого – создание крупных объединённых энергосетей, выстраивание которых составляет важную задачу для всех заинтересованных в бесперебойном снабжении потребителей.

К 2030 г. абсолютными лидерами по показателям планируемой установленной мощности предположительно должны стать Алжир – 15 тыс. МВ, Кувейт – 9,3 тыс., Дубай – 5 тыс., Марокко – 4,6 тыс., Тунис – 1,5 тыс., Иордания – 0,9 тыс. МВ. Только Саудовская Аравия намечает достижение пика к 2040 г., а именно 41 тыс. МВ, и поднимет планку, видимо, на недостижимую для других соседей по региону высоту.

На этом фоне небудительными выглядят показатели по Сирии – 3,3 тыс. МВ к 2030 г., особенно если учесть шестилетнюю войну, истощение финансовых ресурсов и необходимость масштабных восстановительных работ. То же касается Ливии – 1,2 тыс. МВ, Судана – 1,1 тыс., которые не относятся к категории благополучных стран и стоят перед лицом не меньших проблем. Сомнения вызывают даже невысокие показатели Ирака – 0,3 тыс. МВ, Йемена – 0,1 тыс., Палестины и Мавритании – менее 0,1 МВ, обстановка в которых остаётся в диапазоне от нестабильной до весьма напряжённой.

Приведённые цифры, возможно, отражают завышенные цели, которые устанавливались ещё в 2010 г., до начала «арабской весны» и последовавшей за ней катастрофы, тем более, что нет указаний на то, что в них вносились коррективы. Но даже если подобное имело место, то и минимальные наметки в дорожной карте устройства гелиоэнергосистем едва ли к концу срока могут реализоваться полностью: и внутренних возможностей явно не хватит, и иностранная помощь будет проблематична²⁰.

В целом же, создаётся впечатление, что нынешний почти бум солнечной энергетики в арабском мире пока более обозначает намерения, чем готовит переход к новому явлению, масштабы которого определяются размахом работ

¹⁹ Pan Arab Renewable Energy Strategy 2030. Roadmap of Actions for Implementation / IRENA. 2014, pp. 4-5.

²⁰ Pan Arab Renewable Energy Strategy 2030. Roadmap of Actions for Implementation / IRENA. 2014, pp. 4-5.

по этой тематике. Кажется очевидным, что и через десять и более лет солнечная энергетика в регионе не может составить серьёзную конкуренцию традиционному энергосырью. Реальнее предполагать, что она может увеличить свой удельный вес в энергетических возможностях, но только в качестве дополнения к имеющемуся потенциалу, а не вытеснить его с занимаемых позиций.

На этом фоне развитие энергетической составляющей роста не будет равномерным по всем направлениям. Не менее очевидно, что ближе других к конечной цели окажутся именно арабские экспортёры нефти и некоторые более развитые неэкспортёры, которые за десятилетия совершили трудный переход к рыночной экономике и ныне функционирующей с большими изъятиями. Но даже при поверхностном интегрировании в процесс глобализации и ограниченной эффективности частного капитала они смогли добиться хотя бы минимального доступа в некоторые высоко конкурентные сегменты мирового рынка инноваций и получить шанс приступить к диверсификации своих энергосистем.

Противоположная и менее благополучная группа арабских стран едва ли по всем позициям достигнет национальных целей в солнечной энергетике. Едва ли представляющие её государства смогут в исторически короткие сроки преодолеть жёсткие социально-экономические проблемы нынешнего и грядущего этапов, повысить макроэкономическую результативность, провести структурные реформы и заложить основы перехода к новому технологическому витку, начав его с освоения инновационных способов получения энергии. Скорее всего, это может быть своего рода «кустарный» проект, обречённый на застойное развитие. Иное требует более высокого технического уровня нации, а равно и других активов, способствующих накоплению нового качества, и не только в энергетике.

На путях переформатирования национальной арабской генерации стоят и другие препятствия. И это не только общая повышенная турбулентность, способная перерасти в жёсткие конфликты. У них много составляющих, и они могут возникнуть и в продовольственной, и в демографической нишах, и по поводу воды или экологии и по множеству иных тем, которые могут завершиться кризисной фазой.

И не факт, что созданные ими противоречия не пресекут на каком-то этапе проект преобразования исторически сложившейся системы обычной электрогенерации в современный высокотехнологичный механизм, работающий на экологически безвредных и экономически выгодных принципах как в «бедной», так и «богатой» частях Арабского Востока. Если это и случится, то будет ещё одним доказательством, что арабский мир не может уйти от разобщённости, и каждая его часть развивается сообразно своим внутренним алгоритмам, которые в силу исторических, экономических, социальных и иных причин плохо поддаются рациональной регулировке.

Список литературы

1. Исаев В.А., Филоник А.О. Катар: три столпа роста. М.: Институт востоковедения РАН, 2015. 320 с.
2. Соловьева З.А. Развитие солнечной энергетики в Марокко // Восточная аналитика. Сетевой аналитический журнал Института востоковедения РАН 07.02.2017. [Электронный ресурс]. URL: <https://va.ivran.ru/articles?artid=6893> (дата обращения: 10.12.2017).
3. Филоник А.О. Сценарии развития арабских стран до 2050 г. Сценарии и идеи. Бюллетень. 2013. Т. 1, №4. 12 с.
4. Bassam F., El-Katiri L. Energy Subsidies in the Middle East and North Africa // Energy Strategy Reviews. June 2013. Vol. 2, Issue 1. P. 108-115. DOI: 10.1016/j.esr.2012.11.004
5. El-Katiri L., Husain M. Prospects of Renewable Energy in GSS States: Opportunities and Need for Reform. Oxford 2014. 21 p.
6. El-Katiri L., Bassam F. Interconnecting the GSS States. Oxford Energy Forum, 2011. P. 10-12.
7. El-Katiri L. Energy Sustainability in the Gulf States – The Why and the How. Oxford. Oxford Institute for Energy Studies, 2013. 32 p.
8. Lahn G., Stevens P., Preston F. Saving Oil and Gas in the Gulf. Chatam House, 2013.
9. Rubino A., Teresa M., Campi C., Ozuk I. Regulation and Investments in Energy Market Solution for the Mediterranean. Elsevier, 2016. 384 p.
10. Swain A., Jagerskog A. Emerging Security Threats in the Middle East. The Impact of Climate Change and Globalization. Maryland: Rowman & Littlefield Publishers, 2016. 208 p.

Об авторах:

Александр Оскарович Филоник – к.э.н., ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, Российская Федерация, 107031, г. Москва, ул. Рождественка, 12. E-mail fao44@mail.ru.

Владимир Александрович Исаев – д.э.н., главный научный сотрудник Института востоковедения РАН, профессор, Институт стран Азии и Африки МГУ, Российская Федерация, 107031, г. Москва, ул. Рождественка, 12. E-mail: v-isaev@yandex.ru.

Владимир Михайлович Морозов – к.и.н., доцент кафедры дипломатии МГИМО МИД России, проректор по кадровой политике, Российская Федерация, 119454, г. Москва, пр. Вернадского, 76. E-mail: morozov v m@mgimo.ru.

RENEWABLES IN DEVELOPMENT OF THE ARAB EAST (CASE OF SOLAR ENERGY)

Alexander O. Filonik, Vladimir A. Isaev, Vladimir M. Morozov
DOI 10.24833/2071-8160-2017-6-57-

The Institute of Oriental studies
The Institute of Asia and Africa of Moscow state University
Moscow state Institute of international relations of the MFA of Russia

The article analyzes problems of solar energy rise in the Middle East and North Africa. The Arab World possesses huge resources of oil and natural gas and gained great significance as a world producer and exporter of energy. The MENA region home market is also a big consumer of oil and gas. The study stresses the fact, that industrial processing of mass amounts of crude inside the region has already created serious constraints in development of the area. The further steps to overwhelm the aggravations may be positive if secured through minimizing serious threats, concentrating around problems of climate warming and green

gases. The perspectives of doing well in this vital sphere are closely connected with the implementation of various kinds of renewables represented in the Arab East in supply, given the fact that the most preferred of them is the sun energy as economically more commercial and so far more effective in its competition with the traditional fuels. Meanwhile the study confirms that the Arab World as a whole is not yet ready for frontal deployment of this method of electric power generation. The real obstacle for the major part of the Arab countries is the inequality of their economic potentials and lack of financial support for industrial use of the new type of energy. There are also social and economic limits doing alongside with the macroeconomic factors. Insufficient experience and lack of competence are followed by more serious factors seeing in bureaucratic hurdles, passivity of national capital, incorrect distribution of functions among administrative bodies, etc. The whole situation is abnormally stressed due to the absence of flexible cost-reflective energy policy and improper billing mechanisms still dominating the region and braking promotion of solar energy industry. The study comes to the conclusion that any delay with building-up of most favorable grounds for the energy market in the MENA region may provoke mal-practicing of the whole business and then the ambitious arab plan for the solar energy development may find itself effective only to a certain degree.

Key words: renewable energy, solar energy, solar concentrating technology, PV energy, fossil fuel, investments, ecology, global warming, subsidies, prices.

References

1. Isaev V.A., Filonik A.O. *Katar: tri stolpa rosta* [Qatar: three pillars of growth], Moscow, 2015. P. 186. (In Russian).
2. Soloviova Z.A. Razvitie solnechnoy energetiki v Marokko [Development of sun energy in Morocco]. *Vostochnaya analitika. Setevoy analiticheskiy zhurnal Instituta vostokovedeniya Rossiyskoy akademii nauk* 7.02.2017. URL: <https://va.ivran.ru/articles?artid=6893> (accessed: 10.12.2017) (In Russian)
3. Filonik A.O. *Scenarii razvitiya arabskih stran do 2005*. Scenarii i idei. Biulliuten. Moscow. 2013, vol. 1, no 4. 12 p. (In Russian).
4. Bassam F., El-Katiri L. Energy Subsidies in the Middle East and North Africa. *Energy Strategy Reviews*. June 2013, vol. 2, Issue 1, pp. 108-115. DOI: 10.1016/j.esr.2012.11.004
5. El-Katiri L., Husain M. *Prospects of Renewable Energy in GSS States: Opportunities and Need for Reform*. Oxford 2014. 21 p.
6. El-Katiri L., Bassam F. *Interconnecting the GSS States*. Oxford Energy Forum, 2011. P. 10-12.
7. El-Katiri L. *Energy Sustainability in the Gulf States – The Why and the How*. Oxford: Oxford Institute for Energy Studies, 2013. 32 p.
8. Lahn G., Stevens P., Preston F. *Saving Oil and Gas in the Gulf*. Chatam House, 2013.
9. Rubino A., Teresa M., Campi C., Ozuk I. *Regulation and Investments in Energy Market Solution for the Mediterranean*. Elsevier, 2016. 384 p.
10. Swain A., Jagerskog A. *Emerging Security Threats in the Middle East. The Impact of Climate Change and Globalization*. Maryland: Rowman & Littlefield Publishers, 2016. 208 p.

About the authors:

Alexander O. Filonik – Ph.D. (Economics), leading researcher, Institute of Oriental studies, RAS, Russian Federation, 107031, Moscow, Rozhdestvenka st.,12. E-mail: fao44@mail.ru.

Vladimir A. Isaev – Dr.Sc. (Economics), principal researcher, Institute of Oriental studies RAS; professor, Institute of Asian and African countries, MSU, 1 Russian Federation, 107031, Moscow, Rozhdestvenka st.,12. E-mail: v-isaev@yandex.ru.

Vladimir M. Morozov – Ph.D. (History), Associate Professor, Department of Diplomacy, MGIMO-University, vice-rector for human recourses, Russian Federation, 119454 Moscow, Vernadskogo av., 76. E-mail: morozov v m@mgimo.ru.

РАБОТА СОВЕТА БЕЗОПАСНОСТИ ООН ПО СИРИЙСКОМУ КРИЗИСУ В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ СИСТЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

М.С. Ходынская-Голенищева

Постоянное представительство России при ООН и других международных организациях в Женеве

В статье рассмотрены основные тенденции работы Совета Безопасности ООН по сирийскому сюжету. Отмечается, что на взаимодействии членов СБ в полной мере отразилось современное развитие международных отношений, связанное с её трансформацией в сторону полицентричности. Этот процесс сопряжён с уменьшением возможностей США, стремящихся использовать СБ ООН для проведения собственной узкоконъюнктурной политики, при росте влияния новых центров силы, прежде всего, России и Китая, готовых отстаивать принцип недопустимости использования СБ ООН для вмешательства во внутренние дела государств с целью смены режимов.

Для противодействия этой тенденции Вашингтон и его союзники проводили политику давления на Москву, пытаясь заставить её отказаться от проведения независимого курса в отношении Сирии. При этом активно использовался тезис о «парализованности» СБ ООН применительно к конфликту в Сирии из-за позиции России. Одновременно российские инициативы в СБ ООН, направленные на деэскалацию ситуации и запуск межсирийского диалога, отвергались. Тем не менее, последовательная позиция России и Китая заставила Запад постепенно осознать безальтернативность поиска общих знаменателей по сирийскому вопросу, коллективной, партнёрской работы по нахождению путей прекращения конфликта. В итоге стало возможно принятие целого ряда решений СБ ООН, касающихся различных аспектов урегулирования кризиса. Были согласованы основные принципы урегулирования, переговорные форматы для участников конфликта и внешних игроков. Таким образом, именно взаимодействие по Сирии дало шанс СБ ООН стать воплощением и гарантом многополярного мира, площадкой для согласования подходов на равноправной коллективной основе в условиях меняющегося мира.

Ключевые слова: Сирия, ООН, Совет Безопасности ООН, многополярность, однополярность, терроризм, Ближний Восток.

УДК 327.7

Поступила в редакцию 01.10.2017 г.

Принята к публикации 05.12.2017 г.

Сирийский кризис является одним из наиболее острых конфликтов современности, впитавших в себя основные черты нынешней эпохи. Очевидно, что этот кризис ещё раз зафиксировал переход к многополярности, то есть появление центров силы, которые отстаивают свои национальные интересы и в меньшей степени считаются с мнением Вашингтона, претендовавшего на глобальное доминирование. Это проявилось и в ходе работы Совета Безопасности ООН по сирийскому кризису. Обозначилось две линии поведения – акцент на коллективных действиях и блоковое мышление, подразумевающее логику «свой – чужой» и поддержание блоковой дисциплины в ущерб совместной борьбе с глобальными вызовами и угрозами [3; 10].

Изначально работа в СБ ООН по Сирии проходила в условиях несколько противоречивой позиции Вашингтона: США выступали «поборником демократии» и прав человека во внутренних делах далёких от них стран, но на международной арене отвергали некоторые нормы международного права и принцип суверенного равенства государств. Попытки выработать в СБ ООН формулу урегулирования сирийского кризиса проходили в тот период, когда Вашингтон открыто объявил о своём праве использовать силу в одностороннем порядке, сделал военное вмешательство «нормой», что не могло не вызывать тревоги остальных государств мира, включая многих членов Совета Безопасности¹.

Это нашло воплощение в попытках США и их союзников заменить совместный поиск ответов на мировые проблемы получением «благословения» со стороны ООН и её Совета Безопасности на собственные односторонние действия. Вместо «коллективного лидерства» по Сирии предлагалась схема, где Россия, согласившись с ролью молчаливого наблюдателя, «не мешала» бы смене режима в очередной стране Ближнего Востока [6]. Такая односторонняя линия Запада нанесла удар по системе международного права, привела к тому, что в международных отношениях накопились системные проблемы, связанные с недоверием, отсутствием должного анализа глубинных причин возникавших угроз, отказом от обмена информацией и иных форм сотрудничества – даже в ущерб взаимным интересам. Попытки противостоять политике ультиматумов встречали агрессивную реакцию западных политиков, СМИ и подконтрольных НПО.

Хотя США и их союзники вели себя наступательно, они всё же были вынуждены в определённой степени корректировать линию в СБ из-за исторического «опыта», в первую очередь, иракского, когда им пришлось применять силу без прямой санкции Совета. Иными словами, США и их союзники взяли курс на обязательное получение разрешения со стороны СБ ООН на свои инициативы [5]. В сирийском случае задача состояла в том, чтобы добиться принятия «силовой» резолюции СБ по Главе VII Устава ООН под любым предлогом – нарушения прав человека, ухудшающейся гуманитарной ситуации, применения химиче-

¹ Выступление министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова на 69-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН. 27 сентября 2014 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.mid.ru/press_service/minister_speeches/-/asset_publisher/7OvQR5KJWVmR/content/id/668972 (дата обращения: 15.10.2017).

ского оружия, необходимости обеспечения правосудия. Затем такое решение СБ предполагалось использовать как первый шаг на пути принятия новой резолюции, дававшей «зелёный свет» на проведение военной операции, которая в реальности преследовала бы цель свержения президента САР Б. Асада. Чему бы ни были посвящены западные проекты резолюций, их объединяло одно – несбалансированность сигналов сторонам конфликта, односторонние обвинения властей и «автоматизм» в наказании Дамаска в случае неисполнения.

Однако добиться резолюции Совета Безопасности с одобрением силового вмешательства оказалось непросто, так что после применения химического оружия в сирийской Восточной Гуте в августе 2013 г. США и Великобритания прибегли к угрозе применения силы. Более того, после заявлений руководства США и Великобритании о «пересечении красных линий сирийским режимом», американская администрация и британское правительство поспешили в парламенты для получения соответствующих санкций своих законодателей, хотя, строго говоря, юридической нужды в этом – с точки зрения национального законодательства – не было.

При этом, по крайней мере на начальном этапе конфликта в Сирии, Запад предлагал в СБ ООН принятие «силовых» инициатив с твёрдой уверенностью в том, что согласие будет получено с легкостью. Однако понадобилось время, чтобы США и союзники осознали, что после агрессий против Ирака и Ливии некоторые крупные международные игроки могут сдержанно относиться к легитимации военного решения сирийского конфликта на различных площадках ООН [7].

Иную линию поведения в СБ ООН отстаивали Китай и Россия. Она заключалась в том, что необходимо не допустить принятия Советом тех резолюций, которые, во-первых, допускали возможность расширительного толкования (по примеру Ливии, когда, грубо извратив положения резолюции СБ №1973 о введении бесполетной зоны, НАТО по сути участвовала в гражданской войне в этой стране на стороне антиправительственных сил), а во-вторых, служили бы постепенному, поэтапному усилению санкций против неудобного правительства вплоть до момента, когда уже ничего не остаётся, кроме как давать разрешение на применение силы (как, например, было в Югославии) [4; 8].

Настойчивость Запада в том, чтобы добиться принятия СБ ООН «силовой» резолюции, привела к тому, что Россия и Китай четырежды воспользовались правом вето. Если посмотреть на содержание заблокированных проектов резолюций, на первый взгляд они касались разных аспектов ситуации в Сирии. Однако анализ сущностного наполнения этих документов демонстрирует, что, несмотря на текстуальные отличия, «ядро» у них было одно – односторонние обвинения сирийских властей, ультимативные требования в отношении Дамаска и автоматизм в принятии последующих решений о санкционно-силовых мерах.

Первая резолюция (октябрь 2011 г.) была расписана в правозащитном ключе и содержала целый ряд обвинений в отношении правительства САР. В случае

несоблюдения Дамаском выдвинутых условий предполагалось задействовать «силовую» Главу VII Устава ООН². По сути, предлагалось повторение ливийского сценария: далее последовало бы оружейное эмбарго (при том, что ограничения на поставки оружия вооружённой оппозиции были минимальными), затем применение Главы VII Устава ООН и вооруженная операция «для защиты прав человека». Кроме России и Китая документ отказались поддержать Бразилия, Индия, Ливан и ЮАР.

Второй проект (февраль 2012 г.) имел правозащитно-гуманитарную направленность. Текст содержал односторонние требования к руководству САР, игнорировал террористическую угрозу и предполагал «дальнейшие меры» в случае невыполнения резолюции³. Государства-спонсоры резолюции отказались принять российские предложения с призывом к оппозиции отмежеваться от радикалов и требованием к вооруженным группам не нападать на жилые кварталы⁴. Об истинном смысле проекта западных государств говорит следующий факт. Российская сторона предложила американцам не вносить его СБ ООН до визита министра иностранных дел С.В. Лаврова и главы СВР М.Е. Фрадкова в Дамаск в феврале 2012 г., чтобы не накалять обстановку, дать возможность переговорам с сирийским руководством состояться в благоприятной атмосфере. Однако США пошли на обострение и спровоцировали российско-китайское вето, исходя из убеждения, что Б. Асад «вот-вот падёт».

Третий проект (июль 2012 г.) был «правозащитно-политическим». Несмотря на то, что его жёсткая и ультимативная суть была «прикрыта» пассажами о необходимости имплементации мирного плана спецпосланника ООН/ЛАГ по Сирии К.Аннана, Дамаск заранее обвинялся в его невыполнении, от властей требовалось прекратить боевые действия. Угрозы давления и санкций адресовались исключительно правительству, что в корне противоречило духу и букве Женевского коммюнике⁵. Причём в случае отказа Дамаска «капитулировать» в течение 10 дней подразумевалось автоматическое применение силовых мер по Главе VII Устава ООН. Западные страны отрицали, что резолюция имеет целью смену режима в Сирии, но при этом отказались прописать в тексте положение о том, что военное вмешательство третьих сторон в конфликт исключается. 19 июля 2012 г. Россия и Китай заветировали проект, против также проголосовали Пакистан и ЮАР.

² Security Council draft resolution. 4 October 2011. UNDocument S/2011/612 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.securitycouncilreport.org/atf/cf/%7B65BFCF9B-6D27-4E9C-8CD3-CF6E4FF96FF9%7D/Syria%20S2011%20612.pdf> (дата обращения: 15.10.2017).

³ Security Council draft resolution. 4 February 2012. UNDocument S/2012/77 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.securitycouncilreport.org/atf/cf/%7B65BFCF9B-6D27-4E9C-8CD3-CF6E4FF96FF9%7D/Syria%20S2012%2077.pdf> (дата обращения: 15.10.2017).

⁴ Совет Безопасности. Шестьдесят седьмой год. 6711-е заседание. 4 февраля, 2012 г. Нью-Йорк. Документ ООН S/PV.6711 [Электронный ресурс]. URL: http://dag.un.org/bitstream/handle/11176/16571/S_PV.6711-RU.pdf (дата обращения: 15.10.2017).

⁵ Совет Безопасности. Шестьдесят седьмой год. 6810-е заседание. 19 июля, 2012 г. Нью-Йорк. Документ ООН S/PV.6810 [Электронный ресурс]. URL: http://repository.un.org/bitstream/handle/11176/17350/S_PV.6810-RU.pdf (дата обращения: 15.10.2017).

Наконец, четвёртый непринятый проект резолюции СБ ООН, предложенный в мае 2014 г. французами, предполагал передачу сирийского досье в Международный уголовный суд. Но беспристрастность этого учреждения вызывает сомнения: например, в Ливии ни один из совершивших военные преступления повстанцев не понес ответственности, а перенос ливийского вопроса на уровень Совета Безопасности послужил исключительно для давления на власти Джамахирии.

Давление на Россию в СБ ООН по Сирии

Россия предложила в СБ ООН другую логику взаимодействия, в центре которой вместо «шельмования» одной из сторон сирийского конфликта было объединение ведущих игроков вокруг достижения цели прекращения огня и запуска политического диалога. В самом начале сирийских событий Россия разработала проект резолюции с осуждением любого насилия в Сирии, призывом к международному сообществу убедить стороны прекратить огонь и начать переговоры. Затем Москва предложила проект, содержащий предложения по реальным шагам для деэскалации ситуации: Миссия ООН по наблюдению в Сирии должна была разработать специальный план по прекращению насилия в каждом охваченном военными действиями районе страны⁶. Были и другие инициативы. Однако западные государства оказались не готовы к работе по российским предложениям. Заложённая в них объединительная философия не соответствовала их планам и чаяниям курируемых ими групп оппозиции, настроенных на продолжение войны с целью свержения Б. Асада и захвата власти.

В этих условиях задачей Запада было оказание давления на Россию и Китай с тем, чтобы Москве и Пекину было сложно с «психологической», имиджевой точки зрения заблокировать западные проекты. В частности, постпред Франции в ООН Ж. Аро отмечал: «Нам должно быть стыдно перед историей. Поступив таким образом, эти страны (Россия и Китай. – Авт.) беззастенчиво присоединились к режиму, который убивает свой народ. Они решили, что их присутствие на Ближнем Востоке отныне зависит от судьбы режима Б. Асада»⁷. А бывший постпред США С. Райс подчеркивала: «Здесь не должно быть сомнений: речь идёт не о военной интервенции. Дело не в Ливии. Это дешёвая уловка тех, кто предпочитает продавать оружие сирийскому режиму, а не поддерживать сирийский народ»⁸.

⁶ Security Council draft resolution. 17 July 2012. UN Document S/2012/547/Rev.2 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.securitycouncilreport.org/atf/cf/%7B65BFCF9B-6D27-4E9C-8CD3-CF6E4FF96FF9%7D/Syria%20S%202012%20547%20Rev%202.pdf> (дата обращения: 15.10.2017).

⁷ Совет Безопасности. Шестьдесят седьмой год. 6711-е заседание. 4 февраля, 2012 г. Нью-Йорк. Документ ООН/S/PV.6711 [Электронный ресурс]. URL: http://dag.un.org/bitstream/handle/11176/16571/S_PV.6711-RU.pdf (дата обращения: 15.10.2017).

⁸ Explanation of Vote by Ambassador Susan E. Rice, U.S. Permanent Representative to the United Nations, at a Security Council Adoption on the Situation in the Middle East (Syria). Susan E. Rice. U.S. Permanent Representative to the United Nations .U.S. Mission to the United Nations. New York, 2011, October 4. [Электронный ресурс]. URL: <http://usun.state.gov/briefing/statements/2011/175027.htm> (дата обращения: 15.10.2017).

Суть информационной кампании в отношении России и Китая заключалась в следующем: Запад стремился «изолировать» Россию в глазах международного сообщества, выставить её «защитницей тиранического режима» с помощью обнародования критической массы тенденциозных материалов. Такие публикации содержали апеллирование к морали, вбросы в медиaprостранство накануне заседаний СБ ООН новых данных о жертвах «диктаторского режима», искажение позиции России. При этом в своей обвинительной риторике западные государства и СМИ пытались возложить ответственность за события в Сирии исключительно на Москву. Китай упоминался вскользь или вовсе оставался за скобками.

Важно, что западные государства пытались делегитимизировать не только позицию России, но и само право вето постоянных членов СБ ООН. Хотя США, к примеру, с 1990 г. наложили вето на 16 проектов резолюций, преимущественно по палестино-израильскому урегулированию. Тем самым, ситуативные интересы западных государств ставились выше институциональной рамки взаимодействия, которая задумывалась как основа поиска компромиссов в ООН, что особенно важно для государств с различным видением ситуации в мире и в конкретных регионах [9; 11].

Обвиняя Россию, Запад не информировал общественность о том, что именно Москва неоднократно предлагала в СБ ООН потенциально полезные инициативы. Кроме вышеперечисленных проектов резолюций это ещё и предложения осудить кровавые теракты, гремевшие в густонаселённых районах Сирии на остановках, рынках, в университетах⁹, а также идея подготовить документ об опасности попадания химических веществ в руки террористов в Ираке и Сирии. Эти идеи не нашли поддержки у западных государств. Равно как и предложение России принять отдельную резолюцию в поддержку Женевского коммюнике по урегулированию кризиса в Сирии – а с такой инициативой российская сторона выступила сразу после его принятия. Хотя коммюнике было консенсусным документом, выработанным с западными странами, потребовались месяцы, чтобы СБ ООН одобрил его.

Одним из методов давления на Россию стали спекуляции на тему того, что сирийский кризис якобы «парализовал СБ». В такой трактовке, неспособность важнейшего органа ООН предпринять решительные шаги по поддержанию мира и безопасности в Сирии объяснялась исключительно позицией Москвы. Подобные тезисы остаются преувеличением. Например, в 2014 г. СБ ООН единогласно одобрил шесть десятков резолюций (и только три – не единогласно), почти три десятка заявлений Председателя и свыше 130 заявлений для прессы. В повестке дня СБ ООН находятся 70 вопросов, связанных с поддержанием мира и безопасности, причём по большинству из них у России и Запада разногласий нет.

⁹ Комментарий заместителя директора Департамента информации и печати МИД России М.В. Захаровой в связи с очередной террористической атакой в сирийском городе Алеппо. 2013, 16 января. [Электронный ресурс]. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/126758 (дата обращения: 15.10.2017).

Оттолкнувшись от тезиса о «неэффективности» СБ ООН, Франция выдвинула концепцию «добровольного самоограничения» постоянных членов СБ ООН от использования вето в случае, если были совершены «массовые злодеяния». Здесь важно понимать: термина «массовых злодеяний» в международном гуманитарном праве нет – есть «военные преступления» и «преступления против человечности». Франция же продвигает новую квазиправовую категорию, которая допускает расширительные толкования.

Таким образом, западные страны пытались оказать давление на Россию в Совете Безопасности ООН. Аргументация США и их союзников сводилась к тому, что позиция Москвы не имеет поддержки на глобальном уровне, что такая позиция морально не оправданна и подразумевает поддержку «тирана», который серьёзно нарушает права и свободы граждан Сирии. Более того, западные государства поставили вопрос об изменении правил игры в СБ ООН с целью устранить саму возможность вето со стороны России. Одновременно компромиссные предложения Москвы отвергались, что свидетельствовало о неготовности США и их союзников к неидеологизированной и уважительной дискуссии по сирийской проблематике.

Поиск тяжёлых компромиссов

В условиях информационного давления российской дипломатии нужно было находить дополнительные доводы, искать нестандартные, прорывные решения, которые бы отводили силовые опции. Постепенно западные страны пришли к осознанию, что без коллективной работы в СБ ООН не получится вообще никакого решения сирийских проблем. Этот процесс привёл к принятию ряда прорывных документов. На прекращение боевых действий и начало политического процесса по урегулированию в Сирии были нацелены резолюции СБ №2042 и №2043 (14 и 21 апреля 2012 г.). В документах содержалась поддержка мирного Плана Спецпосланника ООН/ЛАГ по Сирии К. Аннана. Учреждалась Миссия ООН по наблюдению в Сирии с целью мониторинга прекращения вооружённого насилия во всех формах и всеми сторонами¹⁰. При этом стоит отметить, что Запад без большого энтузиазма относился к присутствию представителей ООН в Сирии, поскольку это подразумевало получение более сбалансированной информации из зон конфликта. Затем США стали фактически открыто работать на сворачивание Миссии. Резолюция СБ №2059 (20 июля 2012 г.) продлила Миссию ООН по наблюдению в Сирии на последний срок в 30 дней¹¹. США отказались войти в ее соавторы, поскольку, как дали понять американские

¹⁰ Резолюция Совета Безопасности ООН 2042. 14 апреля 2012 г. Документ ООН S/RES/2042 (2012) [Электронный ресурс]. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N12/295/28/PDF/N1229528.pdf> (дата обращения: 15.10.2017).

¹¹ Резолюция Совета Безопасности ООН 2059. 20 июля 2012 г. Документ ООН S/RES/2059 (2012) [Электронный ресурс]. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N12/432/02/PDF/N1243202.pdf> (дата обращения: 15.10.2017).

дипломаты, «смысла в сохранении Миссии в Вашингтоне не видели». Тем не менее, эти решения стали важным заделом в работе СБ.

Трудно переоценить значение резолюции СБ ООН №2118, единогласно принятой 27 сентября 2013 г. Документ прописал поставить под международный контроль и ликвидировать сирийскую программу химического оружия. Резолюция основывалась на соответствующей инициативе В.В. Путина и достигнутых на её основе в Женеве 14 сентября 2013 г. российско-американских договорённостях по химической демилитаризации Сирии. В документе были зафиксированы модальности уничтожения химического арсенала при ведущей роли Организации по запрещению химического оружия (ОЗХО). В этом документе не было прописано автоматическое применение Главы VII в случае несоблюдения резолюции – иначе у вооруженной оппозиции появилась бы мотивация устроить провокацию с «химией». В рамках реализации резолюции в октябре 2013 г. была учреждена миссия ОЗХО/ООН. Результатом её работы стал вывоз и уничтожение сирийского химоружия.

Принятие резолюции СБ ООН №2118, по сути, позволило США и их союзникам «сохранить лицо»: несмотря на угрозы применения силы, Вашингтон не имел реальных намерений вторгаться в Сирию. Такой шаг не имел бы поддержки из-за негативного восприятия операции в Ираке в американском обществе. Но публично отказаться от угроз США также не могли, если бы не подкреплённое авторитетом ООН решение о ненасильственной траектории урегулирования сирийского конфликта. Тем самым СБ ООН выполнил свою основную функцию, в сложнейших условиях гарантировав обеспечение мира и безопасности, не допустив скатывания событий в неконтролируемую плоскость.

В развитие этой темы в августе 2015 г. СБ ООН единогласно принял резолюцию № 2235: был создан совместный механизм ООН-ОЗХО для установления виновных в применении токсичных химикатов в качестве химического оружия в Сирии. Как известно, о применении хлора в ряде сирийских населённых пунктов с высокой степенью уверенности сообщала специальная миссия по установлению фактов, которая начала действовать весной 2014 г. под эгидой ОЗХО.

Российская дипломатия сумела добиться прогресса и в гуманитарной сфере. Благодаря заявлению Председателя СБ¹² и выработанным в его развитие двум резолюциям Совета по гуманитарной помощи Сирии – №2139 и №2165 (2014 г.) – удалось упростить доставку гуманитарной помощи сирийцам. Это не только помогло спасти жизни, но и способствовало деэскалации ситуации – ведь на время распределения помощи сирийские власти старались договариваться с вооружённой оппозицией о временном прекращении огня. Кстати, такие локальные замирения СБ ООН поддержал только после настойчивых требований с российской стороны.

¹² Заявление Председателя Совета Безопасности ООН. 2 октября 2013 г. Документ ООН S/PRST/2013/15 [Электронный ресурс]. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N13/496/85/PDF/N1349685.pdf> (дата обращения: 15.10.2017).

С течением времени более очевидными стали недостатки вооружённой оппозиции в Сирии – прежде всего, наличие в её составе крайне радикальных исламистских организаций. К вопросам урегулирования конфликта в Сирии всё больше добавлялась контртеррористическая повестка дня. Первым шагом в этом направлении стало принятие по инициативе России заявления председателя СБ ООН, в котором речь шла о недопустимости сделок по покупке нефти с захваченных «Джабхат ан-Нусрой» и ИГИЛ¹³ территорий [20]. Впоследствии целый ряд резолюций СБ ООН в 2014-2015 гг. (№2170, №2178, №2199, №2249, №2253) отмечал серьёзность террористической угрозы в Сирии. Был принят комплекс мер по противодействию распространению джихадистской угрозы, включая борьбу с финансированием и вербовкой боевиков, меры против экстремистской идеологии, недопустимость торговли нефтью и нефтепродуктами с «Исламским государством» и «Джабхат ан-Нусрой».

Примечательно, что включение в повестку дня сирийского урегулирования вопросов борьбы с терроризмом в значительной мере ослабило аргументацию стран Запада об аморальности позиции России и её изоляции. Москва задолго до 2014-2015 гг. предлагала отнестись серьёзно к террористической угрозе в Сирии. Но западные государства пришли к такому выводу только после громких терактов в Париже 13 ноября 2015 г., а также террористических вылазок в Сусе, Анкаре, в Бейруте и взрыва российского пассажирского самолета над Синаем.

Компромиссы по текущим проблемам сирийского конфликта, достигнутые на площадке СБ ООН, позволили обратиться к главной проблеме – формату урегулирования вооружённого противостояния. В августе 2015 г. единогласно было одобрено заявление председателя СБ, в котором он поддержал усилия Спецпосланника ООН по Сирии С. де Мистуры по претворению в жизнь Женевского коммюнике и, в частности, его инициативу о создании четырёх Рабочих групп, в рамках которых должно быть организовано обсуждение различных аспектов урегулирования конфликта самими сирийцами.

Это заявление стало первым единогласно одобренным документом СБ ООН, в котором все члены Совета смогли прописать единый подход к решению сирийского кризиса. За ним последовало одобрение (в отличие от Женевского коммюнике, весьма скорое) в резолюции СБ №2249 двух заявлений Международной группы поддержки Сирии от 30 октября 2015 г. и 14 ноября 2015 г. – важных консенсусных документов заинтересованных государств и международных организаций, в которых расписаны этапы и последовательность шагов урегулирования сирийского кризиса.

Данные документы были нацелены на то, чтобы определить перечень имеющихся проблем и порядок их решения. А принятая в декабря 2015 г. резолюция СБ ООН № 2254 зафиксировала разделение ролей иностранных посредников и собственно сторон конфликта. В этой резолюции закреплялись принципы

¹³ Террористическая организация, запрещённая в России.

урегулирования (заявления Международной группы поддержки Сирии и Женевское коммюнике), формат консультаций всех влиятельных внешних игроков (Венский) и механизмы взаимодействия по подготовке межсирийских переговоров под эгидой Спецпосланника ООН по Сирии С. де Мистуры. Резолюция закрепила за СБ ООН контроль за реализацией достигнутых на «Венских» встречах договорённостей. Иными словами, целый ряд спорных вопросов был вынесен за рамки ООН, что позволило Организации сохранить нейтральность и непредвзятость, а заинтересованным сторонам – продолжить дискуссии сразу в нескольких переговорных форматах.

В результате сформировалась определённая иерархия институтов межсирийского урегулирования. Функция взаимодействия с сирийскими сторонами – как политическими организациями, так и структурами «на земле» – возлагается на Международную группу поддержки Сирии («Венский формат»), которая, помимо прочих, включает Турцию, Саудовскую Аравию, Иран, Ирак, Египет. А крупные державы имеют возможность корректировать и контролировать процесс урегулирования в рамках заседаний СБ ООН.

Таким образом, последовательность российской дипломатии позволила, с одной стороны, отложить наиболее радикальные варианты урегулирования сирийского конфликта, а с другой – обеспечила достижение важных компромиссов, которые позволили на международном уровне закрепить принципы урегулирования конфликта и гибкую структуру переговорных форматов по урегулированию.

СБ ООН и многополярность

На фоне односторонних действий Запада, в том числе в Ираке и Ливии, в определённой степени дискредитировавших СБ, сирийский кризис во многом вернул Совету статус гаранта современного миропорядка. Предстоит немалая работа по закреплению такого статуса. Это наверняка будет встречать сопротивление Вашингтона, который вряд ли будет готов пересмотреть своё поведение в СБ, основанное на тезисе об «американской исключительности».

Представленная выше эволюция коллективной работы Совета Безопасности ООН отражает важную тенденцию в современной мировой политике. Вероятно, «момент однополярности» прошёл и страны Запада больше не могут прибегать к односторонним действиям для разрешения сложных политических проблем в других государствах. В этих условиях важно обеспечить цивилизованный переход к более полицентричной политической структуре мира. Вероятно, именно Совету Безопасности выпала роль главной площадки в деле согласования параметров такого перехода [10]. Очевидно, и сам Совет вынужден будет претерпеть определённую трансформацию, которая, с одной стороны, должна ускорить оперативное принятие решений по наиболее болезненным вопросам международной повестки, а с другой – сделать Совет более инклюзивным [1; 2].

Перспективы такого развития событий остаются туманными. Пока сложно предсказать, удастся ли распространить опыт сирийского урегулирования на другие конфликты, а также сохранится ли в СБ ООН настрой на поиск консенсуса, а не «простых решений». Однако альтернативы поиску компромиссов и многоуровневому решению проблем – это «война всех против всех», что намного хуже даже существующего положения дел.

Список литературы

1. Голованов Е.В. Возможности реформирования Совета Безопасности ООН // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2011. Т. 7. № 2. С. 165-174.
2. Калядин А.Н. Какая реформа поможет реализовать потенциал Совета Безопасности ООН? // Пути к миру и безопасности. 2015. № 2 (49). С. 7-19.
3. Щербак И.Н. О деятельности Совета Безопасности ООН на современном этапе // Вестник МГИМО Университета. 2013. № 6 (33). С. 9-14.
4. Allen S.H., Yuen A.T. The Politics of Peacekeeping: UN Security Council Oversight Across Peacekeeping Missions // International Studies Quarterly. 2014. Vol. 58. № 3. P. 621–632. DOI: 10.1111/isqu.12086
5. Aral B. An Inquiry into the “Effective” United Nations Security Council Resolutions Relating to the Middle East within the Past Decade // The Muslim World. 2012. №102. P. 225–247. DOI: 10.1111/j.1478-1913.2012.01403.x
6. Averre D., Davies L. Russia, humanitarian intervention and the Responsibility to Protect: the case of Syria // International Affairs. 2015. № 91. P. 813–834. DOI: 10.1111/1468-2346.12343
7. Engelbrekt K. Responsibility Shirking at the United Nations Security Council: Constraints, Frustrations, Remedies // Global Policy. 2015. № 6. P. 369–378. DOI: 10.1111/1758-5899.12259
8. Johnstone I. Legislation and Adjudication in the UN Security Council: Bringing down the Deliberative Deficit // The American Journal of International Law. 2008. Vol. 102, № 2. P. 275–308. DOI: 10.2307/30034539
9. Macklem P. Humanitarian Intervention and the Distribution of Sovereignty in International Law // Ethics & International Affairs. 2008. № 22. P. 369–393. DOI: 10.1111/j.1747-7093.2008.00172.x
10. Prantl J. Informal Groups of States and the UN Security Council // International Organization. 2005. Vol. 59, № 3. P. 559-592. DOI: 10.1017/S0020818305050204
11. Voeten E. The Political Origins of the UN Security Council's Ability to Legitimize the Use of Force // International Organization. 2005. Vol. 59, № 3. P. 527-557. DOI: 10.1017/S0020818305050198

Об авторе:

Мария Сергеевна Ходынская-Голенищева – к.и.н., сотрудник Постоянного представительства России при ООН. 1211 Женева, Швейцария. Авеню де ля Пэ 15. Email: khodynskaya_m@mail.ru.

THE UN SECURITY COUNCIL ACTING ON SYRIA IN THE CONTEXT OF EMERGING MULTIPOLARITY OF INTERNATIONAL RELATIONS

M.S. Khodynskaya-Golenischeva
DOI 10.24833/2071-8160-2017-6-57-161-173

Mission of the Russian Federation to the United Nations and Other International Organizations in Geneva.

The article analyzes main trends in the work of the UN Security Council on the Syrian issues. The author notes that the interaction of the Security Council members fully reflected the modern development of international relations, related to its transformation towards polycentricism. This process is associated with a reduction in the ability of the US to use the UN Security Council to conduct its own narrow-conjuncture policy, with the growing influence of new centers of power, primarily Russia and China. Those actors are ready to uphold the principle of inadmissibility of using the UN Security Council to interfere in the internal affairs of states in order to change regimes.

To counter this trend, Washington and its allies pursued a policy of pressure on Moscow, trying to force it to abandon an independent course toward Syria. At the same time, the thesis of the "paralysis" of the UN Security Council with reference to the conflict in Syria was actively used because of Russia's position. Simultaneously, Russian initiatives in the UN Security Council aimed at de-escalating the situation and launching an inter-Syrian dialogue were rejected. Nevertheless, the consistent position of Russia and China forced the West to gradually realize the non-alternative search for common denominators on the Syrian issue as well as collective partnership efforts to find measures to end the conflict.

As a result, it became possible to adopt a number of decisions of the UN Security Council concerning various aspects of the settlement of the crisis. The main principles of the settlement, negotiating formats for the participants in the conflict and external players were agreed upon. Thus, it was the interaction in Syria that gave the UN Security Council the opportunity to become the embodiment and guarantor of a multipolar world, a platform for harmonizing approaches on an equitable collective basis in a changing world.

Key words: Syria, UN, the UN Security Council, multipolarity, unipolarity, terrorism, the Middle East.

References

1. Golovanov E.V. Vozmozhnosti reformirovaniia Soveta Bezopasnosti OON [Opportunities for UN SC reform]. *Politicheskaia ekspertiza: POLI-TEKS*. 2011, vol. 7, no. 2, pp. 165-174. (in Russian).
2. Kaliadin A.N. Kakaia reforma pomozhet realizovat' potentsial Soveta Bezopasnosti OON? [What reform will be helpful to unleash UN SC potential] *Puti k miru i bezopasnosti*. 2015, no. 2 (49), pp. 7-19. (in Russian).
3. Shherbak I.N. O deiatel'nosti Soveta Bezopasnosti OON na sovremennom etape [On UN SC at the new stage]. *MGIMO Review of International Relations*. 2013, no. 6 (33), pp. 9-14. (in Russian).
4. Allen S.H., Yuen A.T. The Politics of Peacekeeping: UN Security Council Oversight Across Peacekeeping Missions. *International Studies Quarterly*. 2014, vol. 58, no. 3, pp. 621-632. DOI: 10.1111/isqu.12086
5. Aral B. An Inquiry into the "Effective" United Nations Security Council Resolutions Relating to the Middle East within the Past Decade. *The Muslim World*. 2012, no. 102, pp. 225-247. DOI: 10.1111/j.1478-1913.2012.01403.x
6. Averde D., Davies L. Russia, humanitarian intervention and the Responsibility to Protect: the case of Syria. *International Affairs*. 2015, no. 91, pp. 813-834. DOI: 10.1111/1468-2346.12343
7. Engelbrekt K. Responsibility Shirking at the United Nations Security Council: Constraints, Frustrations, Remedies. *Global Policy*. 2015, no. 6, pp. 369-378.
8. Johnstone I. Legislation and Adjudication in the Un Security Council: Bring-

- ing down the Deliberative Deficit. *The American Journal of International Law*. 2008. Vol. 102, № 2. pp. 275-308. DOI: 10.2307/30034539
9. Macklem P. Humanitarian Intervention and the Distribution of Sovereignty in International Law. *Ethics & International Affairs*. 2008. № 22. pp. 369–393.
10. Prantl J. Informal Groups of States and the UN Security Council. *International Organization*. 2005, vol. 59, № 3. pp. 559-592. DOI: 10.1111/j.1747-7093-.2008.00172.x
11. Voeten E. The Political Origins of the UN Security Council's Ability to Legitimize the Use of Force. *International Organization*. 2005. Vol. 59, № 3. pp. 527-557. DOI: 10.1017/S0020818305050198

About the author:

Maria S. Khodynskaya-Golenischeva – PhD in History, diplomat at the Permanent Mission of the Russian Federation to the United Nations Office and Other International Organizations in Geneva. 1211 Geneva, Switzerland. Avenue de la Paix 15.
E-mail: khodynskaya_m@mail.ru.

FROM HIGH ASPIRATIONS TO HARSH REALITY: EU HUMAN RIGHTS PROMOTION AT THE UN HUMAN RIGHTS COUNCIL

Anatoly S. Boyashov

Saint Petersburg State University, Russia
Bielefeld University, Germany

Since 1990s the EU has been highly aspirational on its role in human rights promotion on a global scale, which has led to the EU's proactive participation in international organizations. The Union identifies itself as 'global human rights force' but less and less acts in accordance with that identity at the UN HRC. At this intergovernmental body the EU acts as a smoothly coordinated block, which is contested by the other regional and political coalitions of states. The emerged multi-polar world system urges for a less normative analysis of EU human rights promotion.

The article proposes and applies 4 measurable indicators to assess the EU actorness in human rights promotion: 1) explicitness of references to the UN or global fora in the EU primary law and secondary legislation related to human rights promotion; 2) degree of support/contestation for the EU objectives by other non-EU actors at the HRC; 3) degree of (in)cohesiveness of EU external representation at the HRC; 4) EU (in)consistency in formulating priorities and using instruments at the HRC.

Multi-polar world system questions the EU high aspirations as 'a global force' in human rights promotion. The EU ability to use its instruments in human rights promotion is moderate even despite its enhanced burden sharing among the EU member states, a hybrid system of representation, a vast diplomatic and NGOs' network. 'Big' states still play the leading role in this process. The internal disagreement among the EU member states weakens the EU human rights promotion. The UN HRC structural context limits the EU opportunity to promote human rights, therefore, the EU tries to be less loud and less visible.

Key words: the European Union, Human Rights, the United Nations, the Human Rights Council, multi-polar world system.

УДК 327.3, 327.7, 341.231.14

Поступила в редакцию 9.11.2017 г.

Принята к публикации 7.12.2017 г.

Since 1990s the EU has been highly aspirational on its role in human rights promotion on a global scale, which has led to the EU's proactive participation in relative international organizations. To adapt its high aspirations on human rights to reality the EU has developed a complex institutional setting with the Union, state and non-state actors behind it. Surprisingly, at the UN Human Rights Council (UN HRC, HRC) the EU performance is rather moderate. Despite the fact that the value of fundamental human rights is a subject of numerous international agreements in history and is laid down in almost all national constitutions, the UN HRC reflects diverging views on what human rights are and how this fundamental value should be promoted. Neoliberal institutionalist theory remains quite popular to explain why the EU views on human rights should be promoted. The emerging multi-polar world system urges for a less normative analysis of diverging views at the HRC.

The EU has its own views on how human rights should be promoted. The Union identifies itself as 'global human rights force' but less and less acts in accordance with that identity at the UN HRC. How to assess the EU human rights promotion at the HRC? What international developments determine EU behavior at the HRC? The methodological basis of the article is the institutional approach to the studies of international organizations with employment of some sociological methods, namely interviews. The article analyzes the EU legislation related to human rights, EU internal documents at the Foreign Affairs Council and its preparatory bodies (Council of the EU), the resolutions adopted at the HRC Regular Sessions in the period of 2014-2016. Plus, the author conducted 9 semi-structured interviews with the state diplomats, the EU officials (the European External Action Service (EEAS), the European Commission), the UN civil servants (the Office of the UN High Commissioner for Human Rights (OHCHR), the Office for the High Commissioner on Refugees (ONHCR), and the NGO accredited for the HRC Regular Sessions.

Limitations of the existing research

At first sight, the EU seems to be influential in human rights promotion. A number of scholars tend to regard the EU as '... a strategic human rights actor' [20, c. 157]. However, in intergovernmental arena quite often the EU is unable to act at all. The patchwork ratification of the international binding human rights treaties by the EU member states is not the only reason for this. In 2011 the United Kingdom blocked a substantial number of EU statements in the UN system arguing that the statements should be delivered "on behalf of the EU and its member states" or solely "on behalf of the member states" [19, c. 49]. In the end of 2016 following the U.S. strategic objectives the EU achieved internal agreement among 28 member-states to accuse the China Peoples' Republic of human rights violations [6, c. 79-80]. While the EU put much effort in reaching this internal agreement and building inter-regional coalitions at the HRC in 2017, Greece, the EU member state, blocked it at the 35th Regular Session of the UN HRC in June 2017. It was the first time in history of the EU foreign policy

when the EU did not implement the agreed strategy in human rights promotion. In addition to that, a great scale of the EU initiatives at the HRC are dropped before the HRC sessions take place. Is it a future trend for the EU human rights promotion at the HRC? To answer this question, one should compare the EU aspirations and instruments in human rights promotion with the concrete external environment.

The existing research points out that the EU has been a very visible actor in human rights promotion at the HRC. This visibility is determined by the EU acting as one of the most smoothly coordinated bloc [8, c. 24]. At the same time, the high visibility does not necessarily lead to the desired outcomes. The EU visible 'speaking with one voice' on general objectives does not lead to EU high influence at the HRC [12, c. 224]. On the contrary, the EU acting as a bloc has provoked the other coalitions at the UN HRC to be more cohesive and contra-pose the EU goals with alternative innovative interpretations of human rights [18, c. 310] [3, c. 219]. The fragmentation of the contemporary international order with distinct rules and mechanisms for human rights promotion enhances this contestation [1, c. 90-91].

The EU human rights promotion at the HRC depends on how the EU is capable of overcoming its internal divergence [7, c. 31]. To overcome the internal divisions the EU has always been in need for enhanced coordination due to its complex structure. The Lisbon Treaty reform intended to enhance coordination between the EU institutions and the EU member states at the UN [12, c. 628-644]. However, enhanced coordination has not improved the EU performance at the HRC, especially, on the issues of sexual reproduction rights, gender equality and sexual orientation, human rights violations in Palestine [17; 9].

How to combine the analysis of the EU aims and instruments with the concrete external environment? The complex institutional setting of the EU for external human rights promotion limits the number of applicable analytical approaches. The EU external policy complements the national policies of the EU member states, especially, in the field of human rights in multilateral intergovernmental arena. The overall number of the EU and its member-states' activities at the UN create an image of a 'patchwork' [4]. The EU is not a state, it cannot be a member of the UN according to the UN Charter. At some UN agencies, the EU has a status of a full member organization (like WHO, FAO), in the intergovernmental arena in the field of human rights the EU enjoys a status of an observer (like UN GA, UN HRC).

However, the academic community cannot neglect its role at the UN. In fact, a non-member status at the HRC does not prevent the EU from influencing the international processes at this subsidiary body [4]. The major part of EU human rights promotion in intergovernmental arena is based on systemic coordination among the EU member-states' national policies. This systemic coordination is often overlooked in academic research. At the same time, when the question comes to the comparative assessment of the role of the EU and the EU member-states at the HRC, practitioners tend to answer that "Everything is decided in Brussels" [Respondent 1, Respondent 2].

Overcoming the limitations of the existing research

The EU is not a principal actor at the UN: “the first ‘enemies’ of the EU at the UN are the EU member-states” [Respondent 4]. How to assess the EU human rights promotion at the HRC? The article applies the concept of ‘actorness’ developed under sociological approach by Bretherton and Vogler [2]. The concept allows to overcome the purely legal definition of an actor in international relations, which makes it applicable to the EU. However, Bretherton and Vogler avoided the analysis of the EU actorness in human rights promotion at international intergovernmental organizations due to me limitations of the concept. Firstly, the possession of a number of characteristics of ‘actorness’ does not mean that the analyzed entity is an actor in international relations. Actorness refers to “... an entity that exhibits a degree of autonomy from its external environment, and indeed from its internal constituents, and which is capable of volition or purpose” [2, c. 16]. Such a definition overlaps with the characteristics of a state as a principal actor in international relations: i. e. ‘derzhavnost’ (Russian: «державность») that is “... the ability of a state to independently and effectively use its foreign policy instruments” [16, c. 186]. Secondly, Bretherton and Vogler proposed three constituting ‘elements’ of actorness but no measurable indicators. This limitation caused widespread criticism due to the alleged lack of systematic empirical focus [10, c. 263-264]. The aim of this article is not to assess the EU as an actor in international relations but to measure the EU aspirations, instruments and the contesting environment at the HRC with the help of the concept of ‘actorness’. Therefore, the article overcomes the limitations of the existing analytical approaches and the limitations of the EU ‘patchwork’ institutional setting in human rights promotion.

The concept of ‘actorness’ comprises three elements: presence, opportunity, capability. This article proposes to measure the elements as ‘weak’, ‘moderate’, ‘strong’ on the basis of indicators. The element of ‘presence’ relates to “...the ability of the EU, by virtue of its existence, to exert influence beyond its borders” [2, c. 27]. It refers to the EU aspirations and self-identity as an actor in human rights promotion. This article proposes the explicitness of references to the UN or global fora in the EU law as a measurable indicator for presence at the UN HRC. Since this indicator measures the EU aspirations in human rights promotion, the procedural provisions for the EU action at the UN, are not taken into account. The more explicit the references to the UN or global fora are— the stronger the legal *acquis* — the stronger the EU presence in human rights at the HRC.

The element of ‘opportunity’ refers to “structural context of EU action including factors in the external environment of ideas and events which constrain or enable actorness” [2, c. 24]. The indicator is the degree of support for the EU objectives by other non-EU actors at the HRC. The indicator is measured by voting on resolutions at regular sessions for the HRC. The indicator depends on the degree of contestation of those EU initiatives that correspond to the EU priorities. This contestation increases if

the EU proposed initiative is not voted by consensus or meets an alternative initiative from the other actor at the HRC.

The element of ‘capability’ relates to the “...internal context of EU external action or inaction; ... ability to capitalize on presence or respond to opportunity” [2, c. 29]. As for the indicators to assess capability, the article analyzes 1) degree of (in)cohesiveness of EU external representation at the HRC; 2) EU (in)consistency in formulating priorities and using instruments at the HRC. The first indicator includes the analysis of the EU external representation and the format of the EU participation at the HRC. The second indicator includes the analysis of the EU decision-making procedures, instruments to formulate and reach objectives. The clearer and more consistent the priorities and procedures are across time and among the EU member states, the stronger the capability.

Case-selection and scope of the research

The HRC is of a strategic importance of the EU human rights promotion¹. The EU prioritize the support for the HRC in its both action plan on human rights and democracy in 2012-2014 and 2015-2019². Moreover, the EU aims at promoting a rules-based global order with the UN at its core³. Human rights promotion is laid in the essence of the HRC as a subsidiary body of the UN General Assembly (UN GA), sometimes the HRC resolutions precede the resolutions on the respective issues discussed and drafted by the 3rd Committee of the UN GA. According to its constituent document, the HRC serves for “... promoting and encouraging respect for human rights and fundamental freedoms for all ...”⁴. Due to the organisational and institutional structure of the HRC: sessions, special procedures, size — the article gives preference to the HRC as a global forum for human rights promotion rather than to the 3rd committee of the UN GA.

To narrow down the scope of research the article focuses on the EU human rights promotion at the HRC in 2014-2016. The period of three years is justified by the mandate of a member at the HRC that lasts for three years. The period of 2014-2016 is justified by the struggle between the EU, on the one hand, and such states as Saudi Arabia, the Peoples’ Republic of China, Viet Nam, Algeria, the Russian Federation, Cuba, elected as the members of the HRC until 31 December 2016. At the same time, all

¹ European Commission, “Joint Communication to the European Parliament and the Council, Human Rights and Democracy at the Heart of EU External Action — Towards a More Effective Approach”, Brussels, 02.12.2011, COM(2011) 886 final

² Council of the EU, “EU Strategic Framework and Action Plan on Human Rights and Democracy”, Luxembourg, 25.06.2012, 11855/12.

Council of the EU, “Council Conclusions on the Action Plan on Human Rights and Democracy 2015-2019”, Brussels, 20.07.2015, 10897/15.

³ European Union, “EU Global Strategy”, “Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe A Global Strategy for the European Union’s Foreign And Security Policy”, June 2016, p. 42. [Электронный ресурс] [Электронный ресурс] URL: http://www.eeas.europa.eu/archives/docs/top_stories/pdf/eugs_review_web.pdf. (дата обращения: 29.03.2017).

⁴ United Nations, “Resolution 60/251 adopted by the General Assembly on 15 March 2006”, Doc. A/RES/60/251. [Электронный ресурс] [Электронный ресурс] URL: <http://daccess-ods.un.org/access.nsf/Get?Open&DS=A/RES/60/251&Lang=E>. (дата обращения: 29.03.2017).

members of the UN contribute to the HRC institutional package, the main difference between a member and a non-member of the HRC is the right to vote on the initiative be it a resolution or a decision within the HRC.

Presence: explicitness of references to the UN or global fora in the EU law

The EU presence in human rights promotion has a consistent historical background. In 1970 the European Court of Justice (ECJ) introduced human rights as "... integral part of the general principles of [Community] law protected by the Court of Justice" in *IHG case*⁵. This case extended the principle of supremacy of the Community law introduced in *Costa v. ENEL case* in 1964 to the domain of fundamental rights. In 1974 with the reference to its case-law, the ECJ restated human rights as "... fundamental rights ... [forming] ... an integral part of the general principles of [Community] law" in *Nold case*⁶.

The Preamble of the Treaty on European Union (TEU) stresses the respect for human rights and fundamental freedoms as the 'inheritance of Europe'. Human rights are regarded as a foundational value of the EU stipulated by Art. 2, TEU. Once again, the universality of human rights is stressed without any reference to any international agreements under the UN. Art. 3, para 3(2) stipulates the EU presence in the promotion of equality between men and women, solidarity between generations and rights of the child, once again, with no explicit reference to the UN. However, Art. 5 TEU refers to the protection of human rights "... in its [EU] relations with the wider world..." and respect for the principles of the United Nations Charter that, in its turn, has at the core the realization of human rights for all without distinction as to race, sex, language or religion⁷.

Article 6, para 3 of the TEU was introduced by the Treaty of Maastricht stressing human rights as general principles of the EU law evolving from the common constitutional traditions of the member states. It stresses human rights, however, does not relate to the EU as a global multilateral actor since it does not refer to global sources for human rights protection. It does not refer explicitly to the HRC or the UN whereas it has explicit reference to the Charter of Fundamental Rights and the Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms (European Convention).

Although the TEU does not have explicit reference to human rights in its provisions on CFSP, the EU external action in Common Foreign and Security Policy (CFSP) matters is guided by Art. 21 TEU referring to human rights as a guiding principle. Art. 21 TEU enables EU strong presence in human rights promotion at the UN. In the

⁵ Case 11-70. *Internationale Handelsgesellschaft mbH v Einfuhr- und Vorratsstelle für Getreide und Futtermittel*. Judgment of the Court, 17.12.1970. Grounds of judgement, para 4. [Электронный ресурс] [Электронный ресурс] URL: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:61970CJ0011&from=EN>. (дата обращения: 19.04.2017)

⁶ Case 4-73. *J. Nold, Kohlen- und Baustoffgroßhandlung v Commission of the European Communities*. Judgment of the Court of 14 May 1974, para 13. Available at: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:61973CJ0004&from=EN> (дата обращения: 19.04.2017).

⁷ United Nations, "Charter of the United Nations", Art. 1, para 3, Art. 13, para 1(b). [Электронный ресурс] [Электронный ресурс] URL: <https://treaties.un.org/doc/Publication/CTC/uncharter.pdf> (дата обращения: 19.04.2017).

very first paragraph human rights are explicitly linked with the objective to respect the principles of the Charter of the UN. Moreover, to promote human rights externally the EU aims at cooperation with global organisations that share the same values. The reference to the UN framework is explicit in the second paragraph of Art. 21: it contributes to strong presence since it stipulates that the EU ‘... shall promote multilateral solutions to common problems [also in the domain of human rights], in particular in the framework of the United Nations’. Art. 21 also has explicit reference to the human rights promotion in accordance with the purposes and principles of the Charter of the UN in para 2(c) and explicit accent on EU objective to promote multilateral cooperation and ‘good global governance’ in para 2(h), which finally enables EU strong presence in global fora.

Art. 21 TEU enables human rights promotion as an objective of EU external action to be applied across all policies. In order to reach this objective, Art. 212, para 3, Treaty on the Functioning of the European Union (TFEU) stipulates that the EU and the member states “... shall cooperate with ... competent international organisations”. In addition to that, Art. 220 TFEU stipulates that the EU “...shall establish all appropriate forms of cooperation with the organs of the UN and its specialized agencies...”. Such a reference enables EU identity as a global multilateral actor in human rights.

The Charter of Fundamental Rights (Charter) has significantly increased the EU presence in human rights. Still, the application of the Charter in external area is limited. The Charter stipulates in its Preamble that the EU “... is founded ... on universal values of human dignity, freedom, equality and solidarity ...”. The rights defined in the Charter are practically identical with the rights stipulated by the UN sources for human rights protection, however, there is no explicit reference to them. The Regulation No 168/2007 establishing the European Union Agency for Fundamental Rights (EU FRA, FRA, Agency) includes two explicit references to the UN⁸.

Regulation establishing the European Instrument for Democracy and Human Rights (EIDHR) for the period 2014-2020 has explicit reference to the EU as a global actor in human rights promotion. In para 16 of the Preamble the Regulation stresses that the EU assistance under the established structure has a specific role “...by virtue of its global nature ...”. Accordingly, in para 15 of its Preamble it refers to UN Declaration on the Right and Responsibility of Individuals, Groups and Organs of Society to Promote and Protect Universally Recognized Human Rights and Fundamental Freedoms (‘Declaration on Human Rights Defenders’), in Art. 1(b), Art. 2(b) — explicit references to the numerous UN human rights treaties⁹.

To draw a line, the measurement of the explicitness of referring to the UN sources and global fora shows that the EU has very high aspirations on human rights promotion at the HRC. Consequently, the EU strategic documents in human rights promo-

⁸ European Union, “Regulation No 168/2007 of 15.02.2007 establishing a European Union Agency for Fundamental Rights”, 22.2.2007, Official Journal of the European Union, L53/1. Art. 6, para 2(c), Art. 8, para 2(b)

⁹ European Union, “Regulation No 235/2014 of the European Parliament and of the Council of 11.03.2014 establishing a financing instrument for democracy and human rights worldwide”, 15.03.2014. Official Journal of the European Union, L77/85.

tion — two human rights action plans adopted in 2012 and 2015 — identify the HRC as the key arena for human rights promotion throughout the world. The EU explicitly stressed its support for the HRC in “Global Strategy” as an instrument of international democracy and human rights promotion. The EU has consistent historical background in this area: since 1970s human rights are integral part of the general principles of EU law. The EU remains highly aspirational on its identity in human rights promotion at the HRC, but how is this identity realized in reality?

Opportunity: support and contestation for the EU objectives at the HRC

What is the general structural context at the HRC? The HRC is responsible for human rights promotion at the global level: it is a subsidiary organ of the UN GA created by the UN GA Resolution on 15 March 2006¹⁰. The EU human rights promotion at the HRC has longstanding historical background towards the HRC predecessor — the UN Commission on Human Rights (CHR): at this body, the European Communities (EC) were pushing for country and thematic initiatives corresponding to those the EC had adopted at its own level, or the EC systemically included the discussions at the CHR in agenda of meetings with third states¹¹.

What is the structural context of the HRC that enables or constrains the EU human rights promotion?

Firstly, the characteristics of the HRC constraining the EU opportunity are the following: 1) the intergovernmental nature of the HRC as a body within the UN system — EU is not a full UN member, therefore, as an example, the EU cannot draft resolutions; 2) the allocation of seats along regional groups — usually the EU has from 7 to 9 member states as the members of the HRC out of 47 members, therefore, cannot rely on voting and needs to find allies; 3) consensus based decision-making at the HRC — the majority of HRC resolutions are adopted by consensus of the members of the HRC — the distinct contribution of the EU is ‘behind’ contributions of the states; 4) the existence of the other politically united groups of states, e.g. the OIC or the Like Minded Group (LMG) — such groupings contest the EU as a ‘bloc’; 5) proactive behaviour by the other members of the HRC in 2014-2016 — alternative innovative interpretations of human rights were introduced under the framework of ‘multi-polar world’; 6) non-preventive nature of the HRC — the majority of the documents by the HRC are not legally binding, mostly, the HRC outcomes are recommendatory.

Secondly, the characteristics of the HRC that enable the EU opportunity are: 1) universal respect for the protection of all human rights as the core founding principle of the HRC — one of the most effective practices to reach priorities at the HRC is

¹⁰ United Nations, “Resolution 60/251” adopted by the General Assembly on 15.03.2006, Doc. A/RES/60/251. [Электронный ресурс] [Электронный ресурс] URL: <http://daccess-ods.un.org/access.nsf/Get?Open&DS=A/RES/60/251&Lang=E> (дата обращения: 29.03.2017).

¹¹ European Commission, “Communication from the Commission to the Council and the European Parliament, The European Union and the United Nations: the Choice of Multilateralism”, COM (2003) 526 final p. 8, 20, 29. (дата обращения: 10.09.2003).

to refer to already adopted documents, the universal respect for human rights as the core principle of the HRC relates to universality of human rights, and the EU tries to present its approach to human rights as a ‘universal one’; 2) legal status for observers — the EU is not a full member of the UN, however, its formal participation as an observer is legally provisioned, the EU has a right to speak, deliver statements and interventions, attend formal meetings; 3) vast coverage of human rights issues — only actors with vast representation and diplomatic networks can cover all activities of the HRC, the EU together with its member-states diplomatic networks cover the whole institutional package of the HRC; 4) diversified institutional package of the HRC create a lot of room for manoeuvre: Universal Periodic Review (UPR), Special Procedures, Complaint Procedure, plus, resolutions as standard-setting mechanism — the majority of the HRC documents are non-binding, however, the states report to the UPR every 4.5 years or allow special procedures to inspect human rights positive obligations; 5) collaboration of the HRC with the other bodies, notably, the Office of the UN High Commissioner for Human Rights (OHCHR) and the Office of the UN High Commissioner for Refugees (UNHCR), opens broad path for the EU to introduce its approach to human rights through the other bodies — the OHCHR serves as the Secretariat of the HRC and support special procedures, experts and working groups at the HRC, the UNHCR functions as an advocacy and covers the whole HRC institutional package. The budgets of these bodies are opened for voluntary contributions and the EU contributes to these budgets to ensure as their ‘effectiveness and independence’ as those of the HRC. The EU insists that money should be allocated to concrete HRC special procedures, the money comes as from the EU institutions, notably the European Commission, as from the EU member-states.

As observed by Smith, the EU member states being the members of the HRC incline not to vote together if there might occur a request for a voting procedure [12, c. 70-72]. Such a request is a sign that a decision or resolution is not supported by the other states therefore would not be adopted by consensus. The requests for a vote on the HRC resolutions related to the EU priorities can be measured to assess the degree of contestation of the EU at the HRC. Table 1 presents the resolutions submitted explicitly on behalf of the EU in 2014-2016. The data in table gathered from the HRC regular sessions provides an important finding related to the EU opportunity at the HRC. The strength of the EU opportunity does not depend on the number of the EU member states being the members of the HRC. In 2016 the traditional EU resolution on the “Situation of human rights in the Democratic People’s Republic of Korea” did not meet a request for a vote whereas this resolution had been voted in 2014-2015. Non-EU states contest the EU initiatives on country resolutions as bearing political interests with little effort to promote human rights. This contestation is likely to stay with Item 4 at the HRC: non-EU states, especially, LMG, argue that if the human rights violations occur in the EU member states, in the United States — no country-specific resolution is submitted then. This contestation is broadly known as the EU applying ‘double standards’ in human rights promotion. The EU could overcome the issue through its

contribution to Universal Periodic Review (UPR), which is intergovernmental, and through building cross-regional coalitions.

Table 1. Resolutions at the HRC Regular Sessions submitted on behalf of the EU in 2014-2016

Indicator/Year	2014	2015	2016
Resolutions submitted on behalf of the EU (in italics resolutions adopted by a vote)	Rights of the child: access to justice for children. Freedom of religion or belief. Situation of human rights in Myanmar. <i>Situation of human rights in the Democratic People's Republic of Korea.</i> <i>Situation of human rights in Belarus</i>	Rights of the child: Toward better investment in the rights of the child. Freedom of religion or belief. Situation of human rights in Myanmar. <i>Situation of human rights in the Democratic People's Republic of Korea.</i> <i>Situation of human rights in Belarus</i>	Rights of the child: information and communications technologies and child sexual exploitation. Freedom of religion or belief. Situation of human rights in Myanmar. Situation of human rights in the Democratic People's Republic of Korea. <i>Situation of human rights in Belarus.</i> <i>Human rights situation in Burundi</i>
Number of resolutions submitted on behalf of the EU (number of resolutions adopted without a vote + ... by a vote)	5 (3+2)	5 (3+2)	6 (4+2)
Overall number of resolutions adopted HRC regular sessions	102	88	100
Numbers of EU MSs as HRC members	9 (AT, CZ, DE, EE, FR, IE, IT, RO, UK)	8 (DE, FR, IE, LV, NL, EE, PT, UK)	8 (BE, DE, FR, LT, NL, PT, SI, UK)

Source: Resolutions and interventions at the Regular Sessions of the HRC in 2014, 2015, 2016. Human Rights Council Extranet Database, retrieved 11/04/2017, <https://extranet.ohchr.org/sites/hrc/Pages/default.aspx>. Compiled by the author.

Table 1 provides the information on the resolutions submitted by the EU rotating presidency explicitly on behalf of the EU. Less than a half of the resolutions were requested for a vote and still all resolutions were adopted. It is a sign of weak EU opportunity at the HRC. As stated by the majority of the interviewees, it is difficult to differentiate between the EU and the EU member states acting before the HRC. The first reason is that the EU does not want to act as a 'bloc' in order not to 'provoke' the other political groupings. The second reason is that the EU acts through burden-sharing at the HRC: different EU member states are responsible for specific resolutions at the HRC while adopting the EU priorities in Brussels and coordinating in Geneva.

The overall EU opportunity remains weak due to the LMG group, African and Arab states, the People's Republic of China and the Russian Federation acting proactively at the HRC. The states contesting the EU neoliberal initiatives can amend the resolutions with or without membership, plus, can always request a vote through a

coalition. The EU tries to compromise its priorities with the priorities of the other groupings, an example of the success was the EU coalition with Latin American and Caribbean Group (GRULAC) on the issue of rights of the child. To soften contestation, the EU has to compromise the texts of resolutions and concentrate on implementation stage. On particular issues, like the arbitrary deprivation of nationality, foreign debt, family values, protection of Roma, the EU is likely not to compromise.

The other significant contestation refers to the EU 'acting as a bloc': e.g. the resolution "Promotion of a democratic and equitable international order" submitted by Cuba at 33rd Regular Session in 2016. It was adopted with 30 votes in favour and 12 votes against (5 abstentions). All 8 EU member states as the members of the HRC voted against this resolution '... hence were acting as a bloc' [Respondent 5]. That is why the EU does not submit all resolutions explicitly on behalf of the EU, but on behalf of its member states.

Even if compared to the overall number of the resolutions adopted without a vote, related to the EU priorities, initiated by the EU member-states, which is high, the number of resolutions that are very important for the EU human rights promotion and are still followed by a request for a vote, — their number is significant for assessing the EU opportunity at the HRC as weak. Such resolutions are not likely to be implemented in future. Moreover, some resolutions proposed by non-EU states are regarded as opposing the EU perspective on human rights and their universality: resolutions concerning effects of foreign debt on human rights, illicit financial flows and human rights, family protection, traditional values, responsibility of transnational companies for human rights violations, integrity of a judicial system, right to development, etc. At the same time, the EU resolutions gain support from a variety of actors at the HRC in specific issues: GRULAC, Canada, Mexico, Japan, the United States, etc.

Therefore, the overall assessment of the EU opportunity at the HRC in 2014-2016 shows that the EU opportunity was weak. How does the EU respond to that structural context?

Capability: cohesiveness of EU external representation and inconsistency in formulating priorities and using instruments at the HRC

Absence of equal rules for participation limits the EU capability at the HRC. The EU has a status an observer status before the HRC based on the UN GA resolution 65/276, which allows the EU to speak, deliver statements and interventions, attend formal meetings. This status allows less than the full membership: the EU speaks after the states and seats aside, plus, observers enjoy 1-2 minutes less time speak than the states [18, c. 307]. As observed by the scholars, the improvement of the status of the EU at the HRC could have been realized through extension of the application of the UN GA Resolution 65/276 to the HRC giving the EU status of an enhanced observer [19, c. 55]. This initiative was proposed in 2012 in the "Strategy for the progressive improvement of the EU status in international organisations and other fora in

line with the objectives of the Treaty of Lisbon” (‘Barroso-Ashton Strategy’)¹², however, the mention of the improvement of the EU status at the HRC disappeared in 2013 note on the implementation of the Strategy [19, c. 59].

The EU external representation to the HRC strengthens capability. The EU Delegation consists of 40 employees with (including administrative staff)¹³. In 2016 5 experts were working with human rights in the Delegation, while in 2017 there were already 8 experts.¹⁴ The EU external representation comprises the EU Delegation and the delegations of the EU member states acting in close cooperation with the EU Delegation in accordance with Art. 221, para 2 TFEU. A vast network allows the EU to cover the whole institutional package of the HRC. As stated by interviewees, only a few actors before the HRC can cover all the activities at the HRC [Respondents 1, 2, 5, 8]. Before and during HRC sessions the EU Delegation in New York assists the EU Delegation in Geneva. As observed by the scholars, the EU achieves its priorities through multiple interventions by the EU member states [12, c. 229].

The EU external representation to the HRC can be regarded as a complex system with the EU Delegation, the EU member states, and rotating presidency acting together [21, c. 61]. The permanent mission of one EU member state in Geneva has from four to more than ten human rights experts [17, c. 127]. The Delegation in Geneva merged the Commission delegation and the Council Secretariat acting before the HRC and replaced the rotating presidency in coordination and contacts with third states [20, c. 144].

On the one hand, the complexity of the representation strengthens the EU capability, on the other hand, it weakens the EU capability at the HRC. The coordination process in Geneva strengthens EU capability as it enables the EU and the EU member states burden-sharing practices at the HRC. However, the EU capability with this complex system is moderate: the EU internal negotiation takes a lot of time. Due to varying EU member state policies related on human rights, the EU coordinated position often presents the ‘lowest common denominator’ between the member states.

The EU priorities for the HRC have been adopted since 2012. Guidelines and priorities are developed by the Council (Working Party on Human Rights — COHOM including member states, Commission, EEAS) with the chairmanship by the EEAS officials. The coordination may involve the meetings of the CONUN working group and geographical working groups.

Table 2 presents the EU priorities at the HRC in the period 2014-2016¹⁵. According to the data, the EU priorities mainly remain consistent across time. The EU capa-

¹⁰ European Commission, “Communication to the Commission from the President in Agreement with Vice-President Ashton, Strategy for the progressive improvement of the EU status in international organisations and other fora in line with the objectives of the Treaty of Lisbon”, Brussels, 20.12.2012, C(2012) 9420 final

¹³ Delegation of the European Union to the UN and other international organisations in Geneva, “About EU Delegation in Geneva”. [Электронный ресурс] [Электронный ресурс] URL: https://eeas.europa.eu/delegations/un-geneva/659/about-eu-delegation-geneva_en (дата обращения: 24.04.2017).

¹⁴ Ibid.

¹⁵ Council of the EU, “Council conclusions on EU priorities at the UN Human Rights Fora”, Press Office, FAC Meeting, Brussels, 10.02.2014.

Council of the EU, “Council Conclusions on EU priorities at UN Human Rights Fora in 2015”, Brussels, 09.02.2015, 5927/15.

Council of the EU, “EU Priorities at UN Human Rights Fora in 2016”, Brussels, 15.02.2016, 6012/16.

bility is limited by the internal disagreement among the EU member states, notably, on the issues of LGBTI or reproductive health rights [19, c. 74]. The EU member states consistently disagree on Item 7 on the human rights situation in Palestine, especially, on the issue of a Syrian Golan, and often on county-specific resolutions in the Eastern Neighbourhood. The internal divergence among the EU member states has resulted in incoherence of the EU priorities: as provided by the Table 2, priorities on LGBTI and reproductive health rights was reformulated, protection of migrants as well as climate and human rights was agreed only in 2016. The limitation here is the divergence between the EU proclaimed protection of migrants and the hesitance of the EU member states to join the International Convention on the Protection of the Rights of All Migrant Workers and Members of their Families. The EU avoids setting the rights of migrants onto the HRC agenda. The other limitation is that ‘big’ EU member states (France, Germany, the United Kingdom) act proactively while the others are invited to co-sponsor resolutions through ‘silent procedure’.

The EU has much room for improvement. The instruments of the EU strengthen the EU capability at the HRC. The EU has proclaimed its strive for a rule-based international order with the UN at the core under the principle of “effective multilateralism”¹⁶. The EU’s Strategic Framework and Action Plan 2012 gave start to the publication of the EU priorities in human rights fora, underlined the leading role of the HRC in terms of human rights promotion¹⁷. This Action Plan noted the HRC as the leading mechanism for promotion of economic, social and cultural rights and stressed the EU member states, EEAS and the Commission as responsible bodies to implement the action plan. The EU Action Plan on Human Rights and Democracy in 2015-2019 reiterated the existing priorities for the HRC, plus, added the strategic priority for promotion of women’s rights, LGBTI rights, rights of people with disabilities. The latter action plan also stressed the problem of shrinking society space and set the inclusion of the ‘civil society space’ and ‘support to human rights defenders’ as priorities at the HRC. Eleven EU guidelines on the thematic issues were adopted. The guidelines lack coherent implementation and are not ‘updated’ regularly enough.

The EU continues to cooperate with the HRC special procedures intensively. Notably, the OHCHR and the HRC special procedures have been briefing the Political and Security Committee on Brussels [11, c. 38]. The EU contributions to the OHCHR meets contestation because the EU allocates the funds for concrete special procedures and the HRC does not monitor the budget of the OHCHR. Finally, the EU could have built more cross-regional coalitions: a greater cooperation between the EU and GRULAC states on the rights of the child was success — the HRC resolutions on the issue were adopted in 2014, 2015, 2016 without a request for a vote. The resolutions on the freedom of religion or belief were also adopted in 2014, 2015 and 2016 without a request for a vote.

¹⁶ European Council, “European Security Strategy: a Secure Europe in a Better World”, Brussels, 12.12.2003. European Council, “Report on the Implementation of the European Security Strategy — Providing Security in a Changing World”, S407/08, Brussels, 11.12.2008.

¹⁷ European Union, “EU Strategic Framework...”, *op. cit.*

Table 2. The EU priorities at the UN human rights fora in 2014-2016

Priority/ Year	2014	2015	2016
Independence of the Office of the High Commissioner for Human Rights	Yes	Yes	Yes
Proactive preventive nature of the HRC	No	No	Yes
Safe space for civil society and human rights defenders	Yes	Yes	Yes
Abolition of the death penalty	Yes	Yes	Yes
Freedom of religion or belief	Yes	Yes	Yes
Rights of the child	Yes	Yes	Yes
Women's rights	Yes	Yes (+reproductive health rights)	Yes
Freedom of expression	Yes	Yes	Yes
Freedom of association	Yes	Yes	Yes
Tackling degrading or inhuman treatment	Yes	Yes	Yes
Protection of LGBTI	Yes	No (but fight against discrimination on sexual orientation and gender identity)	No (but fight against discrimination on sexual orientation and gender identity)
Fight against racism	Yes	Yes	Yes
Protection of migrants	No	No	Yes
Economic, social and cultural rights	Yes	Yes	Yes
Business and human rights	Yes	Yes	Yes
Climate and human rights	No	No	Yes
Country specific	Syria, DPRK, Iran, Sri Lanka, Myanmar, Belarus, Central African Republic, South Sudan, DRC, Eritrea, Mali, Sudan	Iraq, Syria, Ukraine, Crimea, DPRK, Myanmar, Sri Lanka, Central African Republic, South Sudan, Sudan, DRC, Eritrea, Mali, Belarus	Syria, DPRK, Ukraine, Crimea, Burundi, South Sudan, Iran, Libya, the Palestinian territory, Saudi Arabia, Myanmar, Sri Lanka

Source: Register of the European Council and the Council of the EU, retrieved 11/04/2017, <http://www.consilium.europa.eu/register/en/content/int/?lang=en&typ=ADV>. Council of the EU, Council conclusions on EU priorities at the UN Human Rights Fora, Press Office, FAC Meeting, Brussels, 10 February 2014. Council of the EU, Council Conclusions on EU priorities at UN Human Rights Fora in 2015, Brussels, 9 February 2015, 5927/15. Council of the EU, EU Priorities at UN Human Rights Fora in 2016, Brussels, 15 February 2016, 6012/16. Compiled by author.

The EU includes the outcomes the HRC sessions in bilateral human rights policies¹⁸. As an example, in human rights dialogue with China the EU refers to the decisions and resolutions of the HRC to implement the outcomes [11, c. 38]. The EU delivers demarches and declarations, includes human rights as essential elements of agreements, promotes human rights through the other instruments and bodies, *e.g.* the Development Cooperation Instrument (DCI), etc. [11, c. 174-175]. The EU uses informal negotiations or so called ‘quiet diplomacy’ to achieve its priorities, *e.g.* the EU and the U. S. negotiations with Israel aiming at no abandoning of the UPR [5, c. 20]. The Commission, the European Council, the European Parliament (EP) and the EU FRA, — monitor human rights violations worldwide. The EU FRA does it in accordance with the methodology of the OHCHR. The EU also uses its Human Rights Focal Points (HRFP) to gather information and cooperates with the National Human Rights Institutions (NHRIs) on UPR contribution. The European Parliament (EP) delivers resolutions on the EU priorities for the HRC sessions, the EP contributes to the work conducted by the COHOM¹⁹.

Finally, the EU representation and system of instruments is complex. Due to incoherence in human rights promotion among the EU member states, the complexity of the institutions involved, the indicators enable moderate EU capability. Therefore, with strong presence, weak opportunity and moderate capability the EU actorness in human rights promotion at the HRC remains moderate.

Conclusions: from high aspirations to harsh reality

What international developments shape the harsh reality for EU high aspirations on human rights promotion at the UN HRC?

The EU has been highly aspirational on its role in human rights promotion because the Union was successful in changing the socio-legal systems of newly independent states in the 1990s under the human rights formula. Since that time the EU has been articulating human rights as ‘foundational value’, ‘guiding principle’ and objective of external action. The EU successfully managed the 2004 enlargement and the European Neighbourhood Policy. The aspirations were that high that it seemed possible for the societal groups in the EU to promote their views on human rights on a global level — at the UN. The EU presents its internal approaches, standards, legislation as ‘universal’.

The following factors weaken the EU human rights promotion at the UN HRC:

- augmenting global inequality between ‘the West and the Rest’, transformation of global value chains, financial crises;

¹⁸ Council of the EU, “EU Annual Report on Human Rights and Democracy in the World in 2015”, Country and Regional Issues, General Affairs Council, 20.09.2016, 12299/16.

¹⁹ European Parliament, “Resolution on EU priorities for the UN Human Rights Council sessions in 2017”, 16.03.2017, 2017/2598(RSP). [Электронный ресурс] [Электронный ресурс] URL: [\(http://www.europarl.europa.eu/oel/porups/ficheprocedure.do?lang=en&reference=2017/2598\(RSP\)\)](http://www.europarl.europa.eu/oel/porups/ficheprocedure.do?lang=en&reference=2017/2598(RSP)) (дата обращения: 25.04.2017).

- emergence of the other regional economic integration organisations who are capable of developing own approaches, standards, legislation in the field of human rights and form coalitions at the HRC;

- increasing inequality between the economic core of the EU ('big three') and the other EU states, human rights violations in the EU member states, the EU institutions being not accountable for human rights violations, the EU member states hesitating to ratify the international human rights agreements and respective provisions on individual complaint;

- the intergovernmental nature of the HRC as a subsidiary body of the UN GA;

- the allocation of seats along regional groups at the UN, where the EU is a smoothly coordinated powerful bloc, but not the only one;

- the EU inconsistency in human rights promotion, which in turn, enables the divergence in views of the EU member states, the homogeneity of the other political groupings like the OIC or the LMG, argumentative contestation from non-EU states like the Russian Federation, Cuba, South Africa, the Peoples' Republic of China, etc.;

- non-binding nature of the HRC resolutions, non-preventive nature of the HRC. The U. S. and the EU continue the reforms of the HRC to make it a sanctioning body, to keep the Western interpretations of human rights as the 'right ones'. It is commonly discussed under the idea of introducing the criteria for membership at the HRC, an old idea that was rejected in 2006.

The following factors strengthen the EU human rights promotion:

- universality of human rights as the core of the HRC, respect for consensus principle;

- legal status for the EU as an observer;

- EU enhanced coordination procedures and burden sharing with the EU member states;

- the EU and the EU member states' vast diplomatic network, which allows the EU to cover all activities at the HRC;

- diversified institutional package of the HRC, which opens the way to the Western NGOs. The EU has a wide network of human rights organisations all over the world, they play a role at the HRC agenda-setting: contribute to the UPR, the Special Procedures, the general debates. The institutional package of the HRC, for example, the HRC Special Procedures (OHCHR budget) are opened to voluntary contributions, where the EU and the EU member states determine how their contributions should be spent;

- collaboration of the EU and the HRC with the OHCHR as the HRC secretariat, and the other UN agencies like the UNHCR — it helps the EU not only to use the route of NGOs in reaching the Union's goals, but also to use the other bodies: approx. 90% of the UNHCR budget — voluntary contributions.

When it comes to human rights promotion at the UN, the EU high degree of inconsistency becomes evident. The EU human rights promotion depends on its political and economic interests rather than on significance of fundamental values. One may

compare the EU human rights approach to the U. S., Saudi Arabia, China, Belarus or note that the EU limits economic, social and cultural rights to right to water, right to sanitation, right to food in order to reach the EU trade-development goals in developing states. The EU has made the rights of migrants as a priority in 2016, however, no significant action followed this priority. Finally, the Union presents its standards as allegedly universal, however, still regards its legal order in human rights protection as distinct from the international legal order (see Kadi case).

The UN HRC has always united diverging views on human rights. The augmenting global economic inequality, change in global value chains, next waves of financial crises will only sharp political and economic interests of international actors, which, in turn, will increase the level of divergence on human rights. The EU tries to keep balance: the Union and its member-states stick to less strong in words, compromised resolutions. It does not mean that the EU refuses its goals: the goals are still pursued at the stage of implementation of a resolution. The EU masters the inclusion of the HRC agenda outside the UN into its bilateral relations, once again, if it serves the EU economic and political interests.

The EU success or failure to promote human rights does not depend on the number of the EU member states being the members of the HRC. It rather depends on the level of the EU politicization of fundamental values: the higher the EU interlaces its economic and political interests with human rights as an instrument, the greater the contestation will be. That is why the EU is criticized for prioritizing civil and political rights over social and economic rights, for ‘double standards’, for ‘patchwork’ representation, for acting ‘as a bloc’. Interestingly enough, the EU politicized human rights promotion causes contestation, which in turn, causes the EU accusing the HRC as a politicized body. It is the next inconsistency with the EU proclaimed commitment to ‘effective multilateralism’.

Even if powerful states like the Russian Federation or the Peoples’ Republic of China are not members of the HRC, it does not prevent them from contesting the EU initiatives, especially, through LMG coalition. As an example, the resolution “Promotion of a democratic and equitable international order” was submitted by Cuba, and all EU member states as members of the Council voted against this resolution. On the contrary, the EU resolutions gain support from a variety of other powerful actors and coalitions at the HRC: GRULAC, Canada, Mexico, Japan, the United States, etc.

Most of the EU priorities remain consistent over time at the HRC, however, the internal disagreement among the EU member states on specific issues — notably, Item 7 and Syrian Golan issue, gender identity, sexual reproductive rights — weaken the EU human rights promotion. ‘Big’ states still play the leading role in EU human rights promotion.

The EU ability to use its instruments is moderate even despite its enhanced burden sharing among the EU member states, the EU observer status, a hybrid system of representation, a vast diplomatic and NGOs network. The EU internal negotiation takes a lot of time and due to varying EU member state policies related to human rights

promotion, the international negotiation takes even more time. The EU coordinated position often presents the lowest common denominator between the member states.

Some practitioners continue to admit that the EU is 'a global force for human rights'. There is no such policy like 'human rights' in the EU law, it is a 'guiding principle'. Moreover, fundamental values are constitutional principles in vast number of states. Therefore, harsh reality is that multi-polar world system questions the EU high aspirations as 'a global force' in human rights promotion.

References

1. Ajevski M. Fragmentation in International Human Rights Law — Beyond Conflict of Laws. *Nordic Journal of Human Rights*, 2014, vol. 32, no. 2, pp. 87-98.
2. Bretherton Ch., Vogler J. *The European Union as a Global Actor*. London: Routledge. 2006. 288 p.
3. Chané A., Sharma A. Universal Human Rights? Exploring Contestation and Consensus in the UN Human Rights Council. *Human Rights & International Legal Discourse*, 2016, vol. 10, no. 2, pp. 219-247.
4. Gstöhl S. 'Patchwork Power' Europe: The EU's Representation in International Institutions. *European Foreign Affairs Review*, 2009, vol. 14, no. 3, pp. 385-403.
5. Haasz V. Jaraczewski J. Podstawa K. Human Rights Policy Toolbox. Factsheet No 1. Diplomatic Tools. *European Commission*. FRAME Project. 2017. 77 p. [Электронный ресурс] URL: <http://www.fp7-frame.eu/wp-content/uploads/2017/06/Deliverable-14.3.pdf> (accessed 22.10.2017).
6. Human Rights Watch. 2017. The Costs of International Advocacy. China's Interference in United Nations Human Rights Mechanisms. *HRW*, printed in U.S.A. 123 p. [Электронный ресурс] URL: https://www.hrw.org/sites/default/files/report_pdf/chinaun0917_web.pdf (accessed 22.10.2017).
7. Jørgensen K. A Multilateralist Role for the EU. *The European Union's Roles in International Politics: Concepts and Analysis*. Ed. by Elgstrøm O., Smith M. London, Frank Cass Publ., 2006. Pp. 30-46.
8. Kutejnikov A. Vektory izmenenij i sovremennoe sostojanie OON. K 70-letiju Ob'edinennyj Nacij [Pathways of Change and the Current UN Status]. *Mezhdunarodnye protsessy*, 2015, vol. 13, no. 4 (43), pp. 20-44.
9. Laatikainen K., Smith K. Introduction: The Multilateral Politics of UN Diplomacy. *The Hague Journal of Diplomacy*, 2017, vol. 12, no. 1, pp. 1-18.
10. Niemann A., Bretherton Ch. EU External Policy at the Crossroads: The Challenge of Actorness and Effectiveness. *International Relations*, 2013, vol. 27, no. 3, pp. 261-275.
11. Schmidt M. The Position of the European Union in the United Nations: a United Nations Perspective. *The European Union in International Organisations and Global Governance*. Ed. by Kaddous Ch. Oxford, Hart Publ., 2015. Pp. 35-44.
12. Smith K. The European Union at the Human Rights Council: speaking with one voice but having little influence. *Journal of European Public Policy*, 2010, vol. 17, no. 2, pp. 224-241.
13. Smith K. The European Union and the Politics of Legitimation at the United Nations. *European Foreign Affairs Review*, 2013, vol. 18, no. 1, pp. 63-80.
14. Smith K. The EU as a diplomatic actor in the field of human rights. *The European Union as a Diplomatic Actor. The European Union in international affairs*. Ed. by Koops J. Macaj Gj. London, Palgrave Macmillan Publ., 2014. Pp. 155-177.
15. Smith K. EU Member States at the UN: A Case of Europeanization arrested? *Journal of Common Market Studies*, 2017, vol. 55, no. 3, pp. 628-644.
16. Trunov F. FRG kak centr vlijanija v mnogopoljarnom mire: Osobennosti podhoda k ispol'zovaniju sily [Germany as a center of influence in multi-polar world: particularities of the approach to the use of force]. *Aktual'nye problemy Evropy*, 2017, no. 1, pp. 185-206.
17. Tuominen H. The Role of the European Union at the United Nations Human Rights Council. Academic Dissertation, Helsinki, Unigrafia, 2016. 202 p. [Электронный ресурс] URL: <http://urn.fi/URN:ISBN:978-951-51-2184-4> (accessed 22.10.2017).
18. Wouters J. Chané A. Brussels Meets Westphalia: The European Union and the United Nations. *The European Union's External Action in Times*

- of *Crisis*. Ed. by Eeckhout P., Lopez-Escudero M. Oxford, Hart Publ., 2016. Pp. 299-323.
19. Wouters J., Chané A., Ramopoulos Th. Improving the European Union's Status in the United Nations and the UN System: An Objective Without a Strategy? Ed. by Ch. Kaddous. *The European Union in International Organisations and Global Governance*. Oxford, Hart Publ., 2015. Pp. 45-74.
  20. Wouters J., Meuwissen K. The European Union at the UN Human Rights Council: Multilateral Human Rights Protection Coming of Age? *European Journal of Human Rights*, 2014, no. 2, pp. 135-172.
  21. Zaru D. Geurts Ch. Legal Framework of EU Participation in Global Human Rights Governance". *The European Union and Multilateral Governance*. Ed. by J. Wouters, H. Bruyninckx, S. Basu, S. Schunz. Basingstoke, Palgrave Macmillan Publ., 2012. Pp. 49-65.

Interviews:

- Respondent 1. State Diplomat. MFA of the Russian Federation. March 2017.
 Respondent 2. State Diplomat. MFA of the Russian Federation. March 2017.
 Respondent 3. Former State Diplomat. MFA of the Peoples' Republic of China. April 2017.
 Respondent 4. Former counsellor. European Commission Delegation to the UN in New York. March 2017.
 Respondent 5. Former counsellor. EU Delegation to the UN in New York. March 2017.
 Respondent 6. Representative of the NGO accredited for the HRC Regular Session. March 2017.
 Respondent 7. Head of Unit, the UNHCR. March 2017.
 Respondent 8. Head of Section. EU Delegation to the UN and other international organisations in Geneva. April 2017.
 Respondent 9. Eric Tistounet. Chief of the Human Rights Council and Treaty Mechanisms Division, OHCHR. May 2017.

About the author:

Anatoly S. Boyashov – PhD student at the Saint Petersburg State University, Universitetskaya nab., 7/9, 199034, Russia, and at Bielefeld University, Universitätsstraße, 25, 33501, Germany. E-mail: a.boyashov@spbu.ru.

The article is written in the financial support of the Russian Science Foundation, grant No. 16-18-10315.

ОТ ЗАВЫШЕННЫХ ПРИТЯЗАНИЙ К СУРОВОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ: ПРОДВИЖЕНИЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА ЕВРОПЕЙСКИМ СОЮЗОМ В СОВЕТЕ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА ООН

А.С. Бояшов
DOI 10.24833/2071-8160-2017-6-57-174-195

Санкт-Петербургский государственный университет (Россия)

Билефельдский университет (Германия)

С 1990-х гг. притязания Европейского союза на роль «глобальной силы» в продвижении прав человека не знают границ. Это привело к повышенной активности ЕС в международных организациях. Тем не менее, эти притязания ЕС не находят практического отражения в Совете по правам человека ООН (СПЧ). В этом межгосударственном органе ЕС действует как скоординированный блок, что встречает противодействие иных региональных и политических коалиций. Оформившаяся система многополярного мира требует отказаться от нормативного подхода в исследованиях ЕС и прав человека.

Статья предлагает и использует четыре индикатора для оценки продвижения ЕС прав человека: 1) конкретность упоминаний ООН или глобальной площадки (global fora) в учредительных документах и нормативных актах ЕС; 2) степень внешней поддержки/противодействия приоритетам ЕС в СПЧ; 3) степень целостности внешнего представительства ЕС в СПЧ; 4) (не)противоречивость ЕС в определении приоритетов и методов их достижения в СПЧ.

Многополярная система мира ставит под сомнение притязания ЕС на роль «глобальной силы» в продвижении прав человека. Способности ЕС продвигать свои приоритеты в СПЧ не безграничны, даже несмотря на широкую сеть дипломатических представительств государств-членов и НКО, комплексную систему представительства и координации действий, усиленное разделение полномочий среди государств-членов. «Большие государства» ЕС играют ведущую роль в этих процессах. Внутреннее несогласие ослабляет продвижение прав человека Союзом. Структурный контекст СПЧ ограничивает возможности ЕС в продвижении прав человека. Таким образом, ЕС становится менее заметным и громким в продвижении прав человека и вынужден искать пути выхода из этого положения.

Ключевые слова: Европейский союз, права человека, ООН, Совет по правам человека, система многополярного мира.

Список литературы

1. Ajevski M. Fragmentation in International Human Rights Law — Beyond Conflict of Laws // *Nordic Journal of Human Rights*. 2014. Vol. 32, no. 2. Pp. 87-98.
2. Bretherton Ch., Vogler J. *The European Union as a Global Actor*. London: Routledge. 2006. 288 p.
3. Chané A., Sharma A. Universal Human Rights? Exploring Contestation and Consensus in the UN Human Rights Council // *Human Rights & International Legal Discourse*. 2016. Vol. 10, no. 2. Pp. 219-247.
4. Gstöhl S. 'Patchwork Power' Europe: The EU's Representation in International Institutions // *European Foreign Affairs Review*. 2009. Vol. 14, no. 3. Pp. 385-403.
5. Haasz V., Jaraczewski J., Podstawa K. *Human Rights Policy Toolbox. Factsheet No 1. Diplomatic Tools*. European Commission. FRAME Project. 2017. 77 p. [Электронный ресурс]. [Электронный ресурс] URL: <http://www.fp7-frame.eu/wp-content/uploads/2017/06/Deliverable-14.3.pdf> (дата обращения: 22.10.2017).
6. Human Rights Watch. 2017. *The Costs of International Advocacy. China's Interference in United Nations Human Rights Mechanisms*. HRW. 123 p. [Электронный ресурс]. [Электронный ресурс] URL: https://www.hrw.org/sites/default/files/report_pdf/chinaun0917_web.pdf (дата обращения: 22.10.2017).
7. Jørgensen K. *A Multilateralist Role for the EU. The European Union's Roles in International Politics: Concepts and Analysis*. Ed. by Elgstrøm O., Smith M. London, Frank Cass Publ., 2006. Pp. 30-46.

8. Kutejnikov A. Vektory izmenenij i sovremennoe sostojanie OON. K 70-letiju Ob'edinennyj Nacij [Pathways of Change and the Current UN Status] // *Mezhdunarodnye protsessy*. 2015. Vol. 13, no. 4 (43). Pp. 20-44.
9. Laatikainen K., Smith K. Introduction: The Multilateral Politics of UN Diplomacy // *The Hague Journal of Diplomacy*. 2017. Vol. 12, no. 1. Pp. 1-18.
10. Niemann A., Bretherton Ch. EU External Policy at the Crossroads: The Challenge of Actorness and Effectiveness // *International Relations*. 2013. Vol. 27, no. 3. Pp. 261-275.
11. Schmidt M. The Position of the European Union in the United Nations: a United Nations Perspective. *The European Union in International Organisations and Global Governance*. Ed. by Kaddous Ch. Oxford, Hart Publ., 2015. Pp. 35-44.
12. Smith K. The European Union at the Human Rights Council: speaking with one voice but having little influence // *Journal of European Public Policy*. 2010. Vol. 17, no. 2. Pp. 224-241.
13. Smith K. The European Union and the Politics of Legitimation at the United Nations // *European Foreign Affairs Review*. 2013. Vol. 18, no. 1. Pp. 63-80.
14. Smith K. The EU as a diplomatic actor in the field of human rights. *The European Union as a Diplomatic Actor. The European Union in international affairs*. Ed. by Koops J. Macaj G. London, Palgrave Macmillan Publ., 2014. Pp. 155-177.
15. Smith K. EU Member States at the UN: A Case of Europeanization arrested? // *Journal of Common Market Studies*. 2017. Vol. 55, no. 3. Pp. 628-644.
16. Trunov F. FRG kak centr vlijanija v mnogopoljarnom mire: Osobennosti podhoda k ispol'zovaniju sily [Germany as a center of influence in multi-polar world: particularities of the approach to the use of force] // *Aktual'nye problemy Evropy*. 2017, no. 1. Pp. 185-206.
17. Tuominen H. The Role of the European Union at the United Nations Human Rights Council. Academic Dissertation, Helsinki, Unigrafia, 2016. 202 p. [Электронный ресурс]. [Электронный ресурс] URL: <http://urn.fi/URN:ISBN:978-951-51-2184-4> (дата обращения: 22.10.2017).
18. Wouters J., Chané A. Brussels Meets Westphalia: The European Union and the United Nations. *The European Union's External Action in Times of Crisis*. Ed. by Eeckhout P., Lopez-Escudero M. Oxford, Hart Publ., 2016. Pp. 299-323.
19. Wouters J., Chané A., Ramopoulos Th. Improving the European Union's Status in the United Nations and the UN System: An Objective Without a Strategy? // *The European Union in International Organisations and Global Governance*. Oxford, Hart Publ., 2015. Pp. 45-74.
20. Wouters J., Meuwissen K. The European Union at the UN Human Rights Council: Multilateral Human Rights Protection Coming of Age? // *European Journal of Human Rights*. 2014, no. 2. Pp. 135-172.
21. Zaru D. Geurts Ch. Legal Framework of EU Participation in Global Human Rights Governance. *The European Union and Multilateral Governance*. Ed. by J. Wouters, H. Bruyninckx, S. Basu, S. Schunz. Basingstoke, Palgrave Macmillan Publ., 2012. Pp. 49-65.

Interviews:

- Respondent 1. State Diplomat. MFA of the Russian Federation. March 2017.
 Respondent 2. State Diplomat. MFA of the Russian Federation. March 2017.
 Respondent 3. Former State Diplomat. MFA of the Peoples' Republic of China. April 2017.
 Respondent 4. Former counsellor. European Commission Delegation to the UN in New York. March 2017.
 Respondent 5. Former counsellor. EU Delegation to the UN in New York. March 2017.
 Respondent 6. Representative of the NGO accredited for the HRC Regular Session. March

2017.

Respondent 7. Head of Unit, the UNHCR. March 2017.

Respondent 8. Head of Section. EU Delegation to the UN and other international organisations in Geneva. April 2017.

Respondent 9. Eric Tistounet. Chief of the Human Rights Council and Treaty Mechanisms Division, OHCHR. May 2017.

Об авторе:

Анатолий С. Бояшов – аспирант Санкт-Петербургского государственного университета. Университетская набережная, 7/9, 199034. E-mail: a.boyashov@spbu.ru.

Статья написана в ходе выполнения работ по гранту РФФ 16-18-10315.

ГЛОБАЛЬНЫЕ ГОРОДА США КАК ХАБЫ ЗАРУБЕЖНЫХ ТНК

М.Э. Пилька, Н.А. Слукa

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

В международном научном сообществе при признании категории глобального города и особой роли в его становлении процесса транснационализации мировой экономики продолжается активный дискурс о наиболее адекватных принципах и методах идентификации феномена. В статье заостряется внимание на необходимости смены приоритетов в оценке глобальности центров, отмечается, что классический подход через массу базирования исключительно домашних ТНК должен дополняться модернистским подходом – масштабом присутствия корпораций других стран.

На основе данных официальных сайтов корпораций, представленных в рейтинге Forbes 2000, анализируется размещение зарубежных ТНК в глобальных городах США, доказана, с одной стороны, их нодалность, а с другой – иерархичность в сфере транснационального бизнеса. Выявлена определяющая роль в реализации внешнеэкономического сотрудничества страны на уровне ТНК в целом небольшого числа городов альфа-группы, которым прочие центры существенно уступают.

В результате использования специальной методики по характеру локализации иностранных корпораций крупнейшие агломерации страны разведены на пять неравноценных по составу типологических групп: город-гегемон Нью-Йорк, города-лидеры, города-тяжеловесы, города-средневесы и города-аутсайдеры.

Оценены основные факторы аттрактивности различных центров для дислокации зарубежных ТНК. Помимо общей геоэкономической мощи города, немаловажное значение получают его функциональная специализация, экономико-географическое положение и место в системе глобальных отраслевых рынков, наличие исторических корней и традиционных культурных связей и др. Углубленное изучение глобальных городов США, как хабов иностранных компаний представляется чрезвычайно полезным в целях повышения инвестиционной привлекательности российских центров, особенно Москвы и Санкт-Петербурга.

Ключевые слова: мировое хозяйство, пространственная структура, глобальные города, ТНК, размещение филиалов, США, Forbes 2000.

УДК 334.012.74

Поступила в редакцию 01.10.2017 г.

Принята к публикации 01.12.2017 г.

Модернизация мирового хозяйства в условиях глобализации порождает немало новых тенденций и явлений. Один из важных эффектов – совершение исторического перехода в его пространственной организации от традиционалистской модели «стран-наций» к «архипелагу городов» – большой совокупности тесно взаимодействующих в общепланетарном масштабе городских центров, или системы глобальных городов. Они формируют основные узлы мировой деловой активности и во многом обеспечивают интенсивность и направленность перетоков информации, знаний, инноваций, инвестиций, человеческого капитала. Изучению феномена, получившего теоретическое обоснование в начале 1990-х гг. в трудах С. Сассен [18] и первичную практическую интерпретацию в работах британской исследовательской группы «Глобализация и мировые города» («Globalization and World Cities», сокр. – GaWC) [7], в последнее время посвящено много публикаций [1-4, 10–13, 16–17, 19–22 и др.]. На стыке зарубежного академического и экспертно-консалтингового сообщества возникло целое направление по составлению рейтингов глобальных городов. Их регулярно представляют такие крупные международные структуры, как The Economist, A.T. Kearney, PWC, Knight Frank и др. Вместе с тем подавляющее большинство экспертов сходится во мнении о главном первоисточнике и базисе формирования глобальной сети городов – процессе транснационализации мировой экономики, т.е. появлении мощнейших корпораций с обширной сетью филиалов, дислоцирующихся в городах и консолидирующих через паутину внутри- и межфирменных связей всё мировое городское сообщество. Иными словами, именно корпоративный подход отражает квинтэссенцию парадигмы «архипелага городов» [23] или транснациональной урбанистической системы [8–9, 21]. При этом истинную силу центра в международном территориальном разделении труда и его роль в управлении мирохозяйственными процессами даёт присутствие не только домашних ТНК, но и корпораций других стран. Однако, если первый вопрос на сегодняшний день в специальной литературе раскрыт достаточно полно, то второй – освещён пока слабо, что тесно связано как с общей молодостью исследовательского направления и сложностью решения этой задачи, так и с весьма большой трудоёмкостью сбора, обработки и систематизации первичного материала для качественной оценки присутствия подразделений зарубежных ТНК в различных центрах. Вместе с тем это весьма существенный и перспективный пласт изучения современных «нодальных точек» глобальных городских сетевых структур.

США располагают максимальным числом глобальных городов разного ранга

Классификаций глобальных городов предостаточно. Несмотря на большое разнообразие в используемых методиках, представлений о числе и составе центров, специалисты признают, что их локализация точно соответствует геогра-

фии экономически наиболее развитых и богатых стран мира, а также наличие трёх главных «кустов», или зон концентрации: Западноевропейской, Азиатско-Тихоокеанской и Североамериканской. Ядро последней и самую большую группу составляют крупнейшие агломерации США. Это, в частности, подтверждают исследования коллектива GaWC, рейтинги которого пользуются особым международным авторитетом и испытали несколько итераций [7]. В первой классификации, так называемых α β γ городов, составленной в 1999 г. на базе оценки только ряда секторов деловых услуг, на США приходилось 19 из 122 глобальных центров. В более поздних работах, основанных на комплексе показателей экономической, социальной, культурной и политической глобализации, в рейтинг из 52 городов вовлечены девять американских агломераций. Классификация от 2012 г. насчитывает уже 30 центров США, из которых восемь входят в высшую категорию (альфа-группа), девять – рангом ниже (бета-группа) и 13 – формирующихся (гамма-группа). В авторской интерпретации центры берутся в пределах собственно городских границ, а при использовании сетки объединённых статистических ареалов за счёт консолидации близрасположенных агломераций (Вашингтон и Балтимор, Сан-Франциско и Сан-Хосе) их число сокращается до 28. Так или иначе, в силу особой многочисленности и принадлежности к различным иерархическим категориям глобальные города США представляют весьма удачный полигон для проведения сравнительного анализа по различным направлениям, в т.ч. для изучения особенностей дислокации структур транснационального бизнеса.

Глобальные города США – аванпосты размещения зарубежных ТНК

Всего в 2016 г., по нашей оценке, в США действовало 590 из 1413 неамериканских ТНК, представленных в рейтинге Forbes 2000 [6], с более, чем семью тыс. филиалами¹. В глобальных городах страны насчитывалось 583 иностранные компании с 4588 филиалами и общей численностью персонала свыше 717 тыс. чел. (78%). Причём по занятости доля этих центров в отдельных отраслях (финансы и страхование, информация, электроника и др.) превышает 90%. На таком фоне закономерно, что из 59 неамериканских корпораций, входящих в первую сотню рейтинга Forbes 2000, 47 имеют представительства в рассматриваемых центрах. Здесь присутствуют гиганты финансовой сферы (ICBC, BNP Paribas, ING, HSBC), страхования (Allianz, Prudential), автомобильной промыш-

² В методике учёта корпораций и их подразделений принимаются следующие допуски: 1) Из анализа намеренно выведены корпорации из сферы ритейла и дилерские центры автопроизводителей в силу их повсеместного размещения; 2) Для выявления размещения по городам США филиалов корпораций используются данные официальных сайтов ТНК, а в качестве источника данных по занятости, в силу отсутствия официальных данных, выступает сеть профессиональных контактов LinkedIn; 3) Расчёты проводятся по схеме «одна компания – один офис» – то есть без учёта всех филиалов компании в городе. При этом не дешифрируется тип филиала (офис продаж, предприятие, региональная штаб-квартира и т.д.); 5) В работе рассматриваются лишь те представительства, которые на 100% принадлежат главной компании и зарегистрированы под тем же товарным знаком.

ленности (Toyota Motor, Volkswagen Group), нефтяной индустрии (PetroChina, Total), химической промышленности (BASF, Novartis) и многие другие. Годовые продажи десяти крупнейших ТНК, работающих в США, превышают 1,5 трлн долл., а 583 ТНК, имеющих филиалы в глобальных городах, составляют более 14 трлн долл. [6].

Вместе с тем города существенно различаются по степени привлекательности и масштабам присутствия зарубежного транснационального бизнеса. Налицо серьёзные различия между основными категориями глобальных центров США (табл. 1). Согласно расчётам, в 2016 г. на восемь альфа-городов страны приходилось больше половины всех офисов-компаний² и 2/3 региональных штаб-квартир, максимально число государств, представленных ТНК. Здесь сконцентрировано 3/5 всех занятых в иностранных фирмах. На фоне лидеров весьма скромны позиции 11 гамма-городов США, где находится менее 1/5 офисов-компаний, лишь 5,5% региональных штаб-квартир, менее 1/10 занятых и минимально число стран, представленных ТНК. Это уже совсем иное измерение.

Таблица 1. Представительство зарубежных транснациональных структур бизнеса по категориям глобальных городов США, 2016 г

Table 1. Representation of foreign transnational business by categories of global cities of the USA, 2016

Категории глобальных городов	Число городов	Число офисов-компаний зарубежных ТНК	Число региональных штаб-квартир зарубежных ТНК	Число стран, представленных ТНК		Число занятых в филиалах зарубежных ТНК, тыс. чел
				В среднем по категории	Максимальное в одном городе	
Альфа	8	1518	218	27	41	445,5
Бета	9	869	89	21	32	197,1
Гамма	11	544	11	16	22	74,4
Всего	28	2931	327	21	43	717,0

Источник: рассчитано по официальным сайтам корпораций, <http://www.forbes.com>

Дифференциация глобальных городов США по выраженности присутствия зарубежных ТНК

Различия крупнейших агломераций США как мест локализации представительств зарубежных ТНК хорошо отражает авторский Индекс корпоративной активности (ИКА) – кумулятив расчётов для городов по формуле:

$$\frac{X - X_{min}}{X_{max} - X_{min}}$$

¹ Офисы-компании – это суммарное количество компаний, присутствующих в городе. К примеру, в одном городе может работать 30 компаний с суммарным количеством офисов равным 40, а в другом – 50 и 80 соответственно. В таком случае совокупно в этих двух городах будет 80 офисов-компаний и 120 офисов.

для каждого из четырёх статистически доступных показателей (число офисов-компаний, региональных штаб-квартир, численность занятых в иностранных фирмах и число стран, представленных ТНК), где x – величина показателя в конкретном городе. Согласно значениям ИКА, выделяются: однозначный «гегемон» в сфере зарубежного транснационального бизнеса в США – Нью-Йорк (максимальная величина ИКА, равная четырём), превосходящий другие агломерации страны по всем индикаторам с гигантским отрывом, и четыре неравноценных по составу категории центров низших рангов: города-лидеры, города-тяжеловесы, города-средневесы и города-аутсайдеры. Их метрики приведены в таблице 2.

Значение Нью-Йорка как эпицентра мирового бизнеса отмечалось в специальной литературе неоднократно [2, с. 24–25]. Известно, что в городе базируется огромное число американских компаний. Здесь расположены штаб-квартиры многих выдающихся структур как финансовой сферы, включая Citigroup, JPMorgan Chase & Co., Goldman Sachs Group, Morgan Stanley и др., так и иного профиля, среди которых Verizon Communications, Pfizer, Alcoa, NewsCorp., Colgate-Palmolive и др. Посему не особо удивляет верховенство Нью-Йорка и в локализации иностранного транснационального бизнеса. По состоянию на 2016 г. в экономической столице США представлены 383 зарубежные компании с 727 офисами из 41 страны, в т.ч. такие гиганты как HSBC, Samsung, Nestle, Panasonic и др. По отраслевому профилю – это ТНК прежде всего из сферы финансов и страхования (48% занятых), химической промышленности (17%) и профессиональных услуг (10%), а по страновой принадлежности – из Японии (26%), Великобритании (8%), Франции (6%) и Китая (6%).

Таблица 2. Основные показатели типологических групп глобальных городов США по присутствию зарубежных ТНК, 2016 г

Table 2. Main Indicators of Foreign TNCs Presence in Groups of Global US Cities,

2016 Значения ИКА	Типологические группы глобальных городов	Индикаторы типологических групп глобальных городов:			
		Число офисов-компаний	Число Региональных штаб-квартир	Число занятых, тыс. чел.	Число стран, представленных ТНК
4	Гегемон	383	98	184,8	41
>1,5	Лидеры	180-250	20-35	50-70	~30
0,7-1,5	Тяжеловесы	90-150	10-15	20-35	20-25
0,35-0,7	Средневесы	50-90	3-5	10-15	~20
<0,35	Аутсайдеры	30-60	<3	<10	<20

Источник: рассчитано по официальным сайтам корпораций, <http://www.forbes.com>

Блок «лидеров» (ИКА >1,5) формируют четыре агломерации: Лос-Анджелес, Хьюстон, Чикаго и Сан-Франциско, аккумулирующих почти 1/3 региональных штаб-квартир и всего персонала иностранных ТНК в глобальных городах США. Первый особо выделяется по количеству офисов-компаний, второй – по числу региональных штаб-квартир зарубежных фирм и обширности географии транснациональных связей, третий, хотя и с отставанием в более чем три раза от Нью-Йорка, – по количеству занятых. Наконец, Сан-Франциско закрепился в топ-5 по всем рассматриваемым метрикам. При этом обращает на себя внимание различный генезис лидерства городов. Чикаго долгое время оставался главным центром традиционных отраслей промышленности, но пережил, как и прочие города Ржавого пояса, серьёзный кризис. Ныне он является образчиком комплексной экономики и главным транспортным хабом Среднего Запада США. Напротив, остальные три агломерации – ведущие центры в отдельных отраслях глобальной экономики. Лос-Анджелес, пройдя череду хозяйственно-отраслевых подъёмов и спадов, побывав в начале XX в. крупнейшим центром нефтедобычи, в середине XX в. – автомобилестроения, а на протяжении холодной войны – главным узлом АРКП, прочно закрепил за собой функцию мировой столицы индустрии развлечений [3]. Сан-Франциско доминирует в мировой индустрии высоких технологий и представляет собой прекрасную площадку для межкорпоративной кооперации, особо выделяясь крупностью университетской базы и специализацией на подготовке высокопрофессиональных кадров. Хьюстон на протяжении многих десятилетий выступает одним из основных игроков в нефтяном бизнесе и регулярно именуется «энергетической столицей мира», хотя экономика города существенно диверсифицировалась и сегодня он является одним из крупнейших медицинских центров страны с активно развивающейся индустрией хай-тека. Но деятельность зарубежных корпораций по-прежнему непосредственно связана с нефтяной промышленностью и её эффект как мультипликатора невероятно выражен. В 2016 г. в агломерации размещались 173 иностранные компании с 249 офисами и численностью персонала в 57 тыс. чел., из которых 34% были непосредственно связаны с энергетикой, нефтегазовым сектором и химической промышленностью, а ещё 44% косвенно взаимодействовали с этими отраслями, будь то услуги в области инжиниринга или производства металлургической продукции и пр. Здесь представлены практически все крупнейшие энергетические компании из 32 стран мира, включая Total, Sinopec, Royal Dutch Shell и многие другие.

К категории «тяжеловесов» (ИКА 0,7–1,5) относится семь городов: Вашингтон, Даллас, Атланта, Бостон, Детройт, Майами и Филадельфия. Они практически вдвое уступают городам-лидерам по всем основным индикаторам, но, тем не менее, за счёт весьма широкого спектра факторов играют важную роль в привлечении транснационального капитала. Историко-культурные связи с Европой важны для Филадельфии и Бостона, входящих в число старейших городов страны, долгое время бывших её главными промышленными центрами.

Позиционирование в качестве родины мирового автомобилестроения имеет исключительное значение для Детройта. Столичность – ключевой аргумент Вашингтона как крупного корпоративного узла. Многие зарубежные ТНК открывают здесь представительства в целях установить связи с общественностью, получить госзаказы, выйти на прямое взаимодействие с властными структурами. Например, первоначальной задачей офиса немецкой фирмы SAP было налаживание сотрудничества с местными правительственными и неправительственными организациями [5]. Географическое положение и глубокие хозяйственные и культурные связи заслужили Майами славу неофициальной столицы Южной Америки. Развитие транспортной функции трудно переоценить в случае Атланта – ныне крупнейшего авиаузла мира по объемам пассажироперевозок, одного из главных центров США в финансовой сфере, автомобильной и электротехнической промышленности. Возможности повышенной мобильности по территории США и в мире привлекают в город многие зарубежные фирмы.

Группа «средневесов» (ИКА 0,35–0,7) количественно относительно ограничена, но состоит из наиболее динамично развивающихся агломераций США – Сиэтла, Сан-Диего и Роли, экономика которых сфокусирована на передовых и наукоемких отраслях, что является чрезвычайно привлекательной стороной для профильных зарубежных ТНК и во многом подсказывает дополнительный потенциал в дислокации их представительств. В силу особой сцепки интересов американского и зарубежного бизнеса нельзя исключать дальнейшего подъема «средневесов» и их интеграции в группу корпоративных узлов транснационального бизнеса США более высокого ранга.

Блок «аутсайдеров» (ИКА <0,35) включает 13 агломераций: Миннеаполис, Кливленд, Денвер, Финикс, Шарлотт, Тампа, Цинциннати, Канзас-Сити, Сент-Луис, Милуоки, Колумбус, Орlando и Портленд. С позиций циклично-генетической динамики городского развития и возможности оседания транснационального бизнеса они различаются на две ключевые категории. Во-первых, это центры, утратившие в силу определённых обстоятельств бывшие позиции и сегодня характеризующиеся неблагоприятной экономической обстановкой. Такие города, как Кливленд и Милуоки, до сих пор причисляются к числу глобальных за счёт доминирования в отдельных отраслях хозяйства в прошлом. Они вполне могут повторить судьбу, например, Гэри – одного из крупнейших металлургических центров страны в первой половине XX в., но пережившего экономический спад в связи с возросшей конкуренцией со стороны иностранных производителей стали. Во-вторых, это центры, только начинающие «восхождение к вершине», типа Финикса, Шарлотт, Тампы и др. и пока в силу ограниченности ресурсов роста не способные привлечь иностранные компании в массовом порядке. Кроме того, многие из них находятся «в тени» более крупных глобальных городов. К примеру, для Финикса неблагоприятна близость Лос-Анджелеса как альтернативы размещения офиса компании, для Орlando – Майами и т.д.

Все «аутсайдеры» вряд ли могут претендовать в ближайшее время на существенное улучшение своих позиций и испытывают реальный напор со стороны многих неглобальных центров: Мемфиса, Нэшвилла, Остина, Солт-Лейк-Сити, разными способами пытающихся «перетягивать» филиалы зарубежных ТНК на себя.

Анализ результатов впервые выполненной в российской экономико-географической науке расчётной оценки масштаба присутствия зарубежных компаний в крупнейших городах США подводит к нескольким выводам. Во-первых, подтверждена нодальность глобальных городов страны в размещении иностранных ТНК: они аккумулируют около 66% филиалов и 78% занятых этих компаний. Во-вторых, доказана жёсткая соподчиненность городов по присутствию зарубежных ТНК. Согласно разработанной методике, совершенно чётко выделяются пять подгрупп городов с Нью-Йорком в качестве однозначного города-гегемона и целой плеядой городов-аутсайдеров, чьи перспективы в глобальном транснациональном поле весьма туманны. В-третьих, иерархия городов по ИКА во многом совпадает с рейтингом, предложенным GaWC: глобальные центры альфа-группы явно лидируют по всем рассмотренным индикаторам, в то время как позиции гамма-городов достаточно скромны. Это свидетельствует в целом о работоспособности и релевантности критерия «присутствие зарубежных ТНК», применимости его для самостоятельного ранжирования глобальных центров. В-четвёртых, выявлен ряд центров США, включая Хьюстон, Детройт и Роли, получающих дополнительный бонус при позиционировании в иерархии глобальных городов за счёт привлечения транснационального капитала. В-пятых, изучение опыта формирования американских глобальных городов как хабов иностранных компаний, имеет большое не только научно-познавательное, но и прикладное значение. В частности, с одной стороны, раскрытие всего многообразия объективных факторов привлекательности агломераций США для дислокации зарубежных ТНК, а с другой – развернутая оценка инвариантов городской политики – представляются весьма востребованными в контексте назревшей модификации стратегий экономического развития и улучшения инвестиционного климата многих российских городов, в особенности Москвы и Санкт-Петербурга.

Список литературы

1. Город в контексте глобальных процессов / под ред. И.И. Абылгазиева, И.В. Ильина, Н.А. Слук. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2011. 448 с.
2. Гречко Е. А., Пилька М. Э., Слука Н. А. Азиатские транснациональные корпорации в глобальных городах США // Азия: демография – экономика – интеграция. Ежегодник. 2014 – 2015: сб. ст. / под ред. Л.В. Шкваря. М.: РУДН, 2015. С. 117–130.
3. Пилька М.Э., Слука Н.А. Новейшие сдвиги в отраслевой структуре экономики Большого Лос-Анджелеса // География, градостроительство, архитектура: синтез наук и практик. Смоленск: Ойкумена, 2013. С. 227–241.
4. Пилька М. Э., Слука Н. А. Размещение представительств зарубежных транснациональных корпораций в глобальных городах США

- // Вестник Моск. ун-та. Сер. 5. Геогр. 2014. № 4. С. 75–82.
5. Слука Н.А. Геодемографические феномены глобальных городов. Смоленск: Ойкумена, 2009. 317 с.
  6. Слука Н.А. Градоцентрическая модель мирового хозяйства. М.: Пресс-Соло, 2005. 168 с.
  7. Слука Н.А., Гречко Е.А., Пилька М.Э., Каченко Т.Х. Корпоративная география – пропульсивное направление исследований в географии мирового хозяйства // Социально-экономическая география: история, теория, методы, практика: сб. науч. ст. / отв. ред. А.П. Катровский, В.Е. Шувалов, Т.И. Яськова / под ред. В.Е. Шувалова. Смоленск: Универсум, 2016. С. 95–103.
  8. Abrahamson M. Global Cities. Oxford University Press, 2004. 192 p.
  9. Abu-Lughod J.L. New York, Chicago, Los Angeles: Americas's Global cities. The University of Minnesota Press, 1999. 592 p.
  10. Alderson A.S., Beckfield J., Sprague-Jones J. Intercity Relations and Globalisation: The Evolution of the Global Urban Hierarchy, 1981-2007 // Urban Studies. 2010. No. 47(9). Pp. 1899–1923.
  11. Clark D. Urban World, Global City. London, Routledge, 2003. 256 p.
  12. Godfrey B. J., Zhou Y. Ranking World Cities: Multinational Corporations and the Global Urban Hierarchy // Urban Geography. 2013. Vol. 20. No. 3. Pp. 268–281.
  13. Kratke S. How Manufacturing Industries Connect Cities Across the World: Extending Research on 'Multiple Globalizations' // Global Networks. 2014. No. 14 (2). Pp. 121–147.
  14. Liu X., Derudder B., Taylor P. J. Mapping the Evolution of Hierarchical and Regional Tendencies in the World City Network, 2000-2010 // Computers, Environment and Urban Systems. 2014. No. 43. Pp. 51–66.
  15. Sassen S. The Global City: New York, London, Tokyo. New Jersey, Princeton, 1991. 480 p.
  16. Taylor P.J. Leading World Cities: Empirical Evaluations of Urban Nodes in Multiple Networks // Urban Studies. 2005. Vol. 42. No. 9. Pp. 1593–1608.
  17. Taylor P.J. Specification of the World City Network // Geographical Analysis. 2001. Vol. 33. No. 2. Pp. 181–194.
  18. Taylor P.J. World City Network: A Global Urban Analysis. Routledge, 2004. 256 p.
  19. Robinson J. Global and World Cities: A View from off the Map // International Journal of Urban and Regional Research. 2002. No. 26 (3). Pp. 531–554.
  20. United Nations Centre for Human Settlements (Habitat). Cities in a Globalizing World. Gutenberg Press, 2001. 344 p.
  21. Verhetsel A., Sel S. World maritime cities: From which cities do container shipping companies make decisions? //Transport Policy. 2009. Vol. 16. No. 5. Pp. 240–250.
  22. Walker R. A Requiem for Corporate Geography: New Directions in Industrial Organization, the Production of Place and Uneven Development // Geogr. Ann. 1989. 71 B (1). Pp. 43–68.

Об авторах:

Мартин Эдуардович Пилька – аспирант кафедры географии мирового хозяйства МГУ имени М.В. Ломоносова. 119234, г. Москва, Ленинские горы, д. 1.

E-mail: martinpilka@protonmail.com.

Николай Александрович Слука – профессор кафедры географии мирового хозяйства МГУ имени М.В. Ломоносова. 119234, г. Москва, Ленинские горы, д. 1.

E-mail: sluka2011@yandex.ru.

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект 16-06-00492).

THE US GLOBAL CITIES AS HUBS FOR FOREIGN TRANSNATIONAL CORPORATIONS

M.E. Pilka, N.A. Sluka
DOI 10.24833/2071-8160-2017-6-57-196-206

Lomonosov Moscow State University

Despite the acknowledgment of the global city concept and the importance of transnationalization processes in their formation, the debate regarding global city identification methods continues. The article stresses the need to change our approach in evaluating global cities by primarily looking at them as locales for foreign multinational corporations.

By analyzing the location decisions of foreign TNCs included in the Forbes 2000 rankings two things become apparent: the "nodality" of US global cities and their hierarchical pattern. Moreover, the article recognizes the key role that Alpha global cities play by leading the country's international business relations, examined through foreign TNCs.

Using our methodology and data on foreign TNCs we defined five uneven groups of cities are defined in the study: city-hegemon New York, leading cities, heavyweight cities, middle-weight cities and cities-outsider.

The article defines some key factors that determine city's attractiveness for foreign multinationals: its geo-economical power, functional specialization, location, historical and cultural ties, position on different sectoral markets. The study of US global cities as hubs for foreign transnational corporations seems to be especially useful for Russian cities, especially Moscow and St. Petersburg, which aim to increase the attractiveness for foreign investment.

Key words: the world economy, spatial structure, global city, multinational corporations, the USA, affiliate location, Forbes 2000.

References

1. *Gorod v konteksteglobal'nyh processov* [City in the context of global processes]. Ed. by I.I. Abylgaziev, I.V. Il'in, N.A. Sluka. Moscow, Moscow University Publ., 2011. 448 p. (In Russian)
2. Grechko E.A., Pil'ka M. E.H., Sluka N.A. Aziatskie transnacional'nye korporacii v global'nyh gorodah SSHA [Asian transnational corporations in global US cities]. *Aziya: demografiya - ehkonomika - integraciya. Ezhegodnik - 2014 - 2015* [Asia: Demography - Economics - Integration. Yearbook. 2014 - 2015]. Ed. L.V. Shkvarya. Moscow, RUDN Publ., 2015. Pp. 117-130. (In Russian)
3. Pil'ka M.E.H., Sluka N.A. Novejshiesdviigi v otraslevoj structure ehkonomiki Bol'shogo Los-Andzhelesa [The latest shifts in the industrial structure of the economy of Greater Los Angeles]. *Geografiya, gradostroitel'stvo, arhitektura: sinteznaukipraktik* [Geography, urban planning, architecture: the synthesis of sciences and practices]. Smolensk, Ojkumena Publ., 2013. Pp. 227-241. (In Russian)
4. Pil'ka M. E.H., Sluka N.A. Razmeshchenie predstavitel'stv zarubezhnyh transnacional'nyh korporacij v global'nyh gorodah SSHA [Placement of representative offices of foreign transnational corporations in global US cities]. *Vestnik Mosk. un-ta. Ser. 5. Geogr.* 2014, no. 4, pp. 75-82. (In Russian)
8. Sluka N.A. *Geodemograficheskie fenomeny global'nyh gorodov* [Geodemographic phenomena of global cities]. Smolensk,

- Ojkumena Publ., 2009. 317 p. (In Russian)
9. Sluka N.A. *Gradocentricheskaya model' mirovogo hozyajstva* [Gradocentric model of the world economy]. Moscow, PressSolo Publ., 2005. 168 p. (In Russian)
  10. Sluka N. A., Grechko E. A., Pil'ka M.E.H., Tkachenko T. H. Korporativnaya geografiya – propul'sivnoe napravlenie issledovaniy v geografii mirovogo hozyajstva [Corporate geography - the propulsive direction of research in the geography of the world economy]. *Sotsial'no-ehkonomicheskaya geografiya: istoriya, teoriya, metody, praktika* [Socio-economic geography: history, theory, methods, practice]. Ed. by A. P. Katrovskij, V.E.Shuvalov, T.I.YAs'kova. Ed. by V. E. Shuvalov. Smolensk, Universum Publ., 2016. Pp. 95–103. (In Russian)
  11. Abrahamson M. *Global Cities*. Oxford University Press Publ., 2004. 192 p.
  12. Abu-Lughod J.L. *New York, Chicago, Los Angeles: Americas's Global cities*. The University of Minnesota Press, 1999. 592 p.
  13. Alderson A. S., Beckfield J., Sprague-Jones J. Intercity Relations and Globalisation: The Evolution of the Global Urban Hierarchy, 1981–2007. *Urban Studies*, 2010, no. 47(9), pp. 1899–1923.
  14. Clark D. *Urban World, Global City*. London, Routledge Publ., 2003. 256 p.
  15. Godfrey B.J., Zhou Y. Ranking World Cities: Multinational Corporations and the Global Urban Hierarchy. *Urban Geography*, 2013, vol. 20, no. 3, pp. 268–281.
  16. Kratke S. How Manufacturing Industries Connect Cities Across the World: Extending Research on 'Multiple Globalizations'. *Global Networks*, 2014, no. 14, vol. 2, pp. 121–147.
  17. Liu X., Derudder B., Taylor P. J. Mapping the Evolution of Hierarchical and Regional Tendencies in the World City Network, 2000–2010. *Computers, Environment and Urban Systems*, 2014, no. 43, pp. 51–66.
  18. Sassen S. *The Global City: New York, London, Tokyo*. Princeton, New Jersey, 1991. 480 p.
  19. Taylor P.J. Leading World Cities: Empirical Evaluations of Urban Nodes in Multiple Networks. *Urban Studies*, 2005, vol. 42, no. 9, pp. 1593–1608.
  20. Taylor P.J. Specification of the World City Network. *Geographical Analysis*, 2001, vol. 33, no. 2, pp. 181–194.
  21. Taylor P.J. *World City Network: A Global Urban Analysis*. Routledge Publ., 2004. 256 p.
  22. Robinson J. Global and World Cities: A View from off the Map. *International Journal of Urban and Regional Research*, 2002, no. 26 (3), pp. 531–554.
  23. *Cities in a Globalizing World*. United Nations Centre for Human Settlements (Habitat). Gutenberg Press Publ., 2001. 344 p.
  24. Verhetsel A., Sel S. World maritime cities: From which cities do container shipping companies make decisions? *Transport Policy*, 2009, vol. 16, no. 5, pp. 240–250.
  25. Walker R. A Requiem for Corporate Geography: New Directions in Industrial Organization, the Production of Place and Uneven Development. *Geogr. Ann.*, 1989, 71 B (1), pp. 43–68.

About the authors:

Martin E. Pilka – PhD student, Lomonosov Moscow State University, Department of Geography of World Economy. 1, Leninskiye Gory, Moscow, Russia, 119234.

E-mail: martinpilka@protonmail.com.

Nikolay A. Sluka – professor, Lomonosov Moscow State University, Department of Geography of World Economy. 1, Leninskiye Gory, Moscow, Russia, 119234.

E-mail:sluka2011@yandex.ru.

The article is written with financial support from the Russian Foundation for Basic Research (project 16-06-00492).

МЕЖДУНАРОДНЫЕ КОНКУРСНЫЕ ТОРГИ КАК ЭФФЕКТИВНАЯ ФОРМА МИРОВОЙ ТОРГОВЛИ

Л.М. Капица

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России

Рецензия на монографию А.Н. Захарова «Международные конкурсные торги в современных мирохозяйственных отношениях»: монография /А.Н. Захаров; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) М-ва иностр. дел Рос. Федерации, каф. мировой экономики. - М.: МГИМО-Университет, 2017. 379, [1] с.

Ключевые слова: международные конкурсные торги, экономическая дипломатия, электронная торговля, контрактная система.

Монография профессора А.Н. Захарова «Международные конкурсные торги в современных мирохозяйственных отношениях» освещает содержание и роль конкурсных тендеров в торгово-экономической экспансии зарубежных компаний. Научная монография знакомит читателя не только с существующими формами международных тендеров, но и описывает шаг за шагом процедуру участия и требования, предъявляемые к участникам тендеров. Международные конкурсные торги (МКТ) сегодня очень распространены в международной торговле, особенно на рынках машиностроительной продукции. По оценкам экспертов, стоимость заказов на поставку оборудования и объектов капитального строительства, полученных посредством проведения торгов, составляет около 1/3 общей стоимости экспорта машиностроительной продукции из развитых стран. Существование проблемы сбыта на мировом рынке стимулирует импортёров не только расширять и интенсифицировать сферу использования МКТ, но и применять их как механизм создания определённых преимуществ при размещении импортных заказов. Так, цены на

УДК 339.544

Поступила в редакцию 08.05.2017 г.

Принята к публикации 20.11.2017 г.

энергетическое оборудование по заказам, размещённым через международные торги, в среднем на 20-25% ниже, чем при подписании контракта в результате двусторонних переговоров. Это объясняется тем, что международные торги стимулируют конкуренцию между продавцами, позволяют покупателям выбирать наиболее технически совершенный и коммерчески целесообразный для них вариант из многих предложенных.

Во введении автор монографии подчёркивает, что международные конкурсные торги (тендеры) являются весьма распространённым инструментом современной международной торговли, практикуемым государственными и негосударственными организациями как развитых, так и развивающихся стран. В первой главе «Международные конкурсные торги в мировой экономике» показано, что международные конкурсные торги (МКТ) являются эффективной формой современной мировой торговли. Значение МКТ определяется тем, что они являются важным инструментом в современном механизме рыночного хозяйства: содействуют развитию внешней торговли, которая, в свою очередь, служит средством обеспечения более высоких темпов роста национальной экономики. Автор монографии справедливо подчёркивает, что использование тендеров позволяет эффективно осуществлять операции купли-продажи как покупателям, так и продавцам большой группы преимущественно капиталоемких товаров и услуг. Во второй главе «Передовой опыт развитых стран по организации международных конкурсных торгов» показана роль экономической дипломатии в организации МКТ, а также опыт развитых стран по проведению МКТ на закупку продукции, работ и услуг. Нельзя не согласиться с автором монографии, что механизмы экономической дипломатии как наиболее последовательной формы выражения интересов государства и его бизнеса на международной арене при грамотном функционировании являются основным источником повышения конкурентоспособности страны и ликвидирует проблемы, связанные с неэффективным проведением конкурсных торгов. Автор показывает, что зарубежный опыт осуществления закупок товаров, работ и услуг для государственных нужд позволяет значительно повысить эффективность использования бюджетных ассигнований и снизить вероятность злоупотреблений. В третьей главе «Современные направления развития международных конкурсных торгов» рассматриваются такие вопросы, как роль международных организаций в развитии МКТ, электронная торговля, как перспективное направление развития международных конкурсных торгов в XXI веке, а также специфика и направления совершенствования конкурсных торгов в России. По оценке автора монографии, в среднем с помощью МКТ международные финансовые организации ежегодно экономят около 30 млрд долл. США. За годы своей работы на мировом рынке именно они накопили наибольший опыт в сфере организации закупок и размещения заказов. За последние десятилетия в сфере связи произошла технологическая революция. Стремительное развитие электронного обмена данными радикально изменило способы осуществления торговых операций, которые,

в свою очередь, ещё более упростили процедуру внешнеторговой сделки, и мы, как подчёркивает автор монографии, являемся свидетелями мощного вторжения в практику торговых операций нового процесса — электронной торговли — ключевого направления экономического развития в XXI в. В связи с этим наиболее перспективным направлением развития МКТ станет их интернационализация и осуществление в электронном виде. Автор монографии, в отличие от других монографий на ту же тему, всесторонне анализирует специфику и направления совершенствования МКТ в России. В этом заключается научная новизна монографии. Анализируются итоги госзакупок в 2015г. и изменения законодательства РФ по госзакупкам с 2016г. Представлен обзор изменений законодательства о контрактной системе, вступивших в силу в 2017г. Нельзя не согласиться с автором монографии, что процесс глобализации в целом и мирохозяйственных отношений в частности оказывает свое воздействие и на МКТ, позволяя максимально использовать преимущества конкурентных механизмов над традиционными способами организации закупок и размещения заказов на мировом рынке товаров, работ и услуг.

В тоже время, несмотря на высокую научную и практическую значимость монографии, следует указать следующие замечания и пожелания.

1. На мой взгляд, необходимо было бы *расширить раздел*, связанный с российским *малым и средним бизнесом*. Освоение российским малыми средним бизнесом формальных механизмов, поддерживающих и регулирующих международные торгово-экономические отношения, происходит весьма медленными темпами и темпы роста числа малых предприятий в России постоянно замедляются. К числу таких механизмов относятся и международные торги, открывающие новые возможности расширения рынка сбыта и налаживания экономических связей с зарубежными партнёрами. С одной стороны, одной из причин, сдерживающих участие российского малого и среднего бизнеса в международных торгово-экономических связях, является нехватка собственных ресурсов (человеческих и материальных) для продвижения своей продукции на мировом рынке. С другой стороны, множество организационно-бюрократических структур, созданных за последние годы, не обладают ещё достаточной компетенцией для оказания эффективной поддержки малому и среднему бизнесу в данной области. К числу таких областей относятся и международные торги. Монография-профессора А.Н. Захарова призвана закрыть, хотя бы частично, существующую брешь. Кроме того, наличие институциональных проблем, таких как коррупция, олигополия и отсутствие нормального инвестиционного климата также сдерживают деятельность малых и средних предприятий в системе МКТ. Малое предпринимательство способно приспосабливаться к любым изменениям в законодательстве, потребительском спросе и веяниям научно-технического прогресса.

2. На мой взгляд нужно, *больше внимания уделить разделу, посвящённому электронной торговле* и возможностям, которые возникают для участников торгово-экономических отношений в связи ростом виртуальных рынков.

Электронная коммерция включает в себя проведение торговых сделок с помощью инструментов сети Интернет, что значительно облегчает процесс международной торговли. По информации Ассоциации компаний интернет-торговли (АКИТ) в 2016 г. российский рынок онлайн-продаж вырос на 21%. Годом ранее этот показатель составлял лишь 7%, но даже несмотря на это онлайн-покупки в общем обороте розницы РФ составляют лишь 3,3%. В то время как в США их доля в три раза больше – 10%, а в Великобритании – 13%.

3. Необходимо было бы также, на мой взгляд, *усилить и раздел, освещающий деятельность международных организаций, включая организации системы ООН*. Здесь следует упомянуть некоторые последние инициативы, в частности, создание «единого окна», через которое и малый бизнес любой страны может принять участие в тендерах, объявляемых организациями-членами системы ООН. Российские компании, заинтересованные в расширении рынков сбыта своей продукции и услуг, могут участвовать в международных торгах в системе международных организаций ООН для сотрудничества с поставщиками из всех стран мира. Пройдя процедуру электронной регистрации в системе один раз, потенциальный поставщик имеет возможность представить свои товары и услуги организациям ООН в разных странах мира. Осуществляя деятельность во всех регионах планеты, учреждения ООН помогают увеличивать объемы производства продукции, работ и услуг. Организации приобретают продукты химии, нефтепереработки, продовольствие, автотранспортные средства и запчасти, оборудование, компьютерную технику, канцелярские материалы и др. В числе услуг, в предоставлении которых заинтересованы учреждения ООН, большой объем занимают воздушные перевозки, услуги в области общественного питания, экспедиторское обслуживание, краткосрочная и долгосрочная аренда. При этом основными поставщиками подобных товаров и услуг являются не транснациональные корпорации мира, а предприятия малого и среднего бизнеса. Это в полной мере соответствует проводимой ООН политике защиты прав и интересов таких предприятий, препятствующей оказанию давления на них со стороны крупных участников мирового рынка. Стоимость подавляющего большинства заключённых контрактов невелика — примерно \$ 20 тыс. каждый. Ежегодно таких контрактов заключается примерно 135 тыс. В то же время закупки на сумму свыше \$ 1 млн составляют не более 2% заказов. Информационную и аналитическую поддержку компаний, которые заинтересованы в регистрации и участии в конкурсных закупках организаций ООН, осуществляет АО «Российский экспортный центр». Российская Федерация на протяжении последних лет стабильно входит в число крупных поставщиков ООН. Так, в 2016 г. российские компании поставили организациям ООН товаров и услуг на сумму около 363 млн долл. США, заняв 13-е место среди стран-поставщиков ООН, т.е. 2,11% от общего объёма закупок ООН.

Несмотря на отмеченные недостатки, монография проф. А.Н. Захаров имеет большую научную значимость. В отличие от других монографий на анало-

гичную тему, весьма ценным, на мой взгляд, является и то, что в монографии анализируются итоги госзакупок в 2015-2016гг. и представлен обзор изменений законодательства о контрактной системе, вступивших в силу в 2017 г. в Российской Федерации. Анализируемые вопросы в монографии позволяют открыть новые возможности расширения рынка сбыта и налаживания экономических связей с зарубежными партнёрами. Подводя итоги вышеизложенному, можно сделать вполне определенный вывод о высокой научной и практической значимости монографии проф. А.Н. Захарова «Международные конкурсные торги в современных мирохозяйственных отношениях». А указанные замечания и пожелания необходимо, на мой взгляд, учесть автору в следующем издании монографии (дополненном и переработанном).

Хотя монография проф. Захарова А.Н. нацелена на научных работников и преподавателей, аспирантов и соискателей, студентов, изучающих такие курсы как «Международные экономические отношения», «Мировая экономика», «Экономическая дипломатия» и др., она вполне может быть использована как малым и средним бизнесом, так и правительственными и неправительственными организациями, для расширения их знаний и сферы деятельности.

Об авторе:

Лариса Михайловна Капица – к.э.н., профессор кафедры мировой экономики МГИМО МИД России. 119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76.
E-mail: lkapitsa@yandex.ru.

INTERNATIONAL COMPETITIVE BIDDING AS AN EFFECTIVE FORM OF WORLD TRADE

L.M. Kapitsa
DOI 10.24833/2071-8160-2017-6-57-207-211

Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Book review: Alexander Zakharov, International competitive bidding in modern world economic relations. Moscow:MGIMO-University, 2017. 379 p.

Key words: international competitive bidding, economic diplomacy, Commerce, contract system.

About the author:

Larisa M. Kapitsa – PhD, Professor, Department of world economy, MGIMO-University. 76 Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia. E-mail: lkapitsa@yandex.ru.

МИРОВОЕ ХОЗЯЙСТВО С ПОЗИЦИИ ГЕОГРАФИИ, ЭКОНОМИКИ И ПОЛИТИКИ

В.А. Горбанёв

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России

Рецензия на книгу: «География мирового хозяйства: традиции, современность, перспективы» / Под ред. В.А. Колосова и Н.А. Слуки. Коллективная монография. М.-Смоленск: издательство «Ойкумена», 2016. 400 с.

Рецензируемая книга – это солидная монография, плод труда крупнейших учёных-географов, ядро которого составляют сотрудники и выпускники кафедры географии мирового хозяйства Географического факультета МГУ. В монографии раскрыты этапы формирования и достижения отечественной школы географических исследований мирового хозяйства. Оценены современные сдвиги в географии материальной и нематериальной сферах. Рассмотрены изменения места стран и регионов в мировой экономике и политике. Проанализированы международные миграции населения на разных территориальных уровнях.

Рецензируемая книга написана на высоком научном уровне, хорошим языком и представляет большой интерес не только для географов, но и для экономистов-международников и политологов.

Ключевые слова: география мирового хозяйства, промышленность, материальная сфера, нематериальная сфера, политическая география, регионализация, ТНК, миграции.

Поступила в редакцию 11.10.2017 г.

Принята к публикации 11.12.2017 г.

Последние десятилетия ознаменовались масштабными структурными и территориальными сдвигами в отраслях мирового хозяйства. Они были обусловлены внедрением достижений НТР в экономику, появлением новых экономических центров силы, геополитическими трансформациями. Экономисты и экономико-географы столкнулись с необходимостью эмпирического изучения и теоретического осмысления таких процессов, как взаимовлияние глобализации и регионализации, взрывной рост масштабов международной производственной кооперации, транснационализация и формирование глобальных цепочек добавленной стоимости, «финансиализация» отраслей материального производства. Кафедра географии мирового хозяйства МГУ имени М.В. Ломоносова традиционно находится в авангарде исследований этих проблем. Подходы к ним очерчены коллективом кафедры в двух «программных» статьях, опубликованных в журнале «Вестник Московского университета» [1; 2]. Настоящая монография, посвящённая 25-летию коллектива, представляет собой их логическое продолжение.

Кафедра всегда поддерживала тесные творческие контакты с коллегами из МГУ, учёными других академических институтов и вузов, прежде всего Института географии РАН, Института экономики РАН, МГИМО, Российского университета дружбы народов, в которых работает немало её выпускников разных лет. Не случайно сотрудники этих учреждений, а также профессора нескольких зарубежных вузов, вошли в авторский коллектив и делятся на страницах монографии результатами своих научных изысканий.

Монография состоит из пяти разделов. Самым большим по объёму является первый, посвящённый отечественной школе исследований географии мирового хозяйства. У её истоков стояли замечательные учёные Н.В. Алисов и Н.С. Мироненко, основавшие в самом начале 1990-х гг. кафедру географии мирового хозяйства на географическом факультете Московского государственного университета. Раздел открывают их работы, в которых раскрыты главные цели, задачи и проблемы этого направления экономико-географических исследований. Однако мировая экономика стремительно трансформируется, что ставит перед исследователями экономико-географами всё новые задачи. Эта проблема поднята в написанной коллективом кафедры главе «Горизонты исследований в области географии мирового хозяйства». Последующие главы раздела посвящены наиболее важным направлениям исследований – географии промышленности, корпоративной географии, геополитике и политической географии.

Второй раздел посвящён трансформациям в сфере материального производства. Его условно можно разделить на два подраздела – общий, где рассматриваются макротренды развития всей промышленности, и отраслевой. К сожалению, необходимо отметить, что эта часть монографии получилась слишком узкой и фактически ограничивается исследованиями различных подотраслей цветной металлургии. Впрочем, этот недостаток смягчается двумя главами общего характера, в которых рассмотрены тенденции развития и

охарактеризована макрогеография основных отраслей материального производства. Ещё одну главу – об особенностях развития промышленности стран Центрально-Восточной и Юго-Восточной Европы – было бы логично включить в четвёртый раздел («Регионы и страны в глобализирующемся мировом хозяйстве»).

Набор рассматриваемых в этом разделе регионов, стран и групп стран очень широк: развитые страны Западной Европы, страны БРИКС, микрогосударства. Авторы анализируют различные аспекты участия этих государств в геополитических и геоэкономических процессах. Весьма важной и актуальной представляется входящая в раздел теоретическая статья о проблемах экономического районирования в условиях глобализации. Особое место уделено постсоциалистическим странам. И это не случайно: нынешняя кафедра географии мирового хозяйства была образована на базе кафедры экономической географии социалистических стран, многие выпускники которой стали ведущими исследователями бывшего Института экономики мировой социалистической системы, ставшего позднее Институтом международных экономических и политических исследований, не так давно вошедшего в состав Института экономики РАН.

Пристального внимания заслуживает раздел о пространственной организации отраслей нематериальной сферы. В нём рассмотрены такие важные темы, как трансформация мировой финансовой системы, мировая система авиатранспорта, мировой рынок туристических услуг, мировая система НИОКР и трансфера технологий. В разделе затрагивается очень серьёзная проблема влияния технологического развития на экономику: авторы обосновывают тезис о том, что нынешний мировой экономический кризис в значительной степени обусловлен кризисом технологическим. Особый интерес вызывает глава, посвящённая развитию потребительской интернет-торговли: в связи со сложностью сбора и обработки соответствующей статистики эта тема пока ещё довольно слабо разработана экономистами и экономико-географами.

Наконец, заключительный, пятый раздел монографии посвящён ещё одной актуальной проблеме современного мира – усилению взаимозависимости и взаимовлияния регионов мира вследствие интенсификации международной миграции населения. Открывают его две главы общего характера – о главных тенденциях развития международной миграции в условиях глобализации и о крупнейших миграционных системах мира. Не менее интересны главы, затрагивающие самые злободневные проблемы, с которыми столкнулись развитые страны, – нелегальную миграцию и миграционный кризис в Европе.

Подводя итог, необходимо сказать следующее. Широкий охват актуальных тем, интернациональный авторский коллектив, сочетание теоретических вопросов и практических исследований, в том числе case-studies, превращают монографию, основанную на оригинальных географических подходах, в весьма полезный источник информации о современном мировом хозяйстве. Книга представляет интерес не только для экономико-географов, экономистов, поли-

тологов и представителей других наук. Написанная научным, но в то же время доступным языком, она вполне может оказаться полезной и более широкому кругу читателей, интересующихся актуальными проблемами современного мира.

Список литературы

1. Колосов В.А., Гречко Е.А., Мироненко К.В., Самбунова Е.Н., Слука Н.А., Тикунова И.Н., Ткаченко Т.Х., Федорченко А.В., Фомичев П.Ю. Горизонты исследований в области географии мирового хозяйства // Вестник Московского университета. Сер. 5. Геогр. 2016. № 1. С. 3–15.
2. Гитер Б.А., Гречко Е.А., Колосов В.А., Мироненко К.В., Пилька М.Э., Самбунова Е.Н., Слука Н.А., Тикунова И.Н., Ткаченко Т.Х., Федорченко А.В., Фомичев П.Ю. Основные направления исследований по географии мирового хозяйства // Вестник Московского университета. Сер. 5. Геогр. 2015. № 6. С. 3–11.

Об авторе:

Владимир Афанасьевич Горбанёв – д.г.н., профессор кафедры мировой экономики МГИМО МИД России. 119454, г. Москва, проспект Вернадского, д. 76. E-mail: vlgorbanyov@gmail.com.

WORLD ECONOMY FROM GEOGRAPHIC, ECONOMIC AND POLITICAL POINT OF VIEW

V.A. Gorbanyov
DOI 10.24833/2071-8160-2017-6-57-212-216

Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Book Review: Geography of world economy: traditions, modernity, prospects (in Russian) / Ed. By V.A.Kolosov & N.A.Sluka. Collective monograph. Moscow-Smolensk: Oikumena, 2016. 400 p.

The book under review is a solid monograph, the result of the work of the famous geographers, whose core is staff and graduates of the World Economy Geography Department of the Geographic Faculty of the Moscow State University. The stages of formation and achievements of the national school of the world economy geographical research are revealed. Modern changes in the geography of material and non-material spheres are estimated. The changes in the place of countries and regions in the world economy and politics are considered. The international migration of the population at different territorial levels has been analyzed.

It seems that the book under review the book is written on a high scientific level, good language and will be of great interest not only for geographers, but also for international economists and political scientists.

Key words: geography of world economy, industry, non-material sphere, material sphere, non-material sphere, political geography, regionalization, transnational corporations, migrations.

References

1. Kolosov V.A., Grechko E.A., Mironenko K.V., Samburova E.N., Sluka N.A., Tikunova I.N., Tkachenko T.Kh., Fedorchenko A.V., Fomichev P.Iu. Gorizonty issledovaniï v oblasti geografii mirovogo khoziaïstva [Horizons of research in the field of geography of the world economy]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 5. Geogr.* 2016, no. 1, pp. 3–15. (In Russian).
2. Giter B.A., Grechko E.A., Kolosov V.A., Mironenko K.V., Pil'ka M.E., Samburova E.N., Sluka N.A., Tikunova I.N., Tkachenko T.Kh., Fedorchenko A.V., Fomichev P.Iu. Osnovnye napravleniia issledovaniï po geografii mirovogo khoziaïstva [The main directions of research on the geography of the world economy]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 5. Geogr.* 2015, no. 6, pp. 3–11. (In Russian).

About the author:

Vladimir A. Gorbanyov – PhD in Geography, Professor of Geography, MGIMO, 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia. E-mail: vlgorbanyov@gmail.com.